

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК



ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: *политология и социология*

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№2 2015

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии: 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понеделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор.

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент.

Ответственный научный секретарь:

А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент.

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Е. В. Гуляева, канд. филос. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь)
Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь).

Адрес редакции: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского филиала
ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Камкия Б.А.
Контекстуальный подход в политологии
в конце XX века 4

Фомин А.Н.
Социальная миссия, цель, задачи и
функции органов территориального
общественного самоуправления 14

Ткач Е.С., Беланова А.В.
Финансовая поддержка малого
предпринимательства как условие обеспечения
экономической безопасности региона 19

СОЦИОЛОГИЯ

Смолина Е.Г.
Понятие «сети» как новый взгляд на устройство
общества 23

Задорин В.В.
Задачи применения доказательно-теоретического
представления данных в социологии 28

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Абдурахманов Р.А.
Психологическая культура как актуальная
проблема современной школы 35

Беседина С.А.
Формирование представлений у дошкольников
с функциональными нарушениями зрения
об эмоциях 40

Комарова А.И., Долгополова О.А.
Взаимосвязь ценностей и эмоционального
интеллекта: культурно-психологические
особенности 46

Завьялова Ю.В.
Социально-психологический аспект
персональной оценки членов экипажа 56

Зиновьева Д.М.
Ключевые ориентиры психологической работы
с поколением «текущей современности» 62

Игонина М.С.
Особенности проявления копинг-стратегий среди
подростков в межкультурном взаимодействии 76

Крутова В.В.
Оказание практической помощи специалистом-
психологом в следственных действиях с участием
несовершеннолетних лиц 79

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE

Kamkiya B.A.
The contextual approach in political science
at the end of the twentieth century 4

Fomin A.N.
Social mission, purpose, tasks and functions
of local self-government
bodies 14

Tkach E.S., Belanova A.V.
Financial support of small businesses
as a condition of ensuring economic security
of the region 19

SOCIAL SCIENCE

Smolina E.G.
The new perspective on social structure through
the concept «Network» 23

Zadorin V.V.
Application tasks of evidential and theoretical
presentation of data in sociology 28

HUMANITARIAN SCIENCES

Abdurakhmanov R.A.
Psychological culture as topical issue
of Russian Secondary Modern Schools 35

Besedina S.A.
Formation and conceptualization of emotions
in nursery children with functional vision
impairments 40

Komarova A.I., Dolgopolova O.A.
Interconnection of values and emotional intelligence:
cultural and psychological
features 46

Zav'yalova Yu.V.
Social and psychological aspects of personal assessment
of the ship crew members 56

Zynovyeva D.M.
Key principles of psychological work with the generation
of “liquid modernity” 62

Igonina M.S.
Features of coping-strategy among adolescents
in intercultural communication 76

Krutova V.V.
Forensic psychologist
in investigative process involving
minor children 79

Терентьев А.В. Роль эмоционально зависимых отношений в формировании готовности молодых людей к семейной жизни 83	Terentev A.V. The role of emotionally dependent relationship forming preparedness for family life in young people 83
Тронева В.Н. Роль психолога при расследовании и разрешении уголовных дел в отношении несовершеннолетних 87	Troneva V.N. The Role of the psychologist in investigative process and settlement of criminal cases involving children 87
Фомина О.О. Психологическое благополучие: компоненты феномена 92	Fomina O.O. Psychological well-being: components of the phenomenon 92
Фомина Н.А., Мартынюк Е.Е. Ценностные ориентации в культуре современного общества 96	Fomina N.A., Martynyuk E.E. Value orientations in modern societal culture..... 96
Фомина Н.А., Мирчетич М.А. Речевая диагностика особенностей мотивационной сферы современных студентов..... 99	Fomina N.A., Mirchetich M.A. Speech diagnostics of motivation features of modern students 99
Черемисова (Курышева) И.В. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе: эстетико-семиотический подход 101	Cheremisova (Kurisheva) I.V. Formation of intelligent elite in higher school: aesthetic and semiotic approach 101
Всероссийская научно-практическая конференция «Психологическая культура в современном российском обществе» 23–24 апреля 2015 г. (г. Волгоград) 105	All-Russian research and practical conference «Psychological culture in contemporary Russian society» 23-24 April 2015 (Volgograd) 105
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 109	ABOUT THE AUTHORS 109

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 321.01 "19"
ББК 66.1(2)

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТОЛОГИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Б.А. Камкия

Аннотация. В статье автор рассматривает формирование контекстуального подхода в конце XX в. в политологии. В связи с этим анализируются предпосылки и причины, актуализировавшие данную проблему. Модернистский подход в исследовании политического поведения не дал возможности понять реальность исторических процессов.

Автор приходит к выводу о том, что политический выбор зависит от социального контекста жизни индивидов. Индивид существует в контексте ограничений реального мира, которые производят граждане, выступая в роли собирателей и толкователей политической информации. Политический контекст всего периода «модерна» не был однородным. Оперирование оторванными от контекста данными и предвзятыми выводами о поведении избирателей привело к тому, что электоральный анализ не позволил понять множественность способов политического мышления и действия.

Язык, история и знание контекста образуют составные части процесса построения политической теории, в которой требуется сочетание строгости и соразмерности.

Ключевые слова: социальный контекст, социальные связи, политический контекст, политическое поведение, политическая теория, сравнительная политология, западная советология и политология, международные отношения.

THE CONTEXTUAL APPROACH IN POLITICAL SCIENCE AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

B.A. Kamkiya

Abstract. The author considers formation of the contextual approach in the late twentieth century in political science. In this connection, the analysis of the causes and reasons actualizing the issue has been carried out. The modernist approach to the study of political behavior did not give the opportunity to understand the reality of historical process.

The author concludes that the political choices depend on the social context of the lives of individuals. The individual exists in the context of the limitations of the real world which is made by its citizens acting as collectors and interpreters of political information. The political context of the entire period of "modernism" was not uniform. Operating data detached from the context and preconceived conclusions about the behavior of voters has led to the fact that the electoral analysis is not possible to understand the multiplicity of ways of political thinking and action.

Language, history and context knowledge form an integral part of the process of political theory building, which requires a combination of severity and proportionality.

Keywords: social context, social relations, political context, political behavior, political theory, comparative politics, political science and western sovietology, international relations.

Несмотря на то, что в последнее время в отечественной научной литературе появились публикации, посвященные контекстуализму [1; 2; 3; 4], данная методология свое признание находит пока в узких кругах ученых.

Все политические поведения происходят в условиях определенного контекста, времени и места, характеризующихся различными предпосылками, предпочтениями и особенностями. Любой поиск универсальных закономерностей в политическом поведении является обреченным на

провал именно по этой причине. В нынешнюю постмодернистскую картину мира на смену универсализму приходит релятивизм в понимании социальных регулятивов. «Релятивизм является одним из принципов постклассической картины мира и, естественно, эпистемологии. Он говорит, прежде всего, об относительности знания об объекте, включенном в субъект-субъектные интеракции и межкультурный контекст» [6, с. 225]. Социальная эпистемология (Б. Барнс, Д. Блур, С. Фуллер и др.), начиная с 70-х гг. XX в., обосновывает зависимость научного познания от субъект-субъектных отношений, от социокультурного контекста [6, с. 226]. Существуют различные подходы, которые могут быть использованы для продуктивного контекстного анализа [10]. Систематическое рассмотрение свойств личности и свойств ситуации – и отдельно, и в сочетании друг с другом – может стать плодотворной стратегией для контекстного анализа. Основные вопросы политической науки – «Как люди воспринимают политический мир?», «Когда личность имеет значение?», «Как информация преобразуется в мнения?», «Злые деяния совершаются злыми людьми?», «Что формирует личность и когда она становится политически обусловленной?» – могут быть интерпретированы в рамках конструкции «Человек – Ситуация». В основе рекомендации для теоретической основы конструкции «Человек – Ситуация» лежит предпочтение определенной эпистемологии причинности. Работа социологов была бы значительно легче, если бы социальный мир характеризовался простыми линейными причинно-следственными связями. Если причинно-следственные закономерности являются гораздо более сложными, чем простая линейная регулярность, то проблема состоит в том, чтобы избежать упрощенного и часто небрежного мышления.

Недостаток современной политологии выражается в следующих моментах: широкая трактовка демократизации, слишком общие выводы, приоритет количественных исследований, монизм методов, поиск единого оптимального алгоритма решений, «инженерная» трактовка знаний, признание системной природы развития познания.

В 1960–1980-е гг. были проведены конкретные социологические исследования влияния политической культуры на структуру политических объединений и поведение избирателей. В этих работах был подвергнут критике распространенный тезис о свободе выбора и сделан вывод: расселение людей по определенным местностям (районам, областям, регионам) не связано с политическими причинами. Чем больше группа, тем меньше вероятность того, что политический выбор ее членов сделан на основе социальных условий.

Во-вторых, на электоральные кампании влияет фактор времени. Его влияние меняется в зависимости от группы и определяется в терминах индивидуальных характеристик. Динамические формулировки трудно перевести на язык свободного выбора.

В-третьих, если влияние условий коренится в социальной и политической вражде одной группы к другой, то свободный выбор маловероятен. В таком случае политическое поведение предсказуемо на основе социальных условий.

Наконец, более сложные разновидности влияния условий тоже подрывают тезис о свободе выбора. При анализе воздействия социальной среды на политическое поведение была открыта взаимозависимость между поведением и информацией. Это поставило под вопрос социальный детерминизм. Среда влияет на поведение через потребление информации и взаимозависимое поведение индивидов. Поэтому политологи отказались от использования понятия *референтная группа* в качестве объяснительного принципа.

Проблема свободы выбора касается влияния на поведение индивида цели, его предпочтений и независимых структурных факторов. Полное описание влияния социальной среды позволяет согласовать индивидуальную цель с внешним влиянием социальной структуры. Для такого объяснения требуется учет взаимного влияния социальных условий, социальных связей и граждан, преследующих политические цели.

Стало быть, политический выбор зависит от социального контекста жизни индивидов. Люди выбирают одну среду и избегают другую, поэтому выбор невозможно объяснить без соотнесения индивида и среды.

Структура социальных условий является внешней по отношению к индивиду и результатом индивидуального выбора. В большинстве случаев индивиды не могут контролировать все политические и социальные составляющие среды, зато могут контролировать *социальные связи* – сеть собственных контактов. Социальные условия ограничивают индивидов, которые вынуждены делать выбор одного из членов альтернатив, навязанных средой. Такие ограничения нередко подавляют индивидуальный выбор¹.

¹ В 1960–1970-е гг. на автомобильных заводах в Детройте были проведены исследования, посвященные взаимосвязи политического поведения и места работы. Среди рабочих преобладали демократы. Но демократическое большинство отличалось расплывчатыми представлениями об образцах социального взаимодействия и общения. Республиканское меньшинство было замкнуто и объединено в группы друзей, служившие «защитной средой для людей, политически отклоняющихся от норм». Таким образом, члены меньшинства своими политическими предпочтениями повлияли на социальные условия, создав сеть социальных и политических

Социальные связи возникают в результате соединения навязанных внешних социальных условий и внутренних предпочтений граждан. На этом уровне социальная структура не определяет ситуацию, но и не является лишь результатом индивидуальных предпочтений. При создании связей на индивидуальный выбор влияют обстоятельства, при которых меньшинства склонны создавать связи внутри уже сложившихся групп. Люди не принимают любую политическую информацию со стороны, но они не в состоянии полностью избежать влияния на них потока информации.

В классической работе Э. Даунса показано, что люди стремятся сбить цену на информацию, потребляя такие ее источники, которые совпадают с их собственными политическими предпочтениями. Такое поведение зависит от их опыта, внимательности, принадлежности к большинству или меньшинству. Отсюда вытекает, что более грамотные с политической точки зрения граждане стремятся получить скорее предвзятую, чем объективную информацию. Граждане считают полезной только ту информацию, которая содержит открытую политическую направленность.

Политические предпочтения не определяют выбор информации, поскольку они возникают в контексте поступающего из среды потока информации. Индивид не может контролировать все меню информации. Поэтому его потребность в ней соотносена с тем, что дает ему среда. При этом важно учесть два момента: люди выбирают источники информации на основе личных предпочтений; личный набор информационных альтернатив отражает доступные индивиду источники. Люди не являются бездумными продуктами среды. Их мнения есть результат соединения поступающей из среды информации с их предшествующими ориентациями.

Иначе говоря, реализация личных политических предпочтений в структуре социальных связей проблематична, особенно если в одном выборе надо отразить несколько предпочтений. Если люди вынуждены снижать издержки на потребление информации в соответствии со своими предпочтениями и желаниями, то контроль информационно-го потока неполон.

Индивиды дают информацию о себе независимо от собственных намерений, читая те или

отношений. Было проведено также исследование процесса создания политических и социальных связей во времени. В том числе проанализированы встречи людей как источник политической информации. Такая логика исследования учитывает как экзогенные предпочтения индивидов, так и ограничения, налагаемые структурой на социальные взаимодействия [5, с. 243].

иные газеты, просматривая телепрограммы, прикалывая значки с партийной и иной политической символикой. Большинство единиц выставленной напоказ информации привносит среда.

Обычно выбор источников информации не является полным, поскольку лежащие в его основе предпочтения не подкреплены соответствующей информацией. У людей нередко нет никаких предпочтений и они не контролируют поступление информации, поскольку у них нет критерия для ее отбора.

Указанные обстоятельства отражены в модели демократического гражданина. В ней сформулировано понятие стратегического актора для описания поведения индивида, действующего на основе своих целей, амбиций и потребностей. Эта модель в последние десятилетия широко используется в политической науке. Она базируется на следующих допущениях о гражданах: они обновляют свои оценки партий и политиков, пересматривая прошлый опыт; снижают информационные затраты, получая информацию от других граждан; снижают затраты на информацию с помощью аналитических приемов или эвристических принципов, позволяющих достигнуть цели кратчайшим путем. В данной модели делается акцент на последствия целенаправленных действий граждан и в то же время обеспечивается основание для эмпирической оценки. Вместо изучения причин, по которым индивиды являются отражением среды, контекста и групп, исследуется способ реализации целей и помехи на этом пути в заданном контексте времени, места и обстоятельств. Вместо квалификации поведения индивида как результата внутренних личностных факторов его политический выбор рассматривается во взаимосвязи с его окружением. Наряду с формированием предпочтений под влиянием поступающей извне информации происходит и обратный процесс: граждане воздействуют своими предпочтениями на среду с помощью личных критериев отбора информации. Политическая информация находится на пересечении индивидуальных целей граждан и источника информации, обусловленного средой.

Итак, анализ политического поведения по-новому ставит множество старых проблем, связанных с отношением между индивидом и средой. Чтобы понять несамостоятельных и неинформированных граждан, появилась новая модель гражданина. В ней индивид выступает как заинтересованный потребитель и толкователь политической информации. Такой человек избегает излишней поглощенности политикой. Конечным результатом стал более реалистичный взгляд на демократического гражданина – понимание граждан в контек-

сте ограничений реального мира, которые производят сами граждане, выступая в роли собирателей и толкователей политической информации.

Второе направление генезиса проблемы контекста связано с применением концепта «модернизм» в исследовании политического поведения. Ж.-Ф. Лиотар предложил одно из распространенных определений модернизма: «Я буду использовать термин «модерн» (т. е. «современный») для обозначения любой науки, оправдывающей свое существование ссылками на своего рода метадискурс, напрямую связанный с какой-либо крупной концепцией, такой, как диалектика духа, герменевтика значения, освобождение рациональности от действующего субъекта, или создание благополучия» [5, с. 301]. Предположение о том, что электоральные исследования и работы по политическому поведению носят «модернистский» характер, может показаться неправдоподобным. В электоральном анализе трудно обнаружить отголоски гегельянства, марксистского исторического материализма, критики Хабермаса или метафизических идей. И все же они есть.

Исследования политического поведения базируются на определенной концепции. В ней период современности представляется как уникальный благодаря прогрессу демократизации, на материалах которого проведено большинство исследований политического поведения. С 1990 по 1995 г. население, проживающее в странах либеральной демократии, возросло с 130 млн. до 2263 млн., а число либерально-демократических государств возросло с 4 до 40 и составило 39 % всего населения земли [5, с. 283]. На этом основании американские политические социологи разрабатывали такую методику исследования, которая базировалась на посылке: демократизация – это составной элемент модернизации, рационализации и секуляризации общества и распространения «передовых» идей в культуре. В основе этой посылки лежало убеждение: электоральный анализ должен дать ключ к пониманию фундаментальных процессов новой политической эры.

Это убеждение породило ряд следствий:

1. Основной модернистской чертой большинства электоральных исследований было стремление к тотальному охвату исследуемого объекта. Мичиганская школа в США и Великобритании критиковала практику опросов по отдельным округам и предлагала вместо них проводить один общенациональный опрос, который позволит получить совокупность данных, свободных от местного контекста. Учеными этой школы разрабатывались крупные опросы, которые могли проводиться только единой командой, располагающей значительными ресурсами. Те, кто осуще-

ствлял контроль над этими проектами, становились могущественными академическими олигархами. В связи с этим возникла опасность того, что они будут доминировать в исследовании как собственники, или в качестве новых ортодоксов будут диктовать содержание вопросов. Накопленные данные анализировались так, будто они находились вне времени. Большинство таких исследований базировалось на убеждении: «политический контекст всего периода “модерна” настолько однороден, что нет необходимости детально сопоставлять ответы респондентов и непосредственную политическую среду времени, в котором проводился опрос».

2. Главным мотивом всех исследований политического поведения до 1990-х годов был поиск единственного оптимального алгоритма принятия решений, с помощью которого можно охарактеризовать расстановку сил и поведение электората в целом. При любом анализе велся поиск ограниченного множества переменных, составляющих единое уравнение вне зависимости от их относительного влияния, которое объясняет большее разнообразие, чем иные переменные или уравнения. Во многих исследованиях номинальная заинтересованность в «теоретическом» понимании была быстро вытеснена. Анализ каузальных связей был отправлен в разряд маргинальных. Вместо него стали проводить простейшие компьютерные сравнения различных сочетаний возможных независимых переменных, которые с содержательной стороны анализировались минимально.

3. Все избиратели описывались как единое существо, обладающее антропоморфными чертами и абстрактным архетипом в отрыве от жизненного опыта реальных людей

4. Главным следствием тотального подхода в электоральных исследованиях стало исключение из анализа любых электоральных меньшинств. В результате электоральные исследования постоянно сталкивались с ростом политически значимых расхождений и проблем (например, конфликт между государственным и частным сектором, этническая принадлежность, сексуальная ориентация, экологические вопросы) и не могли на них отреагировать.

5. Более фундаментальным следствием модернистских тенденций электоральных исследований стала полная неразвитость методик, позволяющих установить, на основе каких алгоритмов голосуют различные группы избирателей в действительности.

Короче говоря, оперирование общими, оторванными от контекста данными и предвзятыми выводами о поведении избирателей привело к тому, что электоральный анализ не позволил понять множественность способов политического мышления и действия.

Все это привело к тому, что «...политическая социология и теория рационального выбора внесли свой вклад в упрочение отношений, связывающих исследования политического поведения с практическим политическим контролем и манипулятивными технологиями» [5, с. 288]. Тем самым политическая наука стала похожа на «инженерную» модель научной деятельности, где истина связывается с практической возможностью манипулировать социальными силами и предсказывать поведение. Пренебрежительное отношение аналитиков к различным меньшинствам избирателей и сосредоточенность на количественном моделировании соответствуют целям контроля и успешно им служат. В данном случае политология не является чистой наукой, но используется для эффективного понимания тех сил, которые участвуют в борьбе за политическую власть. По существу, многие исследования политического поведения имеют перекося в сторону изучения системы. Они больше заинтересованы в понимании тех массовых политических явлений, которые являются условием изменения или сохранения институциональной власти, и меньше обращают внимание на явления, которые не оказывают значительного влияния на текущую расстановку сил.

Еще одна модернистская черта исследований политического поведения – доверие к ложным дихотомиям. В этом кривом зеркале избиратели оказываются «рациональными» или экспрессивными, установки по проблемам либо «реальные», либо отсутствуют, акторы имеют «полную» информацию или не имеют ее вообще, а действуют в четко выделяемом «рыночном» или «политическом» контексте. Й. Шумпетер давно заметил: «Как только типичный гражданин попадает в политическую сферу, его умственный уровень падает. Он спорит и рассуждает в такой манере, которую сам бы назвал инфантильной в области своих реальных интересов. В политике он снова становится примитивным» [8, с. 262]. С учетом всего сказанного можно заключить, что эта констатация относится не только к избирателям, но и к политологам, которые вдохновляются концептом модернизма.

Модернистский характер исследований политического поведения выражается в следующем: широкой трактовке демократизации, слишком общих выводах, приоритете количественных исследований, монизме методов, маргинализации социальных меньшинств, поисках единого оптимального алгоритма решений, «инженерной» трактовке знаний, признании системной природы развития познания, поляризованных антиномиях.

Еще одно направление генезиса проблемы контекста связано со сравнительной политологией [5, с. 323–326]. В данной области знания единицами анализа и наблюдения являются страны или другие макросоциальные объекты. В то же время сравнительный анализ стремится сформулировать обобщения, которые были бы справедливы в любом контексте. В результате трудно избежать противоречия между специфическими для данной страны факторами и универсальными взаимосвязями. В работах 1950–1960-х гг. делался упор на универсальных взаимосвязях и глобальных сравнениях. С 1980-х гг. прослеживается тенденция отхода от общей теории за счет выдвижения контекста на первый план.

Эта тенденция отражает рост влияния исторического исследования в социальных науках. Особенно это чувствуется в «исторической социологии». Она пытается постичь явления в широком или «целостном» контексте. Общие теории искусственно расчленяют объекты на элементы, которые можно затем сравнивать по странам, но они теряют первоначальную целостность. При этом целостное и глубинное понимание общей картины считается предпочтительнее обобщающего толкования частей. В определенном смысле обращение к изучению контекста можно рассматривать как результат усталости и разочарования. В начале 1960-х гг. мир сравнительной политологии раздвинул границы. Компаративистам стали доступны данные по многим странам, возросло число объектов сравнения. Это привело к разработке дедуктивных моделей, подходящих для больших чисел. Убедительность выводов достигалась за счет расширения базы данных, детализации объясняющих переменных, уточнения позиций, требующих объяснения. Увеличивалось число объектов и факторов изучения (таких как политика, идеология, опыт правления), уточнялся набор факторов. В том же ключе выполнялись работы, стремившиеся оценить воздействие «политики» на результаты государственного управления. Для них характерен отбор максимально возможного числа государств. При этом способность объяснения возрастала за счет повышения качества измерений и определений «политики», включающей партийную идеологию и политику, институциональные структуры, представительство групп интересов, измерений и определений «результатов» политики, включающих уровень государственных расходов, политический стиль, области управления. В любом случае задача состояла в объяснении явлений в общем ключе при одновременных попытках улучшить его за счет постоянной модификации научного инструментария.

Но затем эта стратегия стала меняться из-за исчерпанности возможности увеличить число объясняемых различий: дальнейшее совершенствование различных моделей уже не содержало объясняющих эффектов. Например, теоретики «коалиций» чаще используют индуктивные модели и добиваются понимания общего политического контекста на общенациональном уровне, в котором происходят коалиционные игры. Те же, кто пытается объяснить результаты государственной политики, стремятся уйти в детальные исследования, учитывающие специфику конкретных случаев. Одним из основоположников нового направления компаративистики стал Ф. Каслс. Он отказался от общих дедуктивных моделей, в которых контекст не играл никакой роли или играл незначительную роль. Он ориентировался на культурную специфику и «традиции» различных стран, не поддающиеся четкому количественному выражению, и на контекст политических явлений и процессов. В результате произошел отход от обобщенных моделей и обращение к более глубокому осмыслению отдельных случаев или стран. Это предполагает оценку качественных данных и учет контекста, специфики институциональных характеристик или особенностей политической культуры. Возрождается интерес к исследованиям конкретных региональных и национальных культур и конкретных институтов. В этом же направлении развивается «новый» институционализм.

Есть отличие нового «открытия» важности контекстов конкретной политики. Оно сыграло решающую роль в развитии сравнительной политологии. Первые компаративисты обращались к исследованию отдельных стран в период, когда политология находилась в стадии становления, а исследовательские центры имелись лишь в нескольких странах. Нынешний интерес к контексту последовал за стремительным расширением, интернационализацией и профессионализацией данной научной дисциплины. Раньше страноведы редко собирались вместе, чтобы обсудить применение общих гипотез к собранным в разных местах материалам. В 1980–1990-е гг. такой способ объединения усилий стал основой стратегии кросс-национальных исследовательских программ, имеющих региональную специфику. Это особенно верно в отношении сравнительной политологии, где наличие сходных систем образования и близких научных парадигм, а также развитие международных научных организаций (типа Европейского консорциума политических исследований) способствовали тому, что ученые-политологи начали говорить на более-менее об-

щем научном языке. Благодаря совместной работе экспертов и сочетанию углубленного и более общего подхода оказывается возможным удовлетворительный, убедительный и детальный сравнительный анализ.

Итак, в результате деятельности международных организаций и сотрудничества ученых разных стран анализ, базирующийся на изучении конкретного объекта, адаптируется к обобщающим теориям и моделям, создавая мощный потенциал для связи традиционно различных подходов. Для нынешнего этапа развития сравнительной политологии характерно соединение и сотрудничество ученых, имеющих интерес к конкретным случаям и контексту. Этот способ сравнения больше подходит для решения проблем политической теории.

Для учета специфики контекста важное значение имеет анализ процессов перехода авторитарных режимов к демократии. Существует традиция сравнительного анализа этих проблем в Латинской Америке. Возникшие подходы затем были использованы при изучении политических процессов в Южной, Центральной и Восточной Европе, включая бывшие социалистические страны. Однако англо-американская политология не смогла предсказать прокатившуюся в 1990-е годы по странам бывшего советского блока волну демократизации. Даже используемые при этом ключевые понятия (крушение, либерализация, переход, консолидация, демократия) до сих пор остаются неопределенными и допускают множество интерпретаций. Их смысл всегда надо уточнять в зависимости от контекста. Поиск идет в трех основных направлениях: назначение концепций демократизации; уточнение смысла демократизации; описание основных требований к сравнительным исследованиям процессов демократизации. Кратко рассмотрим эти проблемы.

Назначение концепций демократизации возникло в контексте трех основных вопросов сравнительной политологии: для кого делается, что представляют и как проводятся сравнительные политические исследования? В 1968 г. Г. Лассвелл опубликовал статью «Будущее сравнительного метода», в которой отмечал, что интерес к сравнительным исследованиям связан с международными конфликтами: Испано-Американская война дала импульс сравнительному исследованию мировой политики и колониализма; Первая мировая война и большевистская революция в России стимулировали развитие европейских региональных исследований; Вторая мировая война, начало Холодной войны и развал колониальной системы привели к пересмотру всех

исследовательских и учебных программ. Спрос на сравнительную информацию исходит от политических элит, которые надеются, что их положение упрочится по мере расширения территориальных границ получаемой ими политической информации. При этом Лассвелл отмечал, что цивилизованные империи на стадиях расширения и упадка поощряют исследования по сравнительному государственному управлению. Революционные контрэлиты тоже проявляют интерес к сравнительному анализу политических институтов. Слабый интерес к сравнительным исследованиям политики Лассвелл связывал с недостаточным учетом контекста, нечеткой формулировкой проблем и нестрогой техникой сравнительного метода [5, с. 346–347].

Четверть века спустя после выхода статьи Г. Лассвелла Л. Уайтхед предлагает пересмотреть его выводы по двум основным вопросам: кому предназначена сравнительная политология и как ее создавать? В отличие от имперских элит и революционных контрэлит новые заказчики сравнительно-политических исследований более требовательны к контекстуальным особенностям страны. Новые заказчики появились на всем постсоветском пространстве. Здесь разворачиваются процессы, которые более-менее соответствуют бывшим однопартийным государствам Африки и Латинской Америки:

1. Ключевые понятия «государство», «гражданское общество» и «правовое государство» получают различный смысл в каждой из этих двух культур.

2. Различие между имперскими элитами и новыми политическими группировками. Первые имеют доступ к централизованной государственной власти, которая выражает их интересы во внешней политике и защищает население от внешних угроз. Вторые имеют лишь условный доступ к непрочным инструментам государственной власти и сознают собственную уязвимость. Эти две группы выступают основными заказчиками сравнительно-политических исследований.

Заказчики первого типа требуют научно обоснованных выводов и прогнозов, которые могли бы помочь им осуществлять задуманное, не поднимая щекотливых вопросов нормативного характера. Заказчики второго типа более терпимы к неопределенности выводов и меньше надеются на научно апробированные политические предписания. Они склонны сочетать методологический позитивизм с аморальным и недемократичным стилем силовой политики.

Отсюда вытекает определенное отношение между политологами и заказчиками, типичное для

процессов перехода от диктатуры к демократии. Если государственная власть опирается на силовые структуры, то она не относится серьезно к критике по адресу собственной внутренней политики. Если власть является слабой, то она и остальные граждане подвержены чувству незащищенности или комплексу неполноценности. В первом случае политические институты и практика воспринимаются как более-менее приемлемые, которые можно слегка подправить в свете сравнений с другими странами. Во втором случае вероятность учета чужого опыта понижается, поскольку политический порядок в данных странах ощущается как временный, а политические дискуссии не могут служить основанием для перемен.

Смысл демократизации обсуждается в трудах по демократическому транзиту. Для них характерно усиление релятивизма и интерес к нормативной проблематике. Данные тенденции упрощают проблему и искажают реальность.

В литературе по демократическому транзиту переход от одного типа политического устройства к другому обычно сравниваются однопорядковые страны. Однако нельзя сводить опыт одного государства к сходству или отличию от другого, принимаемого за эталон. Все государства (большие, средние и малые) равны. Никаких эталонов в сравнительной политологии не существует. Только при принятии этой посылки исследование может быть сравнительным в подлинном смысле слова. Например, если аргументация, выработанная в стране *B*, толкуется в пользу страны *A*, то ее надо уравновесить противоположной концепцией с равным набором контраргументов и доводов¹. Сравнительное исследование требует «насыщенных» интерпретаций каждого случая. Такие интерпретации требуют концептуальной проработки и соответствующих методов. В стабильных и безопасных государствах сбор данных и проверка гипотез не встречаются препятствий. Но те же самые процедуры становятся двусмысленными, когда они проводятся в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах, сверхчувствительных к результатам сравнительного исследования, способного разбалансировать их внутреннее равновесие.

Любые сравнения несут явную *нормативную нагрузку*, что зафиксировано в литературе. Причем, нормативная нагрузка встроена в творческую лабораторию анализа. Ценностный характер сравнительных исследований впервые проявился в период перехода Португалии и Испании от дикта-

¹ Например, каждое из правительств Аргентины, Чили и Уругвая может предоставить доводы в пользу своего особого образца взаимоотношений армии и общества, тогда как при внимательном сравнительном изучении этой аргументации можно обнаружить ее ограниченность.

туры к демократии. Там возник диалог между политологами и политиками¹. В русле этой стратегии создан набор легитимных «правил игры», заложивших основы испанской демократии и предотвративших иной выбор политического строительства. Успех переговорного процесса в Испании способствовал распространению этой практики в других странах и его теоретическому осмыслению. В аналогичном русле проведены сравнительные исследования процессов демократизации в Южной Америке. Отделение факта от оценки при этом не требуется.

Нормативное содержание компаративистики находится в сложном переплетении со структурой анализа, сила которого черпается из точного отражения главных тенденций политического процесса и из строгих научных или методологических оснований. Причем для современной критической сравнительной транзитологии характерен акцент на степень демократизации общества, а не политического режима.

Сочетание релятивизма и нормативности помогает уберечь такую работу от вырождения в новую правящую идеологию. Поскольку исследователи работают не с окончательными результатами, их ангажированность проявляется в постановке вопросов, а не в определенных ответах на них. Спрос на сравнительную интерпретацию высок, однако требования к научной строгости компаративных исследований пока низок. Л. Уайтхед считает, что категории «интуиция», «суждение» и «убедительность» не менее нужны для сравнительной политологии, чем критерии научной работы (точность определений, формальные доказательства и прогностическая способность). При проведении сравнительных исследований следует выбирать методы, позволяющие добиться объективного подтверждения обобщающих объяснений. Но соотношение методов варьируется в зависимости от задач.

Основными потребителями сравнительных исследований демократизации являются не технические специалисты, а руководители политических сообществ, не имеющих опыта самоуп-

равления. Они могут быть юристами, журналистами, лидерами общин, чиновниками. Речь идет о представителях всех профессий, которые способствуют развитию навыков убеждения и обобщения и умеют вести повседневную работу в условиях социальной неопределенности. По мере развития процесса демократизации такие социальные группы срастаются во все более авторитетный политический слой, который стремится понять причины трудностей, а этого можно достичь в результате сравнительного политического анализа.

Стало быть, господствующий стиль сравнительного анализа при объяснении процессов демократизации может быть особенно близок новым заказчикам и пользователям таких исследований. Они должны обладать не только профессиональными навыками, но уметь также извлекать уроки из политического опыта. Этот опыт свидетельствует, что демократизация – сложный и длительный процесс социального общения и убеждения. Для его объяснения не годятся позитивистские или детерминистские схемы. «Более того, поскольку трудно ожидать появления предсказуемых закономерностей, можно предположить рост спроса на нормативно обоснованные интерпретации» [5, с. 351].

Для проведения сравнительных исследований процессов демократизации надо учитывать результаты анализа следующих проблем: предсказуемость и случайность в сравнительном политическом анализе; методы оценки и сравнения сложных динамических политических процессов; создание и проверка теории; отношение между «объективностью» и «научным статусом» результатов компаративных исследований и демократическими ценностями; выработку практических рекомендаций для политиков-практиков. Из-за недостатка места мы опускаем эту проблематику. Подчеркнем лишь наиболее важные для нашего исследования моменты.

Макрополитические изменения (к которым относится демократизация) лучше всего описываются рефлексивной моделью, в соответствии с которой движущей силой изменений является диалог или спор. Речь идет о такой социальной ситуации, в которой разворачиваются процессы неопределенности, дискурсивной открытости, сосуществования соперничающих субъективных взглядов при одновременном поиске убедительных объяснений и культивирования высоких научных стандартов. Данная ситуация означает, что политологии есть что сказать по социально значимым проблемам. Политология допускает методологический плюрализм, высоко оценивает своих

¹ Диктаторский характер режима Франко известен. Поэтому многие испанские демократы были уверены, что им следует работать на «демократический прорыв», т. е. что демократия может и должна быть завоевана посредством массовой мобилизации «снизу». Тогда как сравнительный анализ приводил политологов к противоположному выводу: возможен переход к демократии посредством переговорного процесса с элитой, в ходе которого старый режим допустит возможности построения нового, а антидиктаторская оппозиция утратит свой радикализм. Такой подход создал инструменты, с помощью которых предоставлялись права одним группам и ограничивались права других.

предшественников в философии и гуманитарных науках, одновременно претендуя на статус «науки»¹. Язык, история и знание контекста образуют составные части процесса построения политической теории, в которой требуется сочетание строгости и соразмерности.

Таким образом, при изучении процессов демократизации невозможно создать адекватную модель объяснения без знакомства с демократическими нормами, принципами и ценностями, необходимыми для структурирования возникающего политического порядка. Сравнительное исследование процессов демократизации включает в себя определенные демократические нормы (соразмерность, гармония, знание контекста, способность соотносить происходящее с демократическими ожиданиями).

Внимание к контексту обусловлено ключевым фактом: западная советология и политология не смогли предсказать окончание Холодной войны и развал Советского Союза. Р.О. Кеохейн пишет: «Сам факт отсутствия теорий, позволяющих понять последствия окончания Холодной войны для мировой политики, определенно должен привести нас к смирению. В этом смысле мы сравниваем себя в невыгодном свете с учеными, объясняющими последствия столкновения небесных тел. Наше нынешнее смятение также подтверждает бессмысленность заявлений о наличии науки о политике, к которой на свой страх и риск не прислушиваются политики. Мы не владем секретом успеха во внешней политике» [5, с. 439]. Речь идет о неспособности политологов предсказать события малого и большого масштаба. Отсюда вытекает, что накопление обобщений не ведет к успешному предсказанию событий. Все обобщения в политической науке являются условными и вероятностными, сопровождаются большей или меньшей неопределенностью. В целом модель науки как теории, предсказывающей все более и более точно и основанной на возрастающем числе под-

твержденных выводов, не подходит к сфере международных отношений.

Но есть идеал объективного знания, к которому надо стремиться. Для этого можно использовать научные методы: попытки делать выводы в соответствии с общепринятыми правилами, ясно формулируемые гипотезы, открытое перечисление фактов, оценки степени неопределенности, связанной с гипотезами, попытки отыскать опровергающие свидетельства. Главную задачу Р.О. Кеохейн усматривает в разработке *альтернативы* принципу фальсификации К. Поппера и И. Лакатоса.

На этом пути для понимания международных отношений следует учитывать контекст, выводы описательного плана и на этой основе формулировать вероятностные причинно-следственные высказывания. Проиллюстрируем этот общий тезис на примере отношения к государству, которое в XX в. начало претендовать на ранг универсального контекста социального бытия.

Пересмотр роли государства. Приход к власти А. Гитлера в Германии и Вторая мировая война привели к возрождению политики с позиции национальных интересов и силы. Эта политика в политологии квалифицируется как реализм, который господствовал в период Холодной войны. Основными теоретиками реализма были Дж. Кеннан, У. Липпманн, Х. Моргентхау и К. Уолтц. Характеристика Уолтцем реализма как *неореализма* или *структурного реализма* обеспечила основу понимания мировой политики с реалистических позиций и отправную точку для его критиков.

По мере формулировки принципов реализма становилось явным его несоответствие реальности. Интернационализация мировой экономики привела промышленно развитые демократические страны в состояние «комплексной взаимозависимости». Это состояние включает множество проблем мировой политики, множество акторов и определение силы как неэффективного средства для решения проблем. Комплексная взаимозависимость – это идеальный тип, но чем ближе к нему оказывается действительность, тем менее подходящей становится политика с позиции силы.

Р.О. Кеохейн описывает следующие факторы взлета и падения реализма:

1. Государство уже не играет доминирующую роль в мировой политике. Возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Транснациональные формы коммуникации (от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета) ослабили контроль государства над информационным потоком. Прямые иностранные инвестиции означают активное присутствие транснациональных корпораций во

¹ Л. Уайтхед опирается на динамическую модель У. Растоу как наиболее подходящий метод оценки и сравнения сложных и динамичных макрополитических процессов. А в качестве примера рассматривает следующие обобщения: 1) существует два несомненных пути распада авторитарной коалиции, открывающих дорогу возможной демократизации – кризис преемственности при передаче власти и поражение в военных действиях за пределами страны; 2) демократизация в данной стране будет проходить при влиянии результатов аналогичных процессов в государстве, доминирующем в регионе; 3) там, где формирование государственности уже завершено (т. е. территория надежно защищена и национальная идентичность достаточно сформирована), укрепление демократии будет проходить значительно легче, чем там, где формирование государственности и демократизация протекают одновременно [5, с. 353].

всех уголках мира. Понимание суверенитета как контроля над населением на четко обозначенной территории поставлено под сомнение возможностями влиять на государство извне для решения широкого круга проблем (от прав человека до охраны окружающей среды).

2. Существует принципиальное различие между поведением в мировой политике либеральных демократий и стран с недемократическим правлением. Либеральные демократии практически не воюют между собой. Судебные инстанции либеральных демократических стран вступают в диалог, толкуя решения друг друга на основе общепринятых принципов законности. Но к решениям судов авторитарных государств либеральные демократии относятся по-разному. Способность либеральных демократий включаться в деятельность международных институтов существует благодаря их открытости и возрастающему доверию к их обязательствам. Различия в поведении демократических и недемократических государств ставят под вопрос теорию, которая рассматривает государства как единицы международной системы.

3. Изменилась роль международных институтов в мировой политике. С помощью реализма оказалось невозможным объяснить резкое увеличение числа и масштаба международных институтов, которое произошло после окончания Второй мировой войны и продолжается до сих пор. Правительства вкладывают материальные и символические ресурсы в поддержание и развитие таких институтов.

С учетом этих процессов реализм в последнее время подвергся жесткой критике. Его главные недостатки таковы: недостаточный учет роли внутренней политики и международных институтов; переоценка роли государства как актора международной системы; неудовлетворительное объяснение изменений. Но поскольку большинство государств мира продолжают руководствоваться силой во внутренней и внешней политике, постольку увеличивается потребность учета контекста. Для реализации этой задачи Р.О. Кеохейн формулирует три принципиальных соображения:

1. Выйти за рамки реализма при изучении взаимодействия внутренней политики и международных отношений, выявляя роль информации и институтов, но не отбрасывая центральных идей реализма. Надо пересмотреть утверждения относительно структур и необходимости, объяснить различные варианты выбора и выяснить, как работает принцип взаимности.

2. Связать воедино имеющиеся теории и сдерживать склонность к развязыванию «войны парадигм».

3. Нужна постоянная связь теории с эмпирической работой, направленной на реальные международные проблемы, которая не тормозится ожиданием открытия общих закономерностей, а сопровождается тесными контактами социальной науки с историей, использованием стратегического анализа, контекстуально ориентированной теории игр, стремлением понять особые события в свете общих принципов. Чтобы политическая теория не превратилась в набор догм, ее следует «заземлить на реальность сегодняшнего дня» [5, с. 448].

Таким образом, в результате анализа проблемы политического контекста в политической науке 1960–1990-х гг. можно сделать следующие выводы.

Политический выбор зависит от социального контекста жизни индивидов. Индивид существует в контексте ограничений реального мира. Политический контекст всего периода «модерна» не является однородным. Оперирование оторванными от контекста данными и предвзятыми выводами о поведении избирателей привело к тому, что электоральный анализ не позволил понять множественность способов политического мышления и действия.

Модернистский характер исследований политического поведения выражается в широкой трактовке демократизации, слишком общих выводах, приоритете количественных исследований, монизме методов, маргинализации социальных меньшинств, поисках единого оптимального алгоритма решений, «инженерной» трактовке знаний, признании системной природы развития познания, поляризованных антиномиях.

С 1980-х гг. прослеживается тенденция отхода от общей теории за счет выдвижения контекста на первый план. Новое направление компаративистики ориентировано на культурную специфику различных стран и на контекст политических явлений и процессов. Этот способ сравнения больше подходит для решения проблем развития демократии и политической теории.

Для описания процессов демократизации наиболее подходит рефлексивная модель, в соответствии с которой движущей силой изменений является диалог или спор. Язык, история и знание контекста образуют составные части процесса построения политической теории, в которой требуется сочетание строгости и соразмерности. В настоящее время политологи не владеют секретом успеха во внешней политике. Результаты Второй мировой войны привели к возрождению политики с позиции национальных интересов и силы. Данная политика претендует на универсальный контекст политических исследований. Свидетельством этому может служить непринятие политическими кру-

гами ведущих европейских стран принципа о неделимости безопасности в современных международных отношениях.

Библиографический список

1. *Алешин, Д.А.* Социальная контекстуальность права: социальные вызовы и юридические последствия [Текст] / Д.А. Алешин // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 4.
2. *Каримов, А.Р.* Контекстуализм, скептицизм, прагматика [Текст] / А.Р. Каримов // Философские науки. – 2013. – № 6 (32).
3. *Касавин, И.Т.* Контекстуализм как методологическая программа [Текст] / И.Т. Касавин // Эпистемология и философская наука. – 2005. – Т. 6. – № 4.
4. *Лисина, Ю.А.* О контекстуальности познания в современной англо-американской философии [Текст] / Ю.А. Лисина // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. – 2008. – № 86.

5. Политическая наука: новые направления. [Текст] / под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингемана. Науч. ред. русск. изд. проф. Е.Б. Шестопаля. – М.: Вече, 1999. – 815 с.
6. Социокультурная антропология права [Текст]: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Чеснова. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
7. Социокультурная антропология права [Текст]: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Чеснова. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
8. *Шумпетер, Й.* Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
9. *Carens, Joseph H.* A Contextual to Political Theory [Text] / Joseph H. Carens // Ethical Theory and Moral Practice. – 2004. – № 7 (2).
10. *Daskal, Steven.* A Contextual Approach to Political Philosophy [Electronic resource] / Steven Daskal. – Mode of access: <http://www.academia.edu/6683936>

ББК 66.033.141.1
УДК 323. 342.25

СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ, ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

А.Н. Фомин

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о природе института территориального общественного самоуправления, его предназначении, функциях, цели и задачах в системе местного самоуправления. Также автор предлагает свой вариант реформирования данного института в процессе муниципальной реформы.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, территориальное общественное самоуправление, взаимодействие органов местного самоуправления с населением, общественные и некоммерческие организации.

SOCIAL MISSION, PURPOSE, TASKS AND FUNCTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

A.N. Fomin

Abstract. The paper examines the question of the nature of institute of Local Self-Government Bodies, their mission, functions, purpose and tasks in system of local government. The author suggests his ideas about reforming of this institute in the course of municipal reform.

Keywords: local self-government, municipal reform, territorial public self-government, interaction of local governments with the population, public and non-profit organizations.

В ходе реформирования системы местного самоуправления (далее МСУ) политики и законодатели продолжают подчеркивать важность взаимодействия органов МСУ с институтами гражданского общества; создания условий, способствующих непосредственному участию насе-

ления в решении вопросов местного значения и т.п. [1, 3, 6].

Повышение гражданской активности местных сообществ справедливо связывают с деятельностью территориального общественного самоуправления (далее ТОС). Считаем, что институт

ТОС можно использовать в качестве организационно-правовой формы, обеспечивающей участие граждан в местном самоуправлении на локальных территориальных уровнях (в средних и крупных городах), однако при условии иного подхода в понимании его сущности и правового статуса.

На наш взгляд, следует отказаться от определения ТОС в том виде, в котором оно представлено в 27-й ст. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее Федеральный закон № 131-ФЗ), а именно: «под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» [8, ст. 27].

Во-первых, данное определение однозначно указывает на то, что под ТОС понимается общественная самодеятельность граждан, которая, как известно, является добровольной (инициативной) и необязательной. Именно поэтому участие в территориальном общественном самоуправлении в современной России не имеет массового характера, т. к. «собственные инициативы» наши сограждане вполне могут реализовать в других, более простых и подходящих для этого формах.

Чтобы заниматься хозяйственной или благотворительной деятельностью, оказанием социальных услуг или проведением по месту жительства праздничных мероприятий и т.п., вовсе не обязательно создавать организации ТОС. Существуют и другие организационно-правовые формы – от неформальных (нигде не зарегистрированных) инициативных групп, кружков и клубов по интересам до органов общественной самодеятельности, некоммерческих партнерств, автономных некоммерческих организаций, учреждений, фондов, товариществ собственников жилья и т. д. При этом не стоит опасаться исчезновения поддержки со стороны муниципальной власти под тем предлогом, что, мол, мы имеем право помогать только ТОСам – ничего подобного! Согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции могут оказывать некоммерческим организациям (далее НКО) экономическую поддержку, а социально ориентированным НКО – в приоритетном порядке [7, ст. 31, ст. 31.1].

Представляется, что региональную и муниципальную политическую элиту более всего устраивает сложившийся подход, когда ТОСы могут браться практически за любые социальные проекты, чем вариант, предусматривающий дифферен-

циацию ТОС по видам общественной деятельности и трансформацию Комитета ТОС в обычные НКО. Дело в том, что при первом подходе местным властям достаточно быстро и «правильно» организовать выборы в органы ТОС и спокойно перечислять «надежным» тосовцам бюджетные средства, не боясь возникновения на этой территории нового «оппозиционного» ТОСа, т. к. Федеральный закон № 131-ФЗ не допускает образования двух ТОСов в границах одной территории. Второй подход значительно усложняет данный процесс, т. к. вместо одного подконтрольного ТОСа могут возникнуть несколько самостоятельных НКО, члены которых могут быть не так лояльны к политике, проводимой муниципальными руководителями и при этом имеющие право рассчитывать на бюджетную помощь с их стороны (гранты, конкурсы и т.д.).

Во-вторых, определение ТОС как «самоорганизации граждан... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» уводит предметную область деятельности ТОС с участия в решении непосредственно вопросов местного значения (на которое прямо указывает ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ) на неопределенные «собственные инициативы по вопросам местного значения».

С нашей точки зрения, под территориальным общественным самоуправлением следует понимать не «самоорганизацию граждан для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения», а участие граждан (по месту их жительства на части территории муниципального образования) в решении непосредственно вопросов местного значения¹.

За время реформирования системы МСУ в постсоветской России было выдвинуто множество вариантов оптимизации деятельности ТОС. Одним из самых горячо обсуждаемых стало предложение о необходимости материально-финансовой самостоятельности и независимости органов ТОС от вышестоящих органов местной власти, наделяния Комитетов ТОС собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, распоряжению объектами муниципальной собственности, формированию собственного бюджета и т.п. Так, по мнению В.И. Кожевникова (независимого эксперта по общественному самоуправлению, Санкт-Петербург, «за органами ТОС должно признаваться право принятия на себя решения любых

¹ Это участие может происходить в разных формах с точки зрения юридической силы решений, принятых гражданами и органами ТОС по вопросам местного значения.

вопросов из сферы местного самоуправления. Если такая воля населения выражена, власть обязана вычленив из своих структур эту компетенцию и соответствующие ресурсы и передать их органам ТОС» [4, с. 66]. В своем абсолютном выражении, исходя из принципа субсидарности и идеи МСУ в целом, данный подход можно считать верным, однако для его успешной реализации необходима устойчивая традиция самоуправления. Российское общество находится только в начале пути по становлению культуры самоуправления, отсутствуют необходимые для этого правовые, финансовые и организационные условия. Поэтому существует высокая вероятность того, что полноценного контроля над деятельностью органов ТОС со стороны населения не будет, а недостаточная компетенция руководителей органов ТОС негативно скажется на решении вопросов местного значения.

Таким образом, придание решениям, принятым органами ТОС, такой же юридической силы, которая имеется у решений, принятых муниципальными органами, а также наделение органов ТОС властными полномочиями, являются крайне преждевременными мерами. Однако это не препятствует возможности рассматривать органы ТОС в качестве органов местного самоуправления (при условии того, что они не обладают полномочиями публичной власти).

О том, что понятие «территориальное общественное самоуправление» достаточно трудно отнести исключительно к общественным или к властным структурам, уже было сказано многими экспертами. Например, на Парламентских слушаниях Комитета Госдумы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций, А.А. Замотаев, в принципе, так и заявлял, что ТОС – «это ни то и ни другое» [5]. Аналогичным образом характеризовала ТОС и О.Л. Савранская: «территориальное общественное самоуправление – это несколько иное, это не власть и не общественное объединение» [5]. Однако их позиция легко подвергалась критическим замечаниям. Так, В.И. Кожевников недоумевал по поводу таких дефиниций и справедливо считал, что «нельзя определять органы ТОС, что они “не то и не это”. Надо определить, “что”» [5].

В связи с этим, представляется необходимым воспользоваться новым термином, определяющим правовой статус органа ТОС. Формулировки, предложенные И.В. Бабичевым – «орган общественной власти» [2], Е.Г. Шаломенцевой – «особое общественное объединение» [2], не являются удачными, т. к. они не раскрывают истинную

сущность территориального общественного самоуправления, по-прежнему не отвечают на вопрос о правовой и социальной природе органа ТОС в однозначном аспекте.

Нами предлагается следующий вариант – «представительный орган населения», т. е. орган местного самоуправления, действующий на части территории муниципального образования (жилого комплекса, микрорайона) и выражающий интересы проживающих там жителей при решении вопросов местного значения.

Также считаем, что в теории МСУ (включающую в себя и политическую муниципологию) необходимо развести понятия «представительный орган муниципального образования» и «представительный орган населения».

В первом случае речь идет о представительном органе муниципального образования, который предусмотрен в качестве обязательного Федеральным законом № 131-ФЗ (ст. 34) и который действительно является органом публичной власти, т. е. обладает правом принятия общеобязательных нормативных актов. Однако является принципиальным указать на то, что «представительный орган муниципального образования» выражает интересы именно муниципального образования, как целостной административно-территориальной конструкции, но не интересы конкретных жителей, проживающих на его территории.

Исходя из того, что основным предназначением представительного органа муниципального образования является принятие нормативных правовых актов, более соответствующим было бы его наименование не представительным органом местного самоуправления, а законодательным (нормотворческим) органом муниципального образования¹.

Для того чтобы орган местного самоуправления мог соответствовать статусу представительного органа, необходимо, чтобы он непосредственно выражал интересы людей, проживающих в зоне его компетенции. А это означает постоянный процесс взаимоотношений, постоянный процесс обмена информацией, действиями и т. д. На государственном и муниципальном уровнях (имеется в виду уровень крупного муниципального образования) нет не только возможности, но и необходи-

¹ В этом случае все уровни законодательной публичной власти имели бы четкую конфигурацию: Федеральный орган законодательной власти (Государственная Дума), субфедеральный орган законодательной власти (региональная Дума) и муниципальный орган законодательной власти (городские и районные Думы).

мости в этом. Вопросы государственного и муниципального значения настолько сложны и требуют специфических знаний и компетенции, а инициативы и предложения от населения могут быть настолько разнообразными и малокомпетентными, что депутатам представительных органов муниципальных образований и тем более вышестоящих уровней нет никакой необходимости советоваться по каждому вопросу со своими избирателями. Граждане, избрав конкретного человека в представительный орган муниципального образования, региональный парламент или Государственную Думу, делегируют ему право решать за них и по своему усмотрению вопросы государственного и муниципального значения, т. к. по мнению большинства, именно этот человек (депутат) обладает наилучшими качествами, способностями и т. д.

По-другому обстоит дело в вопросах местного локально-территориального значения, т. е. возникающих по месту непосредственного проживания граждан (в жилых комплексах, микрорайонах). Принять участие в решении данных вопросов могут практически все дееспособные члены местных сообществ. Однако этого не происходит ввиду отсутствия в крупных и средних российских городах субмуниципального (локально-территориального) уровня МСУ, на котором только и возможна организация и вовлечение жителей в процесс обсуждения и решения местных проблем.

Таким образом, на локальных территориальных уровнях (являющихся составными частями муниципального образования) существует объективная потребность в наличии такого органа местного самоуправления, который оказывал бы гражданам организационную помощь и поддержку при обсуждении вопросов местного значения. Таким органом местного самоуправления, на наш взгляд, и должен быть орган ТОС, с правовым статусом – «представительный орган населения». В таком статусе органы ТОС являются институтами гражданского общества, связующим звеном между жителями и властными структурами. Они не должны обладать правом принятия публичных нормативных актов, но зато обязаны выражать интересы местного (соседского) сообщества, доводить и отстаивать их перед органами власти. Еще раз акцентируем внимание на том, что представление интересов должно являться не правом, а обязанностью органов ТОС, закрепленной нормативно-правовыми актами¹.

Представление интересов населения в большей степени подходит под определение социальной миссии (предназначения) органов ТОС. Что же касается конкретной цели, а также задач и функций, выполнение которых наиболее эффективно именно в форме ТОС, то представляем их в следующем виде.

Цель деятельности ТОС – сближение муниципальной власти и жителей, доведение до минимума степени недоверия между ними; формирование в границах территории благоприятного социально-психологического и нравственного климата, атмосферы сотрудничества, доброжелательности, толерантности и т. д.

Задачи органов ТОС:

1) сделать прозрачной и открытой работу муниципальных органов, процесс расходования средств местного бюджета и управления муниципальной собственностью и тем самым приостановить в местной власти коррупцию.

2) повысить качество услуг, предоставляемых населению муниципальными органами (администрацией и др.), учреждениями (образования, здравоохранения, соцзащиты и др.), предприятиями торговли (магазины, рынки и т.п.), промышленными предприятиями (забота об экологии, охране окружающей среды) и другими субъектами, действующими на территории.

Чтобы надлежащим образом исполнять свое предназначение, орган ТОС должен обладать полномочиями, необходимыми для выполнения всего двух функций: 1) организация процедуры общественной экспертизы, т. е. соучастия граждан в принятии решений по вопросам местного значения; 2) организация процесса осуществления общественного контроля над всеми субъектами, действующими на территории и оказывающими услуги населению.

Считаем, что для формирования традиции самоуправления среди наших сограждан, привычки принимать участие в обсуждении местных дел, данных двух функций органов ТОС, обеспечивающих выражение мнения и интересов населения, будет достаточно. Главное, чтобы они осуществлялись целенаправленно, систематически и были сфокусированы на вовлечение жителей к участию в местном самоуправлении (т. е. в решении вопросов местного значения).

В заключение исследования обозначим конкретные действия, которые необходимо предпринять для реформирования института территориального общественного самоуправления:

¹ Здесь можно провести аналогию с вопросами местного значения, закрепленными в Федеральном законе № 131-ФЗ за органами муниципальной власти. Можно представить, как бы

они решались, если бы их закрепление носило бы исключительно факультативный характер.

1. Ст. 27 из гл. 5 Федерального закона № 131-ФЗ – исключить полностью, по следующему основанию. Содержание этой статьи, по своей сути, относится к регулированию отношений, связанных с деятельностью органа общественной самодеятельности по месту жительства. Более корректным и целесообразным будет перенос норм ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ в статью 12 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Тем самым расширится толкование и сфера применения понятия «орган общественной самодеятельности по месту жительства».

2. В ст. 34 «Органы местного самоуправления» Федерального закона № 131-ФЗ прямо указать, что в структуру органов местного самоуправления входят и органы ТОС.

3. Формулировки понятий «территориальное общественное самоуправление», «границы территориального общественного самоуправления», «орган территориального общественного самоуправления», «глава территориального общественного самоуправления», включая определения его статуса, полномочий, функций и т.п. помещаются отдельной статьей в гл. 6 «Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления».

4. Гл. 11 «Особенности организации местного самоуправления» дополнить статьей «Особенности организации местного самоуправления в муниципальных образованиях с населением свыше 20 тыс. чел.» (возможны варианты – свыше 30 тыс., 40 тыс., 50 тыс.), в которой указывалось бы, что в данных муниципальных образованиях формирование органов ТОС (выборы главы ТОС) осуществляется в обязательном порядке. А в муниципальных образованиях с населением менее 20 тыс. чел. (менее 30 тыс., 40 тыс., 50 тыс.) решение о формировании органов ТОС (выборах главы ТОС) принимается представительным органом муниципального образования (возможны варианты – представительным органом поселения, представительным органом муниципального района, законодательным органом субъекта Федерации).

Если в отношении муниципального образования с населением менее 20 тыс. чел. (менее 30 тыс., 40 тыс., 50 тыс.) было принято решение не формировать органы ТОС (не избирать глав ТОС), то в этом случае инициативные граждане всегда могут воспользоваться ст. 12 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», создать по месту жительства органы общественной самодеятельности и осуществлять собственные инициативы в вопросах местного значения, взаимодействовать с муниципальной властью и зани-

маться любой другой общественной деятельностью.

Библиографический список

1. В Волгоградской области в пилотном режиме будет внедрена новая система местного самоуправления [Электронный ресурс] / Всероссийский совет местного самоуправления. – 2014.01.29. – Режим доступа: <http://vsmsinfo.ru/novosti/3573> (дата обращения: 30.01.2014).

2. Всероссийский семинар «Территориальное общественное самоуправление (ТОС): роль и место в реализации местного управления и формировании гражданского общества» [Электронный ресурс] / Волгоград, 24–25 мая 2010 г. – Часть 1. – Режим доступа: <http://golostos.ru> (дата обращения: 21.06.2010).

3. Заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/21097> (дата обращения: 27.05.2014).

4. Кожевников, В.И. Общность под названием «население». Роль территориального общественного самоуправления в развитии гражданского общества [Текст] / В.И. Кожевников // Муниципальная власть. – 2002. – № 1. – С. 65–66.

5. Парламентские слушания Комитета Госдумы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций «Правовое регулирование территориального общественного самоуправления» [Электронный ресурс] / Москва, 25 мая 2001 г. – Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/Tos/Parl_slush_Tos.htm. (дата обращения: 12.10.2008.).

6. Парламентские слушания «Вопросы реализации Федерального закона № 131-ФЗ и задачи совершенствования федерального законодательства на новом этапе муниципального строительства» [Электронный ресурс] / Москва, 09 апреля 2015 г. – Режим доступа: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/site.xp/050056054.html?year=2015> (дата обращения: 17.04.2015).

7. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях: федер. закон: [принят 12 января 1996 г. № 7-ФЗ] (в ред. от 06.04.2015) [Электронный ресурс] / Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2015).

8. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон [принят 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ] (в ред. от 30.03.2015.) [Электронный ресурс] / Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2015).

УКД 336.592
ББК 65.291.9

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Е.С. Ткач, А.В. Беланова

Аннотация. В статье рассматривается необходимость совершенствования финансовой поддержки малого предпринимательства с целью обеспечения экономической безопасности. Особое внимание уделяется необходимости реализации инструментов финансовой поддержки малых предприятий на региональном уровне. В качестве основного инструмента поддержки изучается возможность представления кредитных гарантий через специализированные гарантийные институты.

Ключевые слова: финансовая поддержка, государственная гарантия, национальная гарантийная система, агентство кредитных гарантий, региональная гарантийная организация.

FINANCIAL SUPPORT OF SMALL BUSINESSES AS A CONDITION OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE REGION

E.S. Tkach, A.V. Belanova

Abstract. The essay treats the need of financial support improvement of small business for the purpose of ensuring economic security. The special attention is paid to necessity of f instruments of financial support of small enterprises at the regional level. The main instrument of support is possibility of granting credit guarantees through specialized guarantee institutes.

Keywords: financial support, state guarantee, national guarantee system, agency of credit guarantees, regional guarantee organization.

Основу экономической безопасности любой страны формирует малый бизнес, представляющий собой предпринимательскую деятельность, осуществляемую субъектами рыночной экономики по установленным законами критериям. В действующем законодательстве определены основные критерии отнесения тех или иных субъектов хозяйствования к категории малых предприятий: численность работников до 100 чел. и общий объем годовой выручки до 400 млн. рублей. С целью увеличения численности малых предприятий на 7–8 тыс. предприятий антикризисным планом Правительства РФ предусмотрено расширение предельного объема выручки с 400 млн. руб. до 800 млн. руб. в год. Данная мера должна позволить большому количеству предприятий претендовать на различные формы государственной поддержки в сфере малого предпринимательства и, следовательно, будет способствовать стимулированию развития данного сегмента бизнеса.

Отсутствие достаточного внимания со стороны государства к вопросам поддержки и развития малого предпринимательства может воспрепятствовать созданию условий, необходимых для восстановления экономики, наметившегося в последние месяцы. Безопасность предпринимательства в условиях рыночной экономики, в свою оче-

редь, является одним из ключевых условий национальной экономической безопасности.

Особая роль в обеспечении экономической безопасности отводится малому предпринимательству в региональных экономических процессах. Во многих регионах Российской Федерации малый бизнес создает достаточно большую долю регионального внутреннего продукта, играет весьма заметную роль в вовлечении различных социальных групп населения в предпринимательскую деятельность. Так, например, в Челябинской области более трети оборота всех предприятий региона составляет оборот предприятий малого и среднего бизнеса. По итогам 2013 г. общее количество малых и средних предприятий в Челябинской области составляло 124,3 тыс. единиц, в том числе: 38,6 тыс. юридических лиц, 84,3 тыс. индивидуальных предпринимателей, 1 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, 360 средних предприятий – юридических лиц*.

Малые предприятия способны стать «драйверами» нового экономического роста, как на

* Государственная программа Челябинской области «Комплексная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2015–2017 годы: Постановление Правительства Челябинской области от 19.11.2014 г. № 594-П // СПС «Консультант плюс».

национальном, так и на региональном уровне. Для этого необходимо создание и эффективное использование инструментов поддержки субъектов малого предпринимательства. Особое внимание данной проблеме должны уделить субфедеральные органы власти, которым необходимо самостоятельно найти наиболее эффективные пути реализации программы поддержки малого бизнеса.

Одним из показателей успешности реализации программы развития малого бизнеса является показатель численности малых предприятий, действующих на территории того или иного субъекта РФ. На основе данных, предоставленных федеральным статистическим агентством по численности малых предприятий, действующих по состоянию на 2013 г., авторами был составлен рэнкинг субъектов РФ (см. табл. 1).

Таблица 1

Рэнкинг¹ субъектов Российской Федерации по численности малых предприятий, действующих на территории соответствующих субъектов (первые двадцать мест)

Место по итогам 2013 г.	Субъект Российской Федерации	Численность малых предприятий	Место по итогам 2013 г.	Субъект Российской Федерации	Численность малых предприятий
1	г. Москва	241 973	11	Республика Башкортостан	40834
2	г. Санкт-Петербург	212 715	12	Челябинская область	38625
3	Свердловская область	81740	13	Нижегородская область	38604
4	Московская область	76770	14	Алтайский край	35596
5	Тюменская область	63853	15	Пермский край	35344
6	Новосибирская область	62798	16	Кемеровская область	33585
7	Краснодарский край	59009	17	Приморский край	31146
8	Самарская область	53271	18	Саратовская область	30670
9	Красноярский край	52384	19	Омская область	29204
10	Республика Татарстан	49617	20	Иркутская область	28918

Источник: Составлено автором по данным Федерального статистического агентства

Из таблицы видно, что среди представленных регионов, Челябинская область занимает 12-е место. Соседние регионы, такие как Свердловская и Тюменская области, оказались в «десятке» регионов-лидеров по данному показателю. Причем Свердловская область заняла третье место сразу же после городов Москва и Санкт-Петербург. Таким образом, в целом необходимо отметить определенные успехи субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, по содействию развитию малого предпринимательства.

Одним из самых важных направлений поддержки малого предпринимательства является финансовая поддержка, так как одним из наиболее серьезных препятствий на пути развития малого бизнеса становится нехватка собственных и привлеченных финансовых ресурсов, трудности с получением кредитов (особенно долгосрочных), высокая стоимость обслуживания таких заимствований в силу их рискованности и недостаточности ликвидного обеспечения. Решение данных проблем лежит в плоскости особой заботы субфедеральных органов власти, в распоряжении которых, в соответствии с Федеральным законом № 209 от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О раз-

витии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», есть целый ряд инструментов: субсидии, бюджетные инвестиции, государственные и муниципальные гарантии. В совокупности перечисленные инструменты образуют инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Анализируя различные формы поддержки субъектов малого предпринимательства С.А. Захарченко, Т.С. Таничева проводят их классификацию, предлагая выделять прямые и косвенные формы поддержки [2, 5].

Следует, на наш взгляд, согласиться с С.А. Захарченко в том, что формы прямой государственной поддержки малого бизнеса (прямые бюджетные инвестиции и субсидии) являются недостаточно эффективными, а также могут приводить к нерациональному расходованию бюджетных средств. Поэтому указанный автор подчеркивает, что более эффективными и взаимовыгодными видами могут стать косвенные формы государственной поддержки, например, такое как гарантирование, которое дисциплинирует и стимулирует предпринимателя, не снимая с него и его собственности ответственности за деятельность.

¹ Рэнкинг – перечень, упорядоченный по какому-либо ранжирующему показателю.

Программы предоставления государственных гарантий через специализированные финансовые институты финансовой поддержки малого предпринимательства действуют успешно во многих развитых и ряде развивающихся стран.

Достаточно подробно опыт создания и эффективного использования механизмом гарантирования на примере зарубежных стран рассмотрен в трудах таких авторов, как В.В. Заболотская, А.В. Нурмухаметова, А.В. Смирнова, П.П. Черкашин [1, 3, 4, 6]. В своих работах перечисленные авторы указывают на то, что в странах, добившихся значительных положительных результатов в формировании системы поддержки малого бизнеса, созданы и успешно действуют различные гарантийные институты.

Так, например, в 1953 г. в США была создана Администрация по делам малого бизнеса (Small Business Administration), действующая в статусе независимого федерального агентства правительственного уровня, одной из главных направлений деятельности которого является предоставление кредитных гарантий субъектам малого предпринимательства.

Согласно статистике, SBA ежегодно предоставляет кредитных гарантий на сумму 30 млрд. долл. в адрес более 60 тыс. представителей МСП, а также предоставляет 85 % гарантии до 150 тыс. долларов и 75 % гарантии при кредитовании на сумму более 150 тысяч долларов. Причем около 90 % всей финансируемой помощи осуществляется в виде гарантий. В качестве платы за предоставление гарантий SBA берет (с коммерческого банка или его заемщика) всего 1 % от суммы займа, что довольно выгодно для заемщика [1].

Во Франции, как описывает С.В. Заболотская, действует модель финансово-кредитного обеспечения деятельности МСП, основу которой составляет Общество взаимных гарантий, учрежденное представителями малого предпринимательства и другими заинтересованными лицами.

Еще один пример – Южная Корея – образец эффективной системы государственной поддержки малого бизнеса. В данной стране Small and Medium Business Administration (SMBA) обеспечивает наряду с различными формами информационной и консультационной помощи малому бизнесу и прямое и косвенное его финансирование.

В сфере гарантийных продуктов в Южной Корее ведающую роль играет Корейский Гарантийный Фонд (Korea Credit Guarantee Fund (KODIT), созданный в 1976 г. с целью расширения кредитных гарантий. Гарантийные продукты KODIT предназначены для субъектов МСП, не имеющих собственного обеспечения для реализа-

ции перспективных бизнес-проектов.

KODIT имеет государственный статус, основные источники финансирования деятельности фонда – бюджетные средства, также взносы всех коммерческих банков и ряда предприятий [1].

Отечественная практика финансовой поддержки малого предпринимательства по средствам предоставления государственных гарантий через специализированные финансовые институты реализуется в рамках формирования национальной гарантийной системы, базовым звеном которой является Агентство Кредитных Гарантий (далее Агентство. – *Прим. Автора*).

Данное Агентство представляет собой акционерное общество, небанковскую кредитную организацию, учрежденную по решению Правительства РФ в мае 2014 года. Учредителем и акционером Агентства является Российская Федерация в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом. Уставный капитал Агентства сформирован за счет средств федерального бюджета и составляет 50 млрд. рублей.

Стратегическими целями Агентства и формируемой национальной гарантийной системы является содействие развитию сферы малого и среднего предпринимательства, увеличение доли субъектов малого предпринимательства в объеме инвестиций и структуре российской экономики.

В качестве одной из стратегических задач Агентства определена необходимость создания партнерской сети региональных гарантийных организаций. Для реализации этой задачи Агентом были подписаны Соглашения о сотрудничестве с действующими в регионах специализированными гарантийными организациями. На сегодняшний день подобные соглашения заключены с аккредитованными региональными гарантийными организациями в 81 регионе Российской Федерации.

В Челябинской области деятельность по предоставлению кредитных гарантий осуществляется Фондом содействия кредитованию малого предпринимательства с 2009 года. По состоянию на начало 2015 г. Фонд осуществлял взаимодействие с 23 банками-партнерами. За 2014 г. Фонд выдал 285 поручительств на сумму 809,7 млн. руб., общая сумма гарантированных кредитов составила 1,7 млрд. рублей. За все время существования Фонда общий объем полученных кредитов под поручительство Фонда в накопленном эффекте превысил 6,1 млрд. руб [7]. В целом эффективность деятельности Фонда неоднократно подтверждалась итоговыми рейтингами региональных гарантийных организаций, проводимыми рейтинговыми агентствами «Эксперт РА» и «АК&М». В 2013 г. Фонд содействия кредито-

нию малого предпринимательства Челябинской области занял 6-е место среди региональных гарантийных организаций по объему выданных поручительств.

В дальнейшем развитие национальной гарантийной системы будет несомненно продолжено. Основным вектором такого развития должно стать, на наш взгляд, формирование специализированных гарантийных институтов на муниципальном уровне, либо в рамках создания филиалов и представительств региональных гарантийных фондов, либо как самостоятельных хозяйственных образований. Формирование сети муниципальных гарантийных организаций будет способствовать более гибкому использованию инструментов финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства в условиях ограниченности ресурсов, и в конечном счете будет обеспечивать реализацию принципов экономической безопасности не только на уровне региона, но и каждого отдельно взятого муниципального образования.

Библиографический список

1. *Заболотская, В.В.* Исследование зарубежных моделей финансово-кредитной поддержки малого предпринимательства и возможности их адаптации в России [Текст] / В.В. Заболотская // Финансы и кредит. – 2012. – № 8 (498). – С. 57–67.
2. *Захарченко, С.А.* Поддержка малого предпринимательства на основе совершенствования системы кредитных гарантий. Автореферат кандидатской диссертации [Электронный ресурс] / С.А. Захарченко. – Режим доступа: <http://economy-lib.com>
3. *Нурмухаметов, А.В.* Теория и практика государственного регулирования и поддержки развития субъектов малого и среднего предпринимательства [Текст] / А.В. Нурмухаметов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 83–89.
4. *Смирнова, А.В.* Отечественный и зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего бизнеса [Текст] / А.В. Смирнова. – М.: Лаборатория книги, 2012. – 101 с.
5. *Таничева, Т.С.* Финансово-кредитная поддержка малого предпринимательства: совершенствование механизма [Текст] / Т.С. Таничева // Белгородский экономический вестник. – 2010. – № 3 (59). – С. 57–67.
6. *Черкашин, П.П.* Региональные особенности развития и поддержки малого предпринимательства в России [Текст] / П.П. Черкашин. – М.: Лаборатория книги, 2012. – 113 с.
7. Экономический обзор Минитерсва экономического развития Челябинской области «Малый бизнес». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econom-chelreg.ru/review?news=2566>

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

УДК 316.324.8
ББК 60.8

ПОНЯТИЕ «СЕТИ» КАК НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА

Е.Г. Смолина

Аннотация. В последние годы значительно возросло количество публикаций, в том числе российских авторов, посвященных социальным сетям. Вместе с тем общепринятое определение социальной сети отсутствует. В статье представлен обзор основных теорий социологии социальных сетей, начиная с раннего периода развития дисциплины и заканчивая современными подходами. Основные цели автора – попытаться подвести конкретные теоретические итоги и очертить перспективы развития сетевого анализа. Анализ социальных сетей возник как ключевая техника современной социологии и берет свои теоретические истоки в работах таких ученых, как Г. Зиммель и Э. Дюркгейм. Эти ученые писали о важности изучения шаблонов отношений, связывающих участников социального взаимодействия. Социологи используют понятие «социальная сеть» с начала XX века для обозначения сложных наборов отношений между членами социальных систем на всех уровнях – от межличностных до международных. В 30-е годы в Америке исследовались взаимосвязи между людьми с помощью социограмм, то есть визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними – в виде линий. В частности, этим занимался Я.Л. Морено. В 1954 г. Дж. А. Барнс начал систематически использовать этот термин для обозначения моделей связи, охватывающих как понятия, традиционно использовавшиеся населением, так и понятия, которые использовались социологами. Такие ученые как М. Грановеттер, П. Блау, Б. Уэлман, М. Кастельс расширили использование систематического анализа социальных сетей. Среди отечественных исследователей социальных сетей в статье рассматриваются научные труды Г.В. Градосельской, Д.А. Губанова, Д.А. Новикова и А.Г. Чхартишвили. Характеризуя каждый этап становления сетевой теории, автор тем самым подтверждает вывод о том, что данная область сегодня является одним из самых влиятельных направлений в современной социологической мысли.

Ключевые слова: социология социальных сетей, социальные сети, сетевой анализ, социальная структура, социальные связи.

THE NEW PERSPECTIVE ON SOCIAL STRUCTURE THROUGH THE CONCEPT «NETWORK»

E.G. Smolina

Abstract. In recent years, the number of studies of social networks (including Russian authors) has increased considerably. However, so far there is no general definition of social network. The paper presents an overview of the major theories of sociology of social networks from the early period of their development to modern approaches. The main objectives of the author are to sum up theoretical results and to outline prospects of the network analysis development. The analysis of social networks arose as key technology of modern sociology and originates in works of such researchers as G. Zimmel and E. Durkheim. These scientists stressed the importance of studying of the relationship patterns which connect all participants of social interaction. Sociologists have been using the concept "social network" since the beginning of the XX century to denote complex sets of relations between members of different social systems at all levels from interpersonal to the international one. In 1930s, interrelations among people with help of sociograms were studied in the USA. The sociograms are visual diagrams where individuals are shown as points and communication between them is demonstrated in the form of lines (Ya.L. Moreno). In 1954 J.A. Barnes started to use this term to explain both models of communication which had traditionally been used by the population and by sociologists. Such scientists as M. Granovetter, P. Blau, B. Wellman, M. Castells expanded the use of systematic social network analysis. The paper examines the works of

Russian researchers of social networks including those of G.V. Gradoselskaya, D.A. Gubanov, D.A. Novikov and A.G. Chkhartishvili. Describing each phase of network theory development the author confirms the conclusion that this area is one of the most influential trends in the modern sociology.

Keywords: sociology of social networks, social networks, network analysis, social structure, social communications.

В последние годы в связи с бурным развитием новых технологий, значительно убыстряющих и упрощающих процесс передачи информации, все чаще стали говорить о формировании и развитии нового общества, которое имеет принципиальные отличия от предшествующих этапов развития в жизни человечества. Среди множества теорий, касающихся трактовки современного состояния социума, обратим внимание на концепцию социальных сетей, согласно которой понятие «сети» является ключевым для понимания организации сложных коммуникационных систем.

Однако сетевая теория относительно недавно оформилась в самостоятельную область социологии и связано это прежде всего с тем, что сеть долгое время была для исследователей метафорой, аналитической моделью, инструментом анализа только начиная с 1990-х гг. ее стали изучать как феномен, существующий в социальной реальности. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить хронологические периоды и этапы становления сетевой теории.

Итак, элементы сетевого анализа впервые были сформулированы еще в классической социологии. Первые попытки представить структуру социальных отношений в качестве взаимосвязанных узлов и связей между ними относятся к концу XIX в. и принадлежат Э. Дюркгейму и Ф. Теннису. Важную роль в становлении теории социальных сетей сыграли работы Г. Зиммеля, написанные в начале XX века. В них он рассматривает социальную жизнь сквозь призму социального взаимодействия, подчеркивая реляционный характер социологической науки. В целом, представители классической социологии ставили своей целью охарактеризовать структуру общества через совокупность субъектно-объектных отношений. Сеть общественных взаимосвязей понималась исследователями как модель сложной системы отношений, основанной на взаимных обязательствах. Таким образом, категория «сети» воспринималась как данность, не влияющая на характер взаимодействий, а позволяющая представить строение общества.

Неоклассики социологии в лице Т. Парсонса рассматривали устройство общества с точки зрения структурного функционализма [2, с. 3]. Представители данного направления трактовали обще-

ство как социальную систему, имеющую свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию.

Продолжая традиции Т. Парсонса, английский антрополог А. Радклиф-Браун связывает по смыслу понятие социальной структуры с понятием функции. Он определял социальную структуру как «сложную сеть реально существующих социальных отношений».

Иной традиции придерживались представители постклассической социологии, трактовавшие общество как сферу интеракции, коммуникации, социальных институтов и солидарности. Именно в рамках данной парадигмы рождаются теории социальных сетей в их классическом понимании. Принципиально новым в становлении сетевого анализа и институционализации понятия «сети» в социологической теории является возникновение в 1930-х гг. социометрии – метода описательного анализа межличностных отношений в малых группах. Ее автор американский социолог Дж. Морено предложил не только способ измерения отношений – социометрический «тест», включавший наблюдение за взаимодействиями, вопросы о связях разного типа, дружбе, предпочтениях, неприязни, доверии и средства визуализации этой «невидимой структуры» (социограмму).

Так были получены ключевые концептуальные составляющие современного сетевого анализа: карты отношений между акторами (в терминах теории графов – матрицы смежностей), визуализация этих карт в пространстве (собственно построение графа). Достаточно долго после Дж. Морено исследовательские и теоретические работы по структурному анализу проводились в том же направлении и не продвигались дальше сетевизации отношений между отдельными индивидами. Также важнейшим источником творческих идей в исследованиях межличностных отношений явилось одно из самых популярных направлений социальной психологии – групповая динамика, в особенности работы К. Левина и Ф. Хайдера [3, с. 101]. Последний разработал важную идею о тяготении когнитивных и социальных структур к сбалансированности. В современном анализе социальных сетей на этой идее основаны методы оценки степени кластеризуемости и транзитивно-

сти, декомпозиции социальных структур на триады и би-компоненты.

Следовательно, надо отметить, что до середины прошлого века интерес исследователей, как правило, ограничивался связями между индивидами в малых группах. Поэтому, несмотря на то, что вышеупомянутые ученые оказали серьезное влияние на изучение социальных взаимодействий, понятия «социальная структура», фиксирующего жесткие связи, стало недостаточно для отображения текучих и изменчивых отношений в обществе, когда внимание исследователей стали привлекать более сложные социальные феномены.

В связи с этим введение в 1954 г. английским социологом, представителем «Манчестерской школы» Дж. Барнсом термина «социальная сеть» стало новым этапом в становлении сетевого анализа общества [2, с. 4]. В отличие от своих предшественников, исследователь стал использовать данный термин не метафорически и интуитивно для обозначения сложных наборов отношений между членами социальных систем, а аналитически, обозначая им образцы связей ограниченных групп (племена, семьи) и социальных категорий (пол, этническая принадлежность). Сместив вектор рассмотрения социума в сторону человеческих взаимоотношений, Дж. Барнс предложил ставшее впоследствии каноническим определение социальной сети как множества точек, соединенных между собой линиями. Определяя основную причину обращения к термину «социальная сеть», ученый пишет: «Я предложил использовать понятие социальной сети для того, чтобы описывать и анализировать те системы взаимоотношений, которые нельзя было определить как явные, устойчивые и регламентированные группы».

Неклассическая и постнеклассическая социология в рамках символического интеракционизма, феноменологии и теории коммуникативного действия определили переход к восприятию общества как конструкции непрерывно меняющейся реальности агентами, которые и производят социальные изменения, а позднее к трактовке социального устройства через единство социальных структур и активных действий личности. К числу последователей данной социологической парадигмы существенно обогативших сетевую теорию относится один из основоположников теории социального обмена Дж. Хоманс. В работе «Человеческие группы» он отмечает, что часть внутригрупповых взаимодействий опосредована формальной системой, или тем, что он называет «внешней системой»; другие основываются на «чувствах» людей друг к другу или «внутренней системе». Взаимодействие и участие в совместной

деятельности, не продиктованное внешней системой, как правило, приводит к положительным эмоциям, они, в свою очередь, способствуют дальнейшему взаимодействию. Внешняя система, имеющая принудительный характер, напротив, направляет деятельность и взаимодействие участников группы вовне, а не вовнутрь, что способствует ухудшению отношений между участниками. Хоманс подчеркивает: чем чаще люди взаимодействуют друг с другом, тем больше их симпатии друг к другу и легче общение.

Знаковой фигурой в теории социального обмена выступает П. Блау, который попытался представить сущность социальной структуры общества на основе анализа макропроцессов. В отличие от Дж. Хоманса, П. Блау решил выйти за пределы элементарных форм общественной жизни и подойти к анализу сложных структур. В своей концепции социального обмена П. Блау ограничивается комплексом действий, которые стимулируются положительными реакциями со стороны других и прекращаются, если не следует ожидаемая реакция. Социальные ассоциации образуются посредством притяжения индивидов друг к другу, взаимные символические вознаграждения служат действенным механизмом поддержания и укрепления связей. В случае отсутствия взаимных вознаграждений общности теряют устойчивость и распадаются. Согласно П. Блау, наибольшее влияние на связь индивидов в социальных структурах оказывают ценности и нормы, как индивидуальные, так и групповые. Изучению интегративных процессов в различных типах социума посвящены труды Э. Гидденса, в частности его теория структуризации. Рассматривая понятие структуры в самых различных социальных концепциях (структурализм, функционализм, постструктурализм), социолог приходит к выводу о необходимости иного его толкования. Он считает, что структура в социальном анализе «относится к структурирующим качествам, позволяющим «связывать» время и пространство в социальных системах, качествам, которые обуславливают существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве и придают им «систематическую» форму. С учетом такого подхода к структуре Э. Гидденс рассматривает структурные качества как иерархически организованные, в терминах пространственно-временной протяженности практик, которые они периодически организуют.

Тенденция рассмотрения индивида не только с точки зрения субъектно-объектных отношений, а подчеркивание возможности социальной

активности и самостоятельности человека, превращение его в действующего субъекта отмечена и в работах П. Бурдьё. Французский социолог в этом смысле не представляет социальную сеть формальной организацией, а рассматривает ее как социальный капитал, совокупность информационных и моральных норм поведения.

Однако отметим, что своему появлению акторно-сетевая теория обязана в целом революции в информационных технологиях и возникновению сетевой теории общества. На стадии «развития» информационного общества происходят существенные изменения социальной структуры. Широко известная концепция «сетевого общества» разработана профессором социологии и социального планирования Калифорнийского университета М. Кастельса. По мнению ученого, в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно сменяют иерархические: если ранее сеть, сетевая организация была отображением лишь внутренней структуры общества, ее подсистем и объединений, зачастую невидимой, либо трудно распознаваемой, то в новейшем мироустройстве она играет ключевую роль и становится сознательно внедряемой внешней структурой общества, ее формой.

В связи с этим М. Кастельс акцентирует внимание на том, что сети подвижны и адаптивны, они имеют значительные преимущества перед иерархическими формами, децентрализуя исполнение и распределяя принятие решений. Хотя, несомненно, у них есть сложности в координировании функций, в концентрации ресурсов и управлении решением сложных задач, которые выходят за рамки сетей. В то же время, как считает М. Кастельс, они обладают беспрецедентными возможностями в преодолении этих сложностей. Отметим ограниченность трактовки данным ученым понятия «сетевого общества» [1, с. 121]. Приводя общее определение сетевой структуры и обозначая ее основные компоненты и принципы организации, он на протяжении всей работы уделяет внимание рассмотрению преимущественно материальной основы современных социальных сетей – информационных технологий и их воздействия на сферу производства. В его теории социальные сети практически не рассматриваются на индивидуальном и межличностном уровне. Кроме того, Кастельс не использует методы анализа сетевых взаимодействий, ограничиваясь в основном данными статистического учета.

Профессор социологии университета Торонто Б. Уэлман, в отличие от Кастельса, считает, что в основе телекоммуникационных, компьютерных, производственных и других материальных сетей,

по сути, находятся социальные сети. Их взаимовлияние, выражающееся, например, в том, что за счет сети Интернет индивид или организация получили возможность значительно увеличить количество профессиональных, дружеских и родственных контактов, неизбежно отражается на структуре современного общества и характере групповых взаимоотношений в нем. В данном контексте Б. Уэлман анализирует функционирование и развитие современных общностей (communities), основываясь на результатах масштабных эмпирических исследований эго-сетей жителей стран Латинской Америки, Канады, Европы и Азии, которые были проведены как самим Б. Уэлманом, так и его коллегами. Обобщив результаты этих исследований, он пришел к выводу, что общность как форма социальных отношений не только не исчезает, но продолжает существовать и даже процветать, играя в жизни людей значимую роль, как средство материальной и духовной поддержки.

Современная общность – это не локальный, а пространственный феномен, при анализе которого Б. Уэлмана, в первую очередь, интересует не то, как близко люди живут друг от друга – через дорогу или через океан, – его интересует, что они делают друг для друга. При этом автор полагает, что современные общности имеют ряд характерных отличий от традиционных, например, размытость границ, неинтенсивность и специализация связей.

Таким образом, во многом благодаря усилиям именно М. Кастельса и Б. Уэлмана, концепции которых претендуют на выведение общемировых тенденций, сетевая теория получила признание и стала активно обсуждаться в академическом сообществе. Отметим, что концептуальная емкость сетевой теории проявляется в том, что для каждого конкретного исследования она поначалу может предложить только лишь абстрактные образцы и минимальный набор дефиниционных элементов, таких как актор, связь, взаимодействие, сеть. Спецификацию она приобретает непосредственно в конкретных исследованиях – с одной стороны, через определение акторов и процессов взаимодействия между ними, с другой – через обогащение теоретическими моделями. В рассмотренных концепциях это модели сетевого общества и современной общности.

Еще одним знаковым трудом в истории становления сетевого анализа является работа «Сила слабых связей» М. Грановеттера. В этой работе он показал, как логика формирования отношений привела к возникновению различных групп и «слабых связей» между этими группами. М. Грановеттер как и Б. Уэлман в рамках теории сетевого общества рассматривает широкий круг струк-

тур – от микро- до макроуровня, где в качестве акторов могут выступать как отдельно взятые индивиды, так и группы, корпорации и общество в целом. Таким образом, одной из важных тенденций в развитии сетевого анализа становится смещение его фокуса внимания на исследование связей, которые существуют между действующими субъектами. А сетевая теория стремится учитывать динамику общественной жизни, поскольку структура социальной системы постоянно меняется с изменением моделей (сотрудничество, конкуренция, конфликт) взаимодействия индивидов и их общностей. При этом, хотя ее авторы и утверждают, что индивиды пребывают в рамках социальных структур, но сами эти структуры, по их мнению, не детерминируют жестко и однозначно поведение акторов, а лишь по-разному ограничивают их действия, оставляя при этом возможность выбора, т. е. некий набор альтернатив. И более того, совокупные действия акторов способны изменять саму социальную структуру, внося тем самым в общественную жизнь новые изменения и новые ограничения.

В российской социологии до середины 1990-х гг. понятийный аппарат анализа социальных сетей использовался, во-первых, эпизодически и, во-вторых, преимущественно для изучения латентных, теневых процессов. С середины 1990-х гг. понятие «сети» получает в России более широкое распространение [3, с. 99]. Так, по мнению Г.В. Градосельской, современное общество пронизано сетями социальных отношений – устойчивыми системами связей и контактов между индивидами. Социолог выявляет три основных этапа сетевого анализа. Первый этап представляет собой выделение из массива данных структурных единиц сети, т. е. «узлов» и «связей». Второй этап заключается в выявлении сетевых свойств и их измерении. На третьем этапе построенная сеть интерпретируется. По мнению Г.В. Градосельской, интерпретация может осуществляться через сопоставление с уже существующими типологиями сетей. Как видно из алгоритма, «содержание» сети задается самим исследователем на первых двух этапах анализа. Таким образом, «сеть» служит удобной метафорой для описания качественных изменений, произошедших в представлении о социуме на основе формирования информационной среды. Однако при проведении эмпирических исследований для подтверждения выдвигаемых ги-

потез использование структурной методологии приводит к необходимости постоянной фиксации «содержания», четкому определению основных свойств, задающих сеть.

Как высказывались Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили в работе «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства», понятие сетей связано с любой сферой человеческой деятельности. Само понятие «сеть» является метафорой, так как может быть истолковано предельно широко, что создает определенные трудности в его использовании.

Из всего вышесказанного следует, что, ввиду существования множества попыток выстроить теоретическую основу для трактовки рассматриваемого понятия, единого мнения на счет того, как определять социальную сеть, до сих пор не существует. С одной стороны, предпринимаются попытки связать воедино ключевые для социологии и смежных с ней наук понятия отношений, структуры, группы, статуса и престижа, позиции и роли, коммуникации, ресурсов, родства, влияния, власти, организации, иерархии, социального капитала. С другой стороны, отсутствие ясности в вопросе определения понятия социальных сетей дает поводы для принципиально разных подходов к их изучению. Таким образом, эволюция взглядов на социальные сети варьировалась от работ в рамках структурного функционализма до релятивизма, при этом инструментально использовались методы как гуманитарных, так и естественных наук. Разные мыслители привлекали различные термины для обозначения одних и тех же явлений, формируя концептуальные истоки рассматриваемой теории. Однако в настоящее время сетевая теория связывается большинством социологов с теориями информационного общества и категорией «киберпространства».

Библиографический список

1. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.
2. *Князева, Е.И.* Сетевая теория в современной социологии [Текст] / Е.И. Князева // Социология. – 2006. – № 2. – С. 3–10.
3. *Ушкин, С.Г.* Социология социальных сетей: ретроспективный анализ [Текст] / С.Г. Ушкин // Социологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 94–111.

УДК 303.432
ББК 87.4

ЗАДАЧИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ¹

В.В. Задорин

Аннотация. В работе утверждается, что доказательно-теоретическое представление баз данных социологических исследований позволит более эффективно: 1) проверять последние на наличие в базе данных высказываний (аксиом) обстоятельств, опровергающих принятую в исследовании гипотезу; 2) формулировать выводы, имеющие дедуктивный характер, из этих баз данных о наличии всех возможных закономерностей; 3) утверждать разрешимость и непротиворечивость социологической теории. Особенность авторской позиции с точки зрения социолога – в дедуктивном (а не вероятностном) подходе, с точки зрения специалиста по базам данных – в попытке адаптации доказательно-теоретической модели данных к социологическим исследованиям.

Ключевые слова: метод общественных наук; доказательно-теоретическая модель базы данных.

APPLICATION TASKS OF EVIDENTIAL AND THEORETICAL PRESENTATION OF DATA IN SOCIOLOGY

Zadorin V.V.

Abstract. The paper assumes that the evidential and theoretical presentation of database in sociology is more effective in 1) checking the existence of disproving circumstances (axioms) disproving the hypothesis adopted in the study; 2) drawing deductions of all possible patterns; 3) approving of decidability and consistency of sociological theory. The special feature of the author's position, from sociological perspective, is the use of the deductive (not the probabilistic) approach and, from the a database specialist perspective, in the adaptation of evidential and theoretical model of a database to social research.

Keywords: sociological method, evidential and theoretical model of the database.

Цель проекта РФФИ № 15-06-02758а – разработать такую методологию социологических исследований на основе реляционного объединения разнородных баз данных, которая позволила бы, в частности, более эффективно, чем существующие, решать следующие задачи: 1) проверять большие базы данных для поиска такого положения дел, описываемого совокупностью высказываний A_1, A_2, \dots, A_N, B , которое опровергало бы (фальсифицировало) гипотезу о наличии закономерной связи совокупности событий A_1, A_2, \dots, A_N (где $N \geq 0$) и события B ; 2) рассматривать все возможные теоремы (т. е. доказательства формулы B из аксиом A_1, A_2, \dots, A_N , где $N \geq 0$, по установленным правилам вывода) данной теории (т. е. системы высказываний, задаваемых социологическим исследованием). Говоря «более эффективно», будем подразумевать:

1) возможность программной обработки большего объема данных или выводов из них за

меньшее время на аналогичном аппаратном оборудовании;

2) существование такого типа задач, которые могут быть решены благодаря доказательно-теоретическому представлению данных и не могут быть (в принципе либо за реально обозримое время) решены другими способами.

В статье предпринимается попытка рассмотреть решение вышеуказанных задач в трех ракурсах, отвечая на следующие вопросы:

1) с точки зрения социолога – как именно (каков алгоритм) и для чего разрабатываемую методологию можно применить в социологическом исследовании;

2) с точки зрения логика – будет ли теоретически корректным предлагаемое в работе соотнесение трактовки терминов «теория моделей» (model theory) и «теория доказательств» (proof theory) в истории математической логики и трактовки этих терминов в истории моделей представления данных;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 15-06-02758а «Реляционное объединение данных разнородных социологических исследований в единый массив и интеллектуальный анализ с применением технологий машинного обучения».

3) с точки зрения специалиста по системам управления базами данных – можно ли рассматривать нашу работу как какой-либо вклад в изучение теоретических оснований для использования логики как основы «обеспечения более тесной интеграции между языками программирования общего назначения и базами данных» [3, с. 1006].

1. В известном смысле наша публикация – ответ на адресованный социологам призыв Ю.Н. Толстой¹ тщательно проанализировать, «насколько соответствующие алгоритмы отвечают [нашим] представлениям о смысле решаемой задачи» [8, с. 65]. В цитируемой статье автор говорит о методах, реализованных в пакете SPSS и позволяющих осуществлять *вероятностные* (правдоподобные) выводы.

О серьезности внимания российского научного сообщества к изучению логических аспектов методов и методологий, применяемых в социологических исследованиях, свидетельствует поддержка фондом РГНФ проекта «Логико-комбинаторные методы как средства типологического анализа в социологии»² и фондом РФФИ проекта «Социологический анализ противостояния инноваций и традиций в решении экологических проблем с использованием метода нечетких множеств»³.

В Институте социологии Российской академии наук Г.Г. Татарова возглавляет группу изучения оснований математической формализации в эмпирической социологии. Под ее научным руководством была защищена в 2012 г. диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук «Логико-комбинаторные методы анализа социологических данных (эвристический потенциал и методическая специфика)». Результатом совместной работы автора диссертации А.В. Кученковой и научного руководителя стала, в частности, публикация «Стратегия применения логико-комбинаторных методов в процедурах типологического анализа», где метод качественного

сравнительного анализа и метод автоматического порождения гипотез ДСМ (имени Джона Стюарта Милля), разрабатываемый на кафедре математики, логики и интеллектуальных систем РГГУ под руководством В.К. Финна, адаптируются к процедурам типологического анализа Г.Г. Татаровой [7, с. 32–33]. Снова обратим внимание на *вероятностный* (правдоподобный) характер выводов, получаемых благодаря применению вышеуказанных методов.

Программным комплексом, использующим технологии машинного обучения для интерпретации результатов по имеющемуся массиву данных (без привязки к социологическим исследованиям, но один из алгоритмов которого был рекомендован к использованию в социологических исследованиях Ю.Н. Толстой [9, с. 273]), является «универсальная (как ее называют разработчики) система извлечения знания» «Discovery» профессора Central Washington University Б.Я. Ковалерчука и доктора физико-математических наук Е.Е. Витяева⁴. Система «Discovery», реализующая реляционный подход к методам извлечения знаний, «за счет использования языка первого порядка, который практически неограниченно расширяет множество типов используемых данных, а также позволяет описывать разнообразные виды гипотез», обходит ограничения существующих методов извлечения знаний из баз данных и интеллектуального анализа, которые «могут работать только с конкретными типами данных и использовать только конкретные виды отношений и операций. Тем самым они, во-первых, не могут использовать всю информацию, содержащуюся в данных, во-вторых, могут получать результаты, не интерпретируемые в онтологии предметной области» [2, с. 11]. В настоящий момент для нас важно подчеркнуть – подход к обнаружению знаний в комплексе Discovery основан «на логическом (relational) представлении информации в данных и обнаружении закономерностей в данных путем *логико-вероятностного семантического вероятностного вывода* (курсив наш – В.З.)» [4, с. 71].

Еще раз обратим внимание, что особенно сильно вышеперечисленных проектов и теоретических наработок является использование логики, изучающей выводы, имеющие *вероятностный* (правдоподобный), но не достоверный, не дедук-

¹ Ю.Н. Толстова – профессор кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ, автор диссертации «Логика и методология математического анализа социологических данных» на соискание степени доктора социологических наук (защищена в 1993); руководитель проектов РФФИ «Разработка принципов логико-математической формализации процесса формирования концептуальной модели предметной области социологического исследования» (1999–2001) и «Разработка методов изучения причинных отношений в эмпирической социологии на основе комплексного использования алгоритмов поиска взаимодействий» (2002–2004).

² Проект № 14-03-00279а, руководитель А.В. Кученкова.

³ Проект №15-06-04762а, руководитель М.Ю. Болдина.

⁴ Тема докторской диссертации Е.Е. Витяева «Логико-вероятностные методы извлечения знаний из данных и компьютерное познание» (2006), он является руководителем проектов РФФИ № 02-07-90355в и № 05-07-90185в, нацеленных на разработку научно-исследовательских комплексов программ «Gene Discovery» и «Expert Discovery» для анализа и моделирования геномной ДНК.

тивный характер. Вывод (умозаключение, рассуждение) является **достоверным (дедуктивным)** тогда и только тогда, когда его заключение **логически следует** из посылок, т. е. не существует такой интерпретации высказываний, входящих в состав данного умозаключения, при которой каждая посылка оказалась бы истинной, а заключение – ложным. Вывод, где существует такая интерпретация, при которой каждая из посылок истинна, а заключение ложно, но при этом истинность посылок повышает вероятность истинности заключения, называется **правдоподобным** (он имеет *вероятностный* характер, в нем заключение правдоподобно следует из посылок). Специфика авторского подхода в этой работе – изучение *дедуктивных* аспектов обработки данных социологических исследований, что и предопределяет обращение к реляционной и дедуктивной моделям представления данных.

II. В своей трактовке теории доказательств (proof theory) и доказательно-теоретического представления баз данных (proof-theoretic view of databases) будем существенным образом опираться на фундаментальные труды (соответственно) американского логика и математика С.К. Клини (S.C. Kleene) и британского специалиста в области баз данных К.Дж. Дейта (C.J. Date), статьи которого стали нам известны благодаря переводам профессора кафедры системного программирования МГУ С.Д. Кузнецова, доктора технических наук, защитившего диссертацию «Исследование и разработка свободного SQL-сервера» в 1995 году.

Данные и базы данных. Хранение данных в компьютеризированной системе позволяет социологу использовать программные и аппаратные средства для их обработки. Таким образом, перед нами *четыре обязательных компонента* любой системы баз данных: 1) данные, 2) аппаратное обеспечение, 3) программное обеспечение, 4) пользователи. А сама **система баз данных** – это «компьютеризованная система хранения записей», которая используется для предоставления пользователям возможности выполнять (или передавать системе запросы на выполнение) операции по извлечению и модификации хранящейся информации [3, с. 46]. Как правило, на персональных компьютерах используются однопользовательские («малые») системы, на крупных серверах – многопользовательские («большие»). К «малым» системам одновременно имеет доступ только один пользователь, а к «большим» – более, чем один. Одним из преимуществ использования баз данных на «малых» системах является их *интеграция* – возможность использования одним пользователем

всей базы данных в целом, а на «большом» – их *разделяемость*, т. е. возможность использования одних и тех же данных несколькими пользователями одновременно (при чем для разных пользователей одни и те же данные могут быть представлены по-разному). Для нас крайне важно обратить внимание читателя на следующее ключевое обстоятельство: слово «данные» обозначает то, что «дано», наподобие условий задачи, которую предстоит решить, или «дано», подобно формулировке теоремы, которую предстоит доказать. Иными словами, данные – это то, что установлено, допущено, а значит, может быть использовано как посылки, исходные высказывания (считающиеся истинными) для вывода других высказываний. Поэтому, согласно Дейту [3, с. 56], и можно утверждать, что **«в действительности база данных – это множество истинных высказываний»**. Заметим, что трактовка базы данных как коллекции истинных высказываний является «очень близким доказательно-теоретическому представлению данных», о чем сам Дейт и говорит [3, с. 973].

Следующим важным понятием является понятие **модель данных** – это «абстрактное, самодостаточное, логическое определение объектов, операторов и прочих элементов, в совокупности составляющих абстрактную машину доступа к данным, с которой взаимодействует пользователь. Упомянутые объекты позволяют моделировать структуру данных, а операторы – поведение данных... *Реализация* (implementation) заданной модели данных – это физическое воплощение на реальной машине компонентов абстрактной машины, которые в совокупности составляют эту модель... Короче говоря, модель – это то, о чем пользователи должны знать, а реализация – это то, чего пользователи не должны знать» [3, с. 57]. Модель, которая «является необходимой и достаточной для представления вообще любых данных» – это *реляционная* модель. В **реляционной модели** данные представляются (исключительно!) в виде строк в таблицах (и интерпретируются как *истинные высказывания*), «а пользователям предоставляется возможность использовать операции, обеспечивающие поддержку процесса **логического вывода** дополнительных истинных высказываний как следствий из существующих данных» и генерировать новые таблицы на основании уже существующих [3, с. 72]. Так, в реляционной системе обязательно должен присутствовать «оператор *сокращения*, предназначенный для получения подмножества строк заданной таблицы, и оператор *проекции*, позволяющий получить подмноже-

ство ее столбцов. Однако подмножество строк и подмножество столбцов некоторой таблицы, безусловно, можно рассматривать как новые таблицы». Как объясняет Дейт, «причина, по которой такие системы называют **реляционными**, состоит в том, что английский термин «relation» (отношение), по сути, представляет собой общепринятое математическое название для таблиц. Поэтому на практике термины отношение и таблица в большинстве случаев можно считать синонимами, по крайней мере, для неформальных целей» [3, с. 69]. Реляционные системы появляются в конце 1970-х и начале 1980-х гг., в конце 1980-х и начале 1990-х гг. – объектно-ориентированные, в конце 1990-х гг. – объектно-реляционные. Существуют также многомерный, полуструктурированный подходы, а также *логический*, называемый еще *дедуктивным*, или экспертным, который будет рассмотрен нами ниже.

Согласно Дейту, особенно сильным толчком к проявлению значительного интереса к исследованию связей между теорией баз данных и логикой послужила статья Рейтера (Reiter) «К логической реконструкции реляционной теории»¹. Сравнение модельно-теоретического представления данных с доказательно-теоретическим позволяет утверждать: 1) если в модельно-теоретическом представлении база данных в любой конкретный момент времени может рассматриваться как *множество явно заданных (т. е. базовых) отношений, причем каждое из них содержит множество явно заданных кортежей*, то в доказательно-теоретическом – как множество аксиом (состоящее из основных аксиом, соответствующих значениям в доменах и кортежам в базовых отношениях, а также некоторых дедуктивных аксиом); 2) если в модельно-теоретическом представлении выполнение запроса может рассматриваться как *вычисление некоторой заданной формулы (т. е. логического выражения) с этими явно заданными отношениями и кортежами*, то в доказательно-теоретическом – как доказательство того, что некоторая заданная формула является логическим следствием из этих аксиом (иными словами, доказательство того, что она является теоремой)».

Доказательно-теоретический подход по сравнению с классическими реляционными системами обладает следующим «привлекательным набором дополнительных возможностей: 1) единообразный способ представления всех значений в доменах,

кортежей в базовых отношениях, дедуктивных аксиом, запросов и ограничений целостности; 2) «единообразие методов организации функционирования»; 3) семантическое моделирование, благодаря которому создается прочная основа формирования «различных семантических дополнений к базовой модели»; 4) расширение области применения – «формируется основа для решения определенных задач, которые обычно создавали значительные сложности при использовании классических подходов, например, представление дизъюнктивной информации (допустим, “Поставщик S5 поставляет либо деталь P1, либо деталь P2, но не известно, какую именно из них”»)» [3, 974]. Те системы баз данных, которые стали поддерживать дедуктивно-теоретическое представление данных и обладать «способностью дедуктивно выводить дополнительную информацию из экстенциональной базы данных, применяя правила вывода (т. е. дедуктивные правила), которые хранятся в интенциональной базе данных», стали называть основанными на логике (**logic-based databases**), или **дедуктивными**» [3, с. 1008].

Нам, безусловно, предстоит учесть то обстоятельство, что обработка *больших* данных накладывает определенные ограничения на реляционные СУБД, и появляются новые подходы к работе с ними, такие как: NoSQL, MapReduce и обработка потоков в реальном времени [5, с. 143]. Вместе с тем, «невозможно также оспаривать то, что сделаны огромные вложения в исследования и разработку, а также в создание коммерческих продуктов в той области, которую можно в целом назвать «реляционной инфраструктурой» (т. е. сделаны огромные усилия по обеспечению поддержки восстановления, организации параллельной работы, защиты и оптимизации, не говоря уже о поддержке целостности, а также по всем другим направлениям) ... Поэтому, по мнению автора, было бы неразумно полностью переключаться на разработку принципиально новой технологии баз данных, притом, что нельзя найти каких-либо достаточно убедительных причин для принятия подобного решения, не говоря уже о том, что любая такая технология будет, безусловно, страдать от недостатков, аналогичных тем, которые уже обнаруживаются в технологии иерархических баз данных» [3, с. 1156].

III. Выскажем предположение, что соотношение (может быть, «проецирование») роли теории моделей и теории доказательств в истории логики и математики с ролью модельно-теоретического и доказательно-теоретического представления баз данных имеет определенные признаки научной новизны (по крайней мере, русскоязычные публи-

¹ Towards a Logical Reconstruction of Relational Database Theory // M.L. Brodie, J. Mylopoulos, J.W. Schmidt (eds.). On Conceptual Modelling: Perspectives from Artificial Intelligence, Databases, and Programming Languages. – New York, N.Y.: Springer-Verlag, 1984.

кации по этой теме не известны автору). В истории математики теория доказательств появляется в тот момент, когда возникают вопросы о непротиворечивости, полноте и разрешимости математических теорий. В истории систем управления базами данных системы, основанные на логике, появляются, когда классическая, традиционная реляционная модель представления данных потребовала перемен.

Теория доказательств (proof theory). Будем рассматривать теорию доказательств как теорию, содержащую описание, определение и исследование свойств формальной теории (или формальной системы), полученной в результате полного отвлечения от смысла некоторой третьей (содержательной) теории. В отношении теории доказательств к формальной теории первая может быть рассмотрена как метатеория, а вторая – как предметная теория. Иными словами, как пишет Клини [6, 63]: «имеются три отдельные и отличные друг от друга “теории”»: (а) содержательная (informal) теория, формализацией которой служит формальная система, (b) формальная система или предметная теория и (с) метатеория, в которой описывается и изучается эта формальная система. Здесь (b), являющаяся формальной, служит не теорией в обычном смысле, а системой символов и предметов, построенных из символов (описанных в (с)), причем эта система является своего рода условным образом или моделью для (а). С другой стороны, (а) и (с), являющиеся содержательными, не имеют точно определенной структуры, какую имеет (b). Далее, (с) – это теория, изучающая (b), и она должна применяться к (b), не взирая на (а), или, точнее, не взирая на интерпретацию (b) в терминах (а)». С точки зрения теории доказательств, формальная теория рассматривается исключительно как система простейших символов и последовательностей из них, построенных по определенным правилам. Если в формальной теории выводы получаются по специально установленным правилам, то в теории доказательств выводы должны быть отчетливо понимаемыми и убедительными на интуитивном уровне.

Формализация теории. *Первым шагом* на пути формализации содержательной (в нашем случае социологической) теории является выделение ее технических терминов, определение полноты системы ее высказываний и деление этих высказываний на аксиомы и теоремы (законы). К техническим терминам относятся термины, неопределяемые в данной теории, но необходимые для вывода теорем (законов). Они сохраняют свои грамматические свойства, т. е. остаются именами существительными, прилагательными или глаго-

лами, но при этом лишаются смысла, так как все обозначаемые ими предметы или свойства предметов рассматриваемой области должны быть описаны посредством аксиом (постулатов) данной теории. Если предположить, что смысл каких-либо технических терминов значим для вывода теорем (законов), то окажется, что не все свойства данных терминов были выражены посредством аксиом. Система высказываний, составляющих данную теорию, должна быть выражена *полностью*. Если окажется, что значения некоторых высказываний, составляющих данную теорию, не известны, то исследователю, формализующему данную теорию, должны быть известны условия, определяющие их истинностные значения. Высказывания теории следует поделить на *аксиомы* (постулаты) и высказывания, логически выводимые из них в соответствии с дедукцией. Для этого следует обратить внимание на логические термины, значения которых используются в выводах. Поскольку для различных теорий используются различные логические принципы, далее следует установить, какие же именно из них были использованы для получения выводов данной теории.

Шаг второй – введение логических принципов. Эти принципы уже неявно входили в теорию в виде ее логических терминов, и теперь предстоит явным образом их определить: возможно, при помощи новых аксиом или, по крайней мере частично, посредством правил, позволяющих вывести одну фразу из другой или других. Таким образом, можно будет говорить, что теория формализована: мы полностью абстрагировались от содержания ее технических терминов и стали рассматривать ее как систему фраз (которые стали последовательностями слов, а слова, в свою очередь, последовательностями букв), где только форма определяет, какие фразы выступают в качестве аксиом, а какие – следуют из данных постулатов по особо оговоренным правилам вывода.

Замысел формализации теории возникает в математике в начале XX века: во-первых, как попытка разрешения ситуации, связанной с открытием парадоксов теории множеств, и, во-вторых, как ответ на критику интуитционистами (ближайшим образом, Брауэром и Вейлем) классической математики за неоправданный перенос принципа исключенного третьего аристотелевской логики, абстрагированного (как полагает Брауэр) из математики конечных множеств, на множества бесконечные. Первые шаги на пути формализации математических теорий были предприняты Гильбертом и его сотрудниками Бернайсом, Аккерманом и Нейманом в первой половине XX века.

Парадоксы. Парадоксы теории множеств стали расти, как грибы после дождя, с конца XIX столетия. В 1899 г. Кантор (один из отцов-основателей теории множеств) формулирует парадокс, связанный с отношением кардинальных чисел множества всех множеств и множеством всех подмножеств данного множества. Под *кардинальным числом*, или *мощностью* множества Кантор понимает «то общее понятие, которое мы получаем с помощью нашей интеллектуальной активности, когда, отправляясь от [данного] множества, мы абстрагируемся от природы его различных элементов и от порядка, в котором они нам даны». Оказывается, что кардинальное число множества всех множеств в одно и то же время и больше, и меньше кардинального числа множества всех своих подмножеств. Пожалуй, наибольшую известность среди ученых и людей, интересующихся наукой, приобрел парадокс Рассела, сформулированный им в 1902–1903 гг: является ли множество всех множеств, не являющихся элементами самих себя, элементом себя самого? В более популярной формулировке 1919 г. он звучит так: бреет ли сам себя деревенский парикмахер, бреющий тех и только тех жителей деревни, которые не бреются сами? В вышеуказанных парадоксах складывается такая ситуация, при которой мы одновременно утверждаем и наличие некоторого свойства у некоторого предмета, и его отсутствие, т. е. нарушаем *принцип исключенного третьего*.

Принцип исключенного третьего. Формулировка одного из трех фундаментальных принципов, впоследствии получившего название «принципа исключенного третьего», лежащих в основании подавляющего большинства научных теорий, впервые встречается у Аристотеля (384–322). Ближайшим образом, речь идет о седьмой главе четвертой книги «Метафизики» (Кн. 4, гл. 7, 1011b 25): «... не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать. Это становится ясным, если мы прежде всего определим, что такое истинное и ложное. А именно: говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, — значит говорить истинное. Так что тот, кто говорит, что нечто [промежуточное между двумя членами противоречия] есть или что его нет, будет говорить либо правду, либо неправду» [1, с. 141].

Допустим, нам дано определенное количество (*конечное*) «вполне различаемых объектов» S , где S – целое положительное число. Пусть нам требуется определить, принадлежит ли каждому

предмету S свойство P . Насколько бы большим (но конечным!) не оказалось S , мы всегда располагаем методом последовательной проверки каждого S на принадлежность ему свойства P , чтобы определить какое из двух противоречащих высказываний «Всякий S обладает свойством P » и «Хотя бы один S не обладает свойством P » истинно, а какое – ложно. Согласно принципу исключенного третьего, из двух противоречащих высказываний одно необходимо истинно, другое – ложно, и третьего не дано. Математики-интуиционисты обращают внимание на то обстоятельство, что если множество S *бесконечно*, то нельзя в принципе утверждать, что «Все S есть P », поскольку не существует метода, позволяющего поступательно исследовать каждый S на принадлежность ему свойства P .

При этом, как замечает Клини: «придется отказаться от понимания бесконечности, скажем, в теориях Дедекинда, Вейерштрасса и Кантора, как актуальной, завершенной, экзистенциальной, и, соглашаясь с Гауссом, настаивать на рассмотрении бесконечности исключительно как потенциальной, становящейся, или конструктивной. Например, если D – множество натуральных чисел, то интуиционист будет рассматривать универсальное высказывание «Всякое натуральное число n обладает свойством P » как гипотетическое утверждение, «согласно которому, если дано какое-нибудь натуральное число n , то можно быть уверенным в том, что это число n обладает свойством P . При таком понимании не требуется принимать во внимание классическую завершенную бесконечную совокупность натуральных чисел».

Как уже было сказано, формализация теории предполагает ее реконструкцию в специальном символическом языке, где отдельные символы соответствуют, как правило, целым словам, а последовательности символов, называемых *формулами* – фразам. **Формализация социологической теории имеет** следующую, существенную с точки зрения логики, **особенность** – генеральная **совокупность** изучаемых **объектов** (и их свойств и отношений) **является конечным множеством**. Это позволит нам заявить, что наше доказательно-теоретическое изучение формализованной социологической теории вполне может быть ограничено финитными методами, поскольку в нашей предметной области не существует объектов (несчетных бесконечных множеств), требующих для своего постижения других методов. (Для Гильберта ограничение финитными методами являлось необходимым условием построения метаматематики, поскольку вопрос о том, не приводят ли к противоречию методы формализуемой теории, не дол-

жен решаться теми же самыми методами, которые могут привести к противоречию содержательную теорию.)

Эта особенность позволяет сформулировать утверждение, подлежащее обсуждению: **формализованная социологическая теория является разрешимой**, т. е. для всякой формулы, выражающей форму произвольного высказывания данной теории, мы можем определить, является ли она тождественно истинной (принимающей значение «истина» при любой интерпретации собственных составляющих), нейтральной (когда существует хотя бы одна интерпретация, при которой формула принимает значение «истина», и существует хотя бы одна интерпретация, при которой формула принимает значение «ложь») или тождественно ложной (принимающей значение «ложь» при любой интерпретации собственных составляющих). Кроме того, формализовав социологическую теорию, мы сможем дать однозначный ответ на вопрос, является ли она **непротиворечивой**, т. е. не существует ли в ней какой-либо тождественно истинной формулы, являющейся одновременно тождественно ложной.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Соб. соч. в 4-х т. Т. 1 [Текст] / Аристотель. – М.: Мысль, 1976.
2. *Витяев, Е.Е.* Реляционный подход к интеллектуальному анализу данных и система DISCOVERY [Текст] / Е.Е. Витяев // Математические проблемы информатики тезисы докладов и лекций Международной Школы-конференции. – 2013. – С. 11–12.

3. *Дейт, К. Дж.* Введение в системы баз данных [Текст]: 8-е издание; пер. с англ. / К. Дж. Дейт. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 1328 с.

4. *Дурдин, Д.С.* Дополнительный Data Mining модуль для Microsoft SQL Server 2005 на основе системы Discovery [Текст] / Д.С. Дурдин, Е.Е. Витяев // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. – 2008. – Т. 6. – вып. 2. – С. 69–79.

5. *Клеменков, П.А.* Большие данные: современные подходы к хранению и обработке [Текст] / П.А. Клеменков, С.Д. Кузнецов // Труды Института системного программирования РАН. – М., 2012. – Т. 23. – С. 143–158.

6. *Клини, С.К.* Введение в метаматематику [Текст] / С.К. Клини. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 528 с.

7. *Кученкова, А.В.* Стратегия применения логико-комбинаторных методов в процедурах типологического анализа [Текст] / А.В. Кученкова, Г.Г. Татарова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2013. – № 36. – С. 7–35.

8. *Толстова, Ю.Н.* Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? [Текст] / Ю.Н. Толстова // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 59–69.

9. *Толстова, Ю.Н.* Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками [Текст] / Ю.Н. Толстова. – М.: Научный мир, 2000. – 352 с.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN SCIENCES

УДК 159.99
ББК 88.53

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Р.А. Абдурахманов

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы общеобразовательных учреждений в контексте психологической культуры, дается определение психологической культуры, на конкретных примерах из жизни современной школы показывается, как низкая психологическая культура создает проблемы в пяти сферах общения: интернет-общение учеников; реальное общение учеников в школе; интернет-общение родителей учеников; общение родителей и учителей; общение самих учителей и воспитателей. Показывается негативное влияние интернета и телевидения на психологическую культуру поведения школьников и их родителей в предконфликтных и конфликтных ситуациях. Рассматриваются также проблемы психологической культуры психосексуального просвещения школьников в семье и в школе.

В статье также приведены эмпирические данные опроса учителей школ об их отношении к новым федеральным образовательным стандартам, о тех проблемах, на решение которых педагоги направляют свои усилия, и о тех средствах, к которым чаще всего прибегают педагоги для преодоления возникающих проблем, предлагаются формы психологической помощи, способствующие повышению психологической культуры педагогов.

Ключевые слова: культура, психологическая культура, взаимоотношения, ученики, учителя, воспитатели, родители учеников.

PSYCHOLOGICAL CULTURE AS TOPICAL ISSUE OF RUSSIAN SECONDARY MODERN SCHOOLS

R.A. Abdurakhmanov

Abstract. The paper presents analysis of topical issues of educational institutions in the context of psychological culture. The author gives the definition of psychological culture, exemplifies low psychological culture problems in secondary modern school children provoke problems in five spheres of communication: Internet communication of pupils; real communication of pupils at school; Internet communication of parents of pupils; communication of parents and teachers; communication of teachers and educators. Negative influence of the Internet and television on psychological culture and behavior of school students and their parents in pre-conflict and conflict situations is shown. Psychological culture of psychosexual education at school and in family is also considered.

The paper gives empirical data on teachers' poll related to their attitude towards the new Russian federal educational standards, to the problems teachers direct maximum efforts and the means of their overcoming. The authors suggests the forms of psychological assistance promoting increase of psychological culture of teachers.

Keywords: culture, psychological culture, relationship, pupils, teachers, educators, parents of pupils.

На протяжении длительного времени основное внимание исследователей было сосредоточено на повышении психологической компетентности [1]. При этом культура реализации компетентности оставалась вне предмета исследования. Современные преобразования в различных сферах образования [6] подразумевают и по-

вышение психологической культуры участников образовательного процесса.

Психологическую культуру целесообразно рассматривать как составляющую общей культуры общества и человека, а уровень развития культуры общества как показатель цивилизационного раз-

вития. Ведь не все измеряется экономическими показателями.

Под психологической культурой в дальнейшем будет пониматься совокупность этических и психологических норм, норм этикета, обеспечивающих комфортное взаимодействие и сосуществование людей в различных социальных группах и ситуациях. Основная функция этих норм – побуждение человека к овладению психологическими знаниями и применение их для достижения жизненных целей с учетом интересов или во имя интересов других людей.

Так, нейролингвистическое программирование можно использовать, не нарушая этических, психологических норм и интересов другого человека, применять его во благо психологической помощи либо использовать для повышения эффективности манипулятивного воздействия в корыстных целях.

Инновационное развитие общества может стать опасным без повышения общей и психологической культуры его членов. Например, такое достижение цивилизации, как интернет, может, в одних случаях, способствовать расширению кругозора человека, а в других – снижать круг общения, ограничивать круг интересов компьютерными играми «online». Такие игры школьников нередко заканчиваются далеко за полночь, они не высыпаются, снижается успеваемость. Кроме того, содержание некоторых сайтов говорит не только о низкой психологической культуре его авторов, но и о недостаточных мерах по правовому регулированию такого культурного пространства, как интернет.

Анализ отношений учеников в некоторых классах школы показывает, что социальные сети могут использоваться для «травли» отдельных учеников, при этом отношения в школе могут внешне выглядеть относительно нормальными. Если при этом школьник, ставший мишенью для издевательств в интернете, утаивает информацию от родителей, учителей, психологов, то создается опасная ситуация с точки зрения суицидального риска. К сожалению, общение школьников в интернете нередко сопровождается нецензурной бранью и обменом информацией далеко не детского содержания. На сотовые телефоны из интернета скачиваются видеоролики порнографического содержания и демонстрируются одноклассникам, через интернет просматриваются и телепередачи для взрослых.

В школах нередко запрещают пользоваться сотовыми телефонами и «планшетами» на переменах, чтобы дети действительно отдохали и не портили себе зрение. Но массовости явления становится все труднее противостоять, школьники находят места вне контроля учителей и воспитате-

лей. В последнее время наблюдается увеличение популярности съемок одноклассников в ситуациях, когда они выглядят смешными и беспомощными. Затем это выкладывается в YouTube и над роликом смеется уже вся школа и весь мир.

К сожалению, недостаточную психологическую культуру пользования интернетом демонстрируют и некоторые родители школьников. В социальных сетях они, нередко, активно обсуждают учителей, оскорбляют и высмеивают их. В некоторых семьях свидетелями этой переписки становятся дети, а через них – весь класс. Для повышения психологической культуры пользования интернетом нужны совместные усилия государства, гражданского общества, семьи и общеобразовательных организаций.

Так называемое киберпространство, с одной стороны, облегчает контроль образовательных ведомств и родителей за успеваемостью учеников, а с другой – значительно увеличивает нагрузку учителей по заполнению электронных журналов успеваемости, по электронному оформлению результатов контрольных и различных опросов. Фактически в образовательной среде наблюдается увеличение документооборота, как в бумажной, так и в электронной форме. К этому нужно добавить регулярно сменяющие друг друга образовательные стандарты и соответствующую переделку большого объема учебно-методических материалов в электронной форме. К сожалению, 82 % опрошенных педагогов негативно относятся к последним нововведениям в виде новых федеральных образовательных стандартов (ФГОСы). При этом 88 % педагогов считают, что ФГОСы создают лишь дополнительную нагрузку, когда время тратится на оформление новых документов, отвлекая преподавателей от качественной подготовки к занятиям и лишая их возможности профессионального самосовершенствования. Кроме того, 73 % педагогов считают, что компетенции недостаточно учитывают требования, которые предъявляются к выпускникам школ в современных условиях. Подобное отношение педагогов к данным нововведениям не будет способствовать мобилизации творческих сил педагогов.

Опрос 44 педагогов общеобразовательных школ показал, что чаще всего педагоги направляют свои усилия на решение следующих проблем:

- 1) оптимизация бумажного и электронного документооборота (100 % опрошенных);
- 2) сокращение дефицита времени (95 % опрошенных);
- 3) восстановление физической формы (75 % опрошенных);

4) лечение соматических заболеваний (68 % опрошенных);

5) повышение профессиональной компетентности (51% опрошенных);

6) решение семейных проблем (44 % опрошенных);

7) решение конфликтных ситуаций в общении с администрацией, с другими преподавателями, с учениками, с родителями учеников (36 % опрошенных).

Как видно из опроса, электронная перегрузка занимает первое место в рейтинге актуальных проблем учителей и снижает возможности их культурного и профессионального роста.

Несомненным инновационным достижением цивилизации является телевидение. Анализ содержания телетрансляций показывает, что большинство из них не способствуют повышению как общей, так и психологической культуры общества. Скрытая и открытая пропаганда насилия, решение психологических проблем с помощью кулаков и оружия примитивизируют диапазон решения конфликтных ситуаций в жизни (например, недавняя стрельба в одной из московских школ). Видимо, наступил момент, когда должен ставиться вопрос о законодательном и общественном контроле содержания телепередач, их психологической экспертизе.

Инновационные изменения в сфере образования в виде ЕГЭ, с одной стороны, снизили коррупционную составляющую в вузах, расширили возможности для поступления в ведущие вузы страны выпускников школ из глубинки, а с другой стороны – снизили статус предметов, не входящих в ЕГЭ, но составляющих основу общей и психологической культуры, ограничили бюджет времени на введение таких факультативных предметов, как этика и психология семейной жизни, психологическая культура отношений в организации, основы конфликтологии. В результате выпускники школ много знают про математику, физику и другие профильные предметы, но не умеют строить отношения в трудовых коллективах, в семье, с представителями противоположного пола.

Нередко можно услышать, что школьники говорят: «А мне мама (папа) говорит: “дай сдачи!”» И вместо того, чтобы постараться найти способы дофизического урегулирования трудных ситуаций общения, школьники машут руками, затем начинают давать сдачи те, кого они обидели – и круг замыкается, становится порочным. Затем в конфликт включаются и родители. Школьникам и их родителям порой не хватает психологической культуры доконфликтного решения трудных ситуаций взаимодействия. Немало родителей позво-

ляют себе обсуждение учителей в присутствии своих детей. Это не способствует уважительному отношению ученика к педагогу. Наоборот, родители должны повышать авторитет педагогов, а возникающие проблемы решать совместно с ними. К тому же то, что видит учитель, не видит родитель, а то, что знает родитель, порой не знает учитель. Например, в одной из московских школ, четвероклассниками готовилась «темная» для девочки, которая не боялась открыто говорить о проблемах класса. Мама одного из мальчиков случайно услышала разговор сына с другом и предупредила маму девочки, а та, в свою очередь, классного руководителя и психолога школы.

К сожалению, известны случаи, когда активная помощь кого-либо из родителей классному руководителю незаметно перерастает в стремление подменить классного руководителя в решении каких-либо вопросов. В итоге страдает и общеклассное дело, и ребенок, ощущающий возросшее влияние своего родителя и считающий некоторые указания классного руководителя необязательными для себя.

Психологическая культура родителей должна проявляться и в понимании того, что полученная от ребенка информация может диаметрально отличаться от реального положения дел. Так, например, в одном из классов мама, не скрывая своего гнева, обратилась к психологу с просьбой повлиять на ученика, сломавшего новую дорогую игрушку ее ребенка. В ходе изучения ситуации выяснилось, что мальчик обманул маму: игрушку сломал его друг, но для того, чтобы мама не звонила маме друга (они поддерживают тесные отношения), он свалил все на нового ученика. Когда мама узнала правду, то была уже возмущена обманом своего сына, т. к. считала, что у них с сыном сложились доверительные отношения.

С точки зрения психологической культуры является неприемлемым и выяснение отношений родителя одного ребенка с другим ребенком. О возникших претензиях можно сообщить классному руководителю, воспитателю или психологу, либо в неконфликтной манере обсудить возникшую ситуацию с родителем другого ребенка, но не отчитывать чужого ребенка.

Одной из проблем современной школы является использование учениками нецензурных слов. Образцом для подражания нередко являются родители, герои фильмов и Интернета. Если можно так выразиться, «мат» молодеет. Без взаимодействия с родителями и без неустанной психолого-педагогической деятельности педагогического коллектива школы эту проблему решить невозможно, т. к. проблема не только школьная, но и

общегосударственная. Позитивную роль в повышении культуры общества играет недавно введенное законодательное ограничение нецензурных выражений в СМИ.

Еще одной проблемой, которая требует повышения психологической культуры как педагогов, так и родителей учеников, является более ранний, по сравнению с прежними временами, интерес к сексуальным вопросам. Так, один первоклассник советовал своему другу набрать в поисковике интернета словосочетание «голые тетки» и посмотреть результаты. Второклассники другой школы пытались незаметно выйти за территорию школы, чтобы посетить «стриптиз-клуб». При этом возрастающая сексуализация сознания школьников сопровождается уклонением от обсуждения возникающих у них вопросов, как в школе, так и в семье. Общеизвестен случай, когда родители угрожали подать в суд на преподавателя биологии, который пытался в корректной форме ответить на возникшие у школьников вопросы. Очевидно, что обсуждение сексуальных вопросов в семье возможно только тогда, когда между родителями и ребенком сложились доверительные отношения. К тому же родители должны соблюдать ряд психологических правил:

1) сначала выяснить, где ребенок услышал то или иное слово, информацию. А то получится как в известном анекдоте, когда ребенок спрашивает маму, что такое «о борт», а мама слышит «аборт» и начинает ему про это рассказывать;

2) при объяснении того или иного слова необходимо учитывать возраст ребенка. Известно, что младшие школьники не интересуются подробностями и их вполне устраивают общие фразы. Например, на вопрос «Что такое секс?» первоклассника вполне устроит ответ: «Это близкие отношения между мужчиной и женщиной, которые любят друг друга»;

3) какая бы информация не исходила от взрослых – обобщенная или конкретная – она должна быть правдивой. В противном случае ребенка могут высмеять более сведущие одноклассники, и он потеряет доверие к родителям.

Одним из институтов не только деструктивного просвещения, но и ранних сексуальных отношений, являются, к сожалению, лагеря для школьников. Особенно часто это наблюдается в лагерях, где отдыхают ученики разных возрастов. Поэтому актуальным является вопрос психологической, педагогической и правовой подготовки тех, кого раньше называли пионервожатыми. Ведь они несут не только нравственную, но и правовую

ответственность за детей. Известен случай, когда «влюбившаяся» в вожатого девочка-подросток, не получив взаимности, обвинила его в сексуальных домогательствах.

Думается, что повышению психологической и сексуальной культуры школьников способствовало бы обязательное изучение «Этики и психологии семейных отношений» с соответствующим для каждого возраста содержанием. Доверительный диалог с учителем с акцентом на значимость чувства любви и ценности семьи, способствовал бы формированию гармоничной, культурной и ответственной личности.

Учитель и воспитатель – это центральные фигуры современной школы. Это те люди, благодаря которым формируется будущее страны. К сожалению, нередким явлением в школе становится кричащий учитель или кричащий воспитатель. Очевидно, что есть моменты, когда нужно предотвратить опасную ситуацию, но нередко крик на детей становится нормой поведения учителя или воспитателя. Возможно, у них недостаточно средств воспитательного воздействия, ведь даже «двойка» в некоторых школах рассматривается руководством как недопустимое явление. Но опыт лучших учителей, воспитателей и классных руководителей показывает, что чаще всего речь идет о недостатке психологической культуры. Общеизвестным является тот факт, что приучение детей к повышенному тону голоса приводит к тому, что они не обращают на него никакого внимания, и учитель вынужден еще больше повышать тон.

Вызывает также вопрос тот факт, что подавляющее большинство педагогов говорят ученикам «ты», но требуют, чтобы им говорили «вы». Может быть, пора восстановить равноправие и перейти на уважительное «Вы»? (Кстати, в английском языке уже давно не используется местоимение «ты».)

Учителя и воспитатели школ должны отдавать себе отчет в том, что их слова должны подкрепляться личным примером. И если они не здороваются со своими коллегами или неуважительно с ними разговаривают, то ученики начинают брать с них пример. Особенно неприемлемыми с точки зрения психологической культуры является выяснение отношений между педагогами или «разнос» со стороны руководства в присутствии хотя бы одного ученика. Об этом немедленно будет знать вся школа.

Психологическая культура педагога подразумевает и его умение отслеживать свое психиче-

ское состояние, своевременно восстанавливать свои психические ресурсы.

Как показывают наши исследования (N=44, педагоги-женщины) чаще всего педагоги прибегают к следующим средствам для преодоления возникающих проблем:

- 1) поддержка семьи (86 % опрошенных);
- 2) поддержка подруг (друзей) (78 % опрошенных);
- 3) активный отдых (65 % опрошенных);
- 4) пассивный отдых (54 % опрошенных);
- 5) смена деятельности (47 % опрошенных);
- 6) посещение культурных мероприятий (45% опрошенных);
- 7) физические упражнения (31 % опрошенных);
- 8) информация в интернете (25 % опрошенных);
- 9) общение с детьми и внуками (20 % опрошенных);
- 10) «общение» с домашними животными (17 % опрошенных).

Нарастание несоответствия между возрастающими требованиями к деятельности педагога и имеющимися у него ресурсами нередко приводит к истощению психических ресурсов или профессиональной деформации личности (ПДЛ) педагога. В качестве форм психологической помощи, способствующих повышению психологической культуры педагогов целесообразно рассматривать:

- информирование педагогов о возможности формирования психического выгорания и ПДЛ, о факторах, этому способствующих;
- активизация рефлексии педагогов, самоанализа ими своих действий и поведения в процессе педагогической деятельности и вне ее;
- обеспечение получения педагогами обратной связи о качестве и особенностях своей деятельности от учеников и коллег;
- обучение педагогов методам саморегуляции и саморелаксации;
- обучение педагогов эффективным приемам современного тайм-менеджмента;
- обучение педагогов приемам неконфликтного общения в трудных ситуациях взаимодействия.

Таким образом, повышение психологической культуры руководителей образовательных организаций, педагогов и воспитателей школ, будущих педагогов [2;5], родителей учеников, самих учеников и будущих учеников [4], культуры применения методов психолого-педагогического исследования [3] является актуальной задачей современного психолого-педагогического обеспечения образовательного процесса.

Библиографический список

1. *Абдурахманов, Р.А.* История психологии: идеи, концепции, направления [Текст]: 2-е издание, стереотипное / Р.А. Абдурахманов. – М.: МПСИ, 2008. – 326 с.
2. *Абдурахманов, Р.А.* Индивидуально-психологические особенности студентов, самоактуализирующихся в процессе обучения в вузе [Текст] / Р.А. Абдурахманов, Э.Н. Плышевская // Вестник Российского нового университета. – 2012. – № 1. – С. 43–53.
3. *Азарнов, Н.Н.* Методология, методика и технология педагогического исследования [Текст] / Н.Н. Азарнов, В.П. Давыдов, В.И. Пустовалов. – М., 1997. – 220 с.
4. *Дорошенко, О.В.* Формирование коммуникативной компетентности у дошкольников [Текст] / О.В. Дорошенко // Наука, религия и искусство в психологическом познании человека: сб. материалов Сергиево-Посадской сессии научной школы профессора В.С. Агапова / под ред. В.С. Агапова, Д.П. Сидоренко и Н.Н. Шенцевой. – Сергиев Посад, 2014. – С. 131–134.
5. *Кулешова, Л.Н.* Развитие личности в процессе компетентностного подхода в профессиональном образовании [Текст] / Л.Н. Кулешова // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – 2010. – № 3. – С. 110–130.
6. *Юдина, Е.И.* Тенденции и противоречия обновления современного образования [Текст] / Е.И. Юдина // Вестник Российского нового университета. – 2011. – № 1. – С. 177–180.

УДК 376
ББК 74.3

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ ОБ ЭМОЦИЯХ

С.А. Беседина

Аннотация. По данным научных исследований, нарушения зрения в детском возрасте могут оказывать негативное влияние на эмоциональное развитие детей. В наименьшей степени заболевания органов зрения воздействуют на формирование моральных чувств, в наибольшей – на развитие интеллектуальных и эстетических чувств. У детей с амблиопией и косоглазием имеются нечеткие, малодифференцированные представления об эмоциях, они испытывают трудности в установлении связи между позой и мимикой, в передаче собственных эмоций. Лица детей с глубокими нарушениями зрения отличаются амимичностью: выразительные движения, сопровождающие состояние горя, радости, гнева проявляются у них в ослабленном виде. Таким образом, необходима специальная коррекционно-развивающая работа, направленная на обучение дошкольников с нарушениями зрения понимать выразительные движения лица и тела, словесно обозначать эмоциональные состояния человека, выражать собственные эмоции адекватным способом. В статье описываются этапы и результаты психолого-педагогического эксперимента, организованного на базе детского сада для детей с функциональными нарушениями зрения в г. Волжском с целью формирования представлений об основных эмоциях: радость, печаль, гнев, страх, удивление.

Ключевые слова: функциональные нарушения зрения, старшие дошкольники, эмоции, психолого-педагогический эксперимент, тренинговые занятия.

THE FORMATION AND CONCEPTUALIZATION OF EMOTIONS IN NURSERY CHILDREN WITH FUNCTIONAL VISION IMPAIRMENTS

S.A. Besedina

Abstract. According to scientific researches, vision impairments at children's age can have negative impact on emotional development of children. To the least extent, vision impairments influence the formation of moral feelings, to the greatest degree, intellectual and aesthetic feelings. Children with ambliopia and heterotopia have indistinct concepts of emotions, they experience difficulties in establishing connection between posture and facial gesture as well as in communication of their own emotions to others. Children with considerable vision impairments have weakened type of facial movements accompanying a condition grief, pleasures, anger, etc. Thus, it is necessary to organize special correctional and developing work aimed at teaching preschoolers with visual impairments to understand the expressive movements of the face and body, verbally indicate the emotional state of the person, to express their emotions in an adequate way, to express own emotions adequately. The article states stages and results of the psychological and pedagogical experiment organized on the basis of a preschool establishment for children with functional infringements of vision in the city of Volgzhsky having as an objective the formation of concepts of the basic emotions: pleasure, grief, anger, fear, surprise.

Keywords: vision impairments, older preschoolers, emotions, psychological and pedagogical experiment, trainings.

По данным научных исследований, эмоции и чувства человека, являясь отражением его реальных отношений к значимым для него объектам и субъектам, не могут не меняться под влиянием нарушений зрения [3]. Наименьшее влияние нарушение зрения оказывает на развитие моральных чувств, наибольшее – на развитие интеллектуальных и эстетических чувств. У слабовидящих сужаются сферы чувственного познания, многие объекты не могут быть восприняты и оценены ими адекватно, и соответственно, не вызывают интереса и эмоционального отклика [3, с. 184]. Именно поэтому у слепых, особенно дошкольников, часто наблюдается отсутствие любознатель-

ности [1, с. 317]. Сравнительное исследование восприятия, понимания и оценки эмоциональных состояний у дошкольников с амблиопией и косоглазием, проведенное Г.В. Григорьевой, показало, что у детей имеются нечеткие, малодифференцированные представления об эмоциях, они испытывают трудности в установлении связи между позой и мимикой, в передаче собственных эмоций. У детей с глубокими нарушениями зрения выразительные движения, сопровождающие различные эмоциональные состояния, проявляются в ослабленном виде. Исключение составляют только оборонительные движения, сопровождающие переживания страха [1, с. 322]. Необходима специаль-

ная коррекционно-развивающая работа, направленная на обучение дошкольников умению понимать выразительные движения лица и тела, словесно обозначать эмоциональные состояния человека, выражать эмоции адекватным способом.

В 2014–2015 учебном году на базе МКБДОУ № 92 «Черемушка» в г. Волжском Волгоградской области проводился психолого-педагогический эксперимент по формированию у старших дошкольников адекватных представлений об эмоциях. В ходе экспериментальной работы ставились следующие задачи: подобрать диагностический материал для изучения понимания и словесного обозначения детьми с функциональными нарушениями зрения основных эмоций человека по выражению лица; разработать подгрупповые занятия для формирования адекватных представлений об эмоциях человека у детей старшего дошкольного возраста; выявить «проблемные» зоны в развитии эмоциональной сферы детей для последующей коррекционной работы.

Исследование проходило в три этапа. В констатирующей части эксперимента изучались особенности представлений эмоций у старших дошкольников до проведения формирующих занятий; выявлялись сферы жизни детей, вызывающие у них негативные переживания; на этапе формирования эмоциональных представлений проводились коррекционно-развивающие занятия в подгруппах численностью 5–6 человек; на контрольном этапе измерялась эффективность проведенных занятий. Всего в эксперименте приняли участие 42 ребенка в возрасте 5–7 лет с различными нарушениями зрения (амблиопия, косоглазие, миопия, гиперметропия, ангиопатия сетчатки, астигматизм и др.). Мальчиков и девочек было поровну.

Для решения диагностических задач на констатирующем этапе эксперимента использовалась диагностическая методика Н. Семаго, М. Семаго «Эмоциональные лица» [2, с. 311–321]. Процедура исследования на констатирующем этапе эксперимента состояла из четырех частей. В первой части исследования ребенку предъявлялись фотографические изображения эмоциональных состояний, соответствующие его полу. Детям предлагалось определить настроение мальчика или девочки, изображенных на фотографии.

Вторая часть исследования заключалась в предъявлении детям схематических изображений тех же эмоций (радость, гнев, печаль, грусть, страх, удивление). В третьей части констатирующего исследования дошкольники находили для фотографических изображений эмоций соответствующие им схематические изображения, т. е. со-

относили их между собой. Четвертая часть исследования была проективной. Каждому ребенку предлагалось придумать рассказ, историю по какому-либо из предъявляемых ранее реальных изображений. Для этого реальные изображения раскладывались в том же порядке (слева – направо), как они проводились в первой части констатирующего обследования. Психолог обращался к ребенку со следующей инструкцией: «*Посмотри снова на эти картинки. Выбери одну из них, которая тебе больше нравится, и попробуй придумать рассказ о том, что могло вызвать такое настроение мальчика (девочки), почему он это чувствует*». Если ребенку было трудно сразу выполнить это задание, ему задавались наводящие вопросы: «*Вспомни, когда у тебя было такое настроение и почему? Что его вызвало?*». Данный этап исследования проводился для того, чтобы выявить «проблемные» зоны в развитии эмоциональной сферы детей для последующей индивидуальной коррекционной работы.

Все выборы детей анализировались по следующим параметрам:

- адекватность (правильность) оценки эмоционального состояния;
- согласование или рассогласование эмоциональной адекватности/ в условиях предъявлений фотографий и/или схематических изображений;
- адекватность владения словарем эмоций;
- инертность, застревание или гибкость в восприятии эмоциональных состояний;
- выявление «конфликтных» зон, связанных с эмоциональным неблагополучием.

После проведения опроса все дети были разделены на две подгруппы – контрольную и экспериментальную. Основанием деления стала посещаемость детьми детского сада в предшествующий эксперименту период. В контрольную группу вошли дети, часто пропускавшие детский сад из-за болезни или по иным причинам. По окончании формирующего этапа эксперимента было проведено контрольное обследование детей как экспериментальной, так и контрольной групп. На данном этапе исследования также использовалась методика «Эмоциональные лица» с той лишь разницей, что детям предъявлялись другие фотографии с изображением эмоций, а также не проводилась проективная часть исследования.

На констатирующем этапе эксперимента были получены следующие результаты. В обеих группах *при предъявлении фотографий* дети реже всего ошибались в оценке следующих эмоций: радость, гнев, удивление. Больше всего ошибок было сделано в определении эмоций «страх» (42 % правильных ответов – контрольная группа)

и «грусть» (47,8 % правильных ответов – экспериментальная группа). При предъявлении **схематических изображений** эмоций дети реже всего ошибались при оценке эмоций «радость» (100 % правильных ответов – контрольная группа, 95,7 % – экспериментальная группа), «грусть» (84,2 % правильных ответов – контрольная группа, 73,9 % – экспериментальная группа), «гнев» (82,6 % – экспериментальная группа), удивление (68,4 % – контрольная группа). Хуже всего дети экспериментальной группы справились с оценкой эмоции «удивление» (39,1 % правильных ответов), а в контрольной группе – с оценкой эмоции «страх» (21,1 % правильных ответов). В целом дети обеих групп лучше распознавали схематические изобра-

жения эмоций «радость» и «грусть» по сравнению с их фотографическими изображениями. Эмоции «удивление», «страх» и «гнев» в обеих группах лучше распознавались по фотографиям, чем по контурным изображениям. Качественный анализ ответов детей позволил прийти к выводу о том, что в обеих группах для обозначения основных эмоций дошкольники допускали неточные формулировки, чаще всего для обозначения эмоций «страх», «гнев», «удивление».

В проективной части исследования полученные данные обрабатывались без учета деления детей на экспериментальную и контрольную группы. Подсчитав общее количество выборов, мы получили следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты проективной части констатирующего этапа эксперимента

№ п/п	Название эмоции	Количество детей, выбравших фотографию с определенной эмоцией
1	радость	17
2	грусть	10
3	гнев	4
4	страх	4
5	удивление	7

Чаще всего дети выбирали фотографию с изображением радости. При этом они давали следующие объяснения возможным причинам появления радости у ребенка, изображенного на фотографии: «разрешили одному гулять», «забил первый раз гол», «что-то случилось, разбилось», «на улице очень красиво, гуляет один, может пойти куда хочет», «велосипед подарили на день рождения», «ему сделали что-то доброе», «его пустили на улицу», «ему что-то подарили», «солнцу радуется», «везде красивое», «мама с работы пришла», «редкая птичка, он ее увидел и обрадовался», «у кого-нибудь день рождения».

Дети, выбравшие **фотографию-грусть**, давали следующие объяснения возможным причинам появления грусти у ребенка, изображенного на фотографии: «мама поругала за разбитое стекло», «мама поругала, потому что плохо занималась», «мама поедет в Москву», «папа куда-то уехал, может, на Украину», «папа с мамой ругаются, они не вместе», «не хочется рано вставать», «мама бросила в детском доме, она ее не любила», «проиграл в игры брату, брат не дает поиграть на компьютере», «родители оставили дома одну, а сами уехали на похороны», «кто-то обещал, но не сделал», «девочка в садике, хочет к маме».

Дети, выбравшие **фотографию-страх**, давали следующие объяснения возможным причинам появления страха у ребенка, изображенного на фотографии: «боится паука», «боится оставить-

ся один дома», «любимый друг упал с машинки», «кто-то напугал», «боится жука, большого и толстого», «испугалась, что в дом кто-то стучится, бабайка».

Дети, выбравшие **фотографию-гнев**, давали следующие объяснения возможным причинам появления гнева у ребенка, изображенного на фотографии: «мальчик забрал у него Мишку», «братик капризничает и мешает утром спать», «ему помешали», «неправильно нарисовал», «может, обидели на улице кто-нибудь, другой мальчик».

Дети, выбравшие **фотографию-удивление**, давали следующие объяснения возможным причинам появления удивления у ребенка, изображенного на фотографии: «впереди как будто бы слон», «папа готовит сюрприз», «салют увидел», «Ого, какой я взрослый! Подрос и удивился», «что-то увидел», «удивился подаркам», «играет с чем-то интересным, что-то интересное придумал», «мальчик становится маленьким доктором, играет».

После обобщения результатов, полученных на констатирующем этапе исследования, были уточнены задачи формирующего этапа эксперимента:

- 1) сформировать адекватные представления об основных эмоциях человека по мимике лица у детей с функциональными нарушениями зрения;
- 2) скорректировать и расширить словарь эмоций детей;

3) обучить старших дошкольников способам регулирования негативных эмоций (грусть, гнев, страх).

Для решения данных задач использовалась сказкотерапевтическая коррекционно-развивающая игра Т. Зинкевич-Евстигнеевой и Н. Даниловой «Остров Детства» [4]. Игра разработана авторами для детей от 4 до 11 лет по принципу игры с правилами. В игровой комплект входят карта, игральный кубик, фишки на каждого игрока и методические рекомендации для ведущего игры. Ведущим на протяжении всей игры является взрослый, который может также кроме этой роли, роли ведущего, исполнять и роль рядового игрока. Игра имеет следующий сказочный сюжет: Острову Детства, на котором живут феи (всего их 12), угрожает опасность: его хочет погубить Король Страх. Миссия игроков – помешать планам короля и помочь спасти Остров. Попадая с помощью кубика на клетки карты, игроки выполняют различные задания и проходят сказочные испытания. На основе сказочного сюжета и заданий, описанных в рекомендациях к игре, были разработаны занятия, которые проводились с детьми в тренинговой форме. Игральный кубик с фишками не использовался, ведущий использовал карту в качестве наглядной опоры, путеводаителя в сказочном путешествии. Так как детский сад располагает сенсорным оборудованием, было также решено использовать его во время занятий.

Занятия проводились с пятью подгруппам детей с периодичностью один раз в неделю. Всего было проведено по 8–9 занятий с каждой подгруппой. Каждое занятие имело определенную структуру: ритуал вхождения в сказку, путешест-

вие по сказке (отрабатывалось основное содержание), ритуал выхода из сказки и «возвращения» в детский сад.

На протяжении всех занятий использовались разнообразные приемы формирования представлений об эмоциях: дети получали задание по словесному описанию эмоционального состояния сказочного героя определить его настроение; рассказывали о том, что приносит им радость; обозначали эмоции различными цветами; в ролевых этюдах изображали персонажей в разном настроении; сравнивали «эмоциональные» портреты героев; составляли коллаж эмоций; определяли эмоцию по видимой половине лица; собирали разрезанные на части «эмоциональные» портреты; играли в чувствительные игры (например, «Кто печальный?») и др. Для развития эмоциональной саморегуляции использовались дыхательные упражнения («выдохни запах злости»), парные игры («страхны страх» с помощью кисточки), упражнения по принципу нервно-мышечной релаксации Джекобсона (напрягаем – расслабляем кулаки).

По окончании формирующего этапа эксперимента было проведено контрольное обследование детей как экспериментальной, так и контрольной групп. Были получены следующие результаты. Дети экспериментальной группы стали лучше распознавать как фотографические, так и схематические изображения эмоций по сравнению с констатирующим этапом эксперимента (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента по экспериментальной группе

№ п/п	Название эмоции	Прирост правильных ответов при оценке эмоций, %	
		Фотографическое изображение	Схематическое изображение
1	радость	13.1	4.3
2	страх	21.1	30.4
3	гнев	-13	8.7
4	грусть	39.1	17.4
5	удивление	4.4	52.2

Исключение составила эмоция «гнев» в фотографическом предъявлении. Наиболее вероятная причина заключается в характере изображения данного эмоционального состояния, что вызывало

трудности для детей с нарушением зрения в его адекватной оценке. На фотографии была изображена девочка, сжавшая руку в кулак. При этом кулак поднесен близко к лицу. На просьбу экспе-

риментатора пояснить, что ребенок видит на фотографии, дети часто давали следующее объяснение: «Девочка подпирает рукой лицо» и интерпретировали данное эмоциональное состояние как «скука» или не могли дать вообще никакого объяснения.

Дети контрольной группы в целом также стали лучше разбираться в оценке эмоциональных состояний по мимике лица, хотя с ними и не проводились специальные формирующие занятия (см. табл. 3).

Таблица 3

Сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента по контрольной группе

№ п/п	Название эмоции	Прирост правильных ответов при оценке эмоций, %	
		Фотографическое изображение	Схематическое изображение
1	радость	3.4	- 7.1
2	страх	0.9	21.8
3	гнев	-48.2	29.7
4	грусть	6.8	-12.8
5	удивление	8.7	3.0

Однако их результаты оказались хуже по сравнению с результатами экспериментальной группы. Дети из экспериментальной группы реже

ошибались в оценке эмоциональных состояний по сравнению с детьми из контрольной группы (см. диаграммы 1, 2).

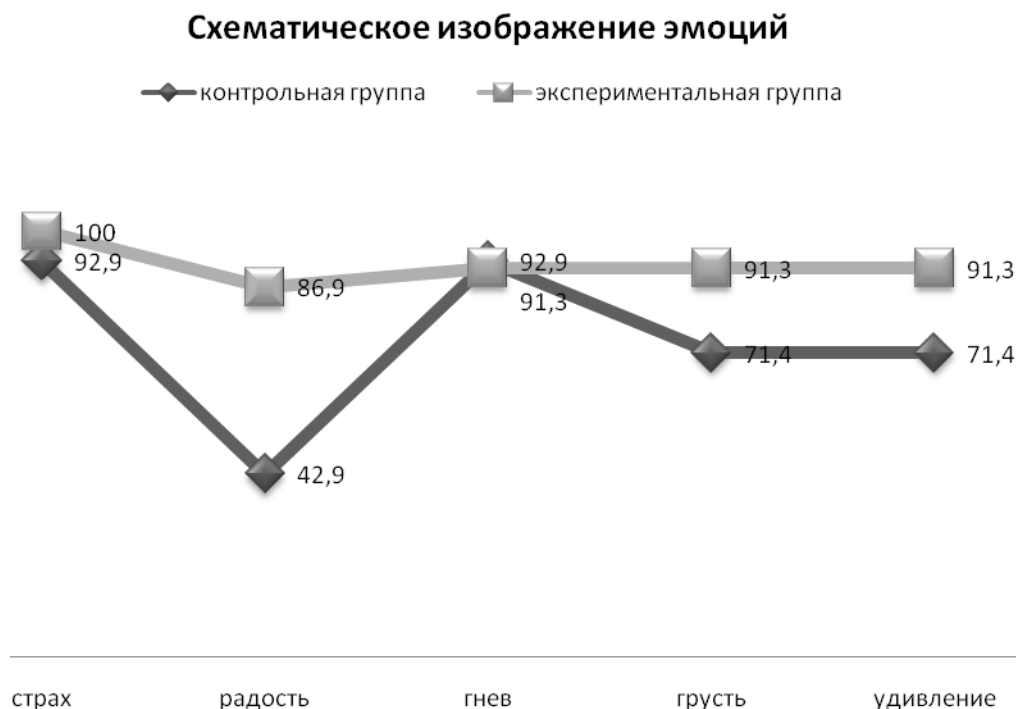


Диаграмма 1. Сравнительные результаты контрольной и экспериментальной групп на контрольном этапе эксперимента

Схематическое изображение эмоций

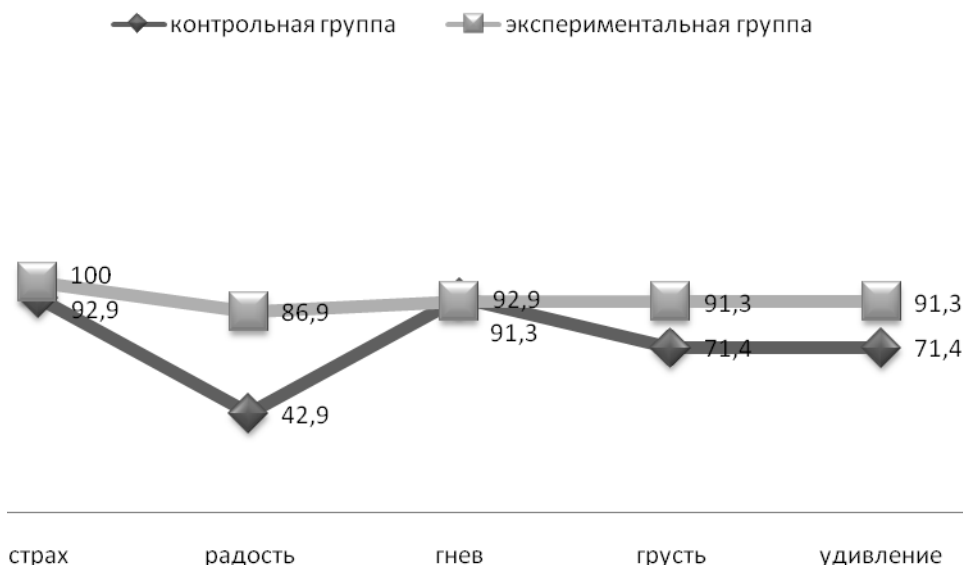


Диаграмма 2. Сравнительные результаты контрольной и экспериментальной групп на контрольном этапе эксперимента

Задание на поиск соответствия фотографических и схематических изображений эмоций не вызвало затруднений у 19 из 23 детей экспериментальной группы. Четверо детей (17,4 %) к фотографиям с изображением эмоции «страх» и «удивление» подобрали не соответствующие им схематические изображения эмоций. В то время как в контрольной группе 28,6 % детей ошибались в данном задании.

После коррекционно-развивающих занятий у детей экспериментальной группы обогатился словарь эмоций, дошкольники стали более корректно и дифференцированно использовать слова для обозначения эмоциональных состояний человека. Так, например, вместо слова «злитое», «ворчливое» (настроение) для обозначения эмоции «гнев» мальчик стал употреблять слово «злится». Вместо слова «познавательное» для обозначения эмоции «удивление» девочка стала применять слово «удивленное». А для обозначения эмоции страха вместо слова «страшное» в детском словаре эмоций появилось слово «испуганное». Для обозначения радостного настроения к определениям «хорошее», «смешное», «улыбается», «веселое» добавилось слово «радостное».

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводу о том, что специально организованные занятия способствовали решению тех кор-

рекционно-развивающих задач, которые были поставлены в формирующей части эксперимента. Также в ходе эксперимента у некоторых детей были выявлены источники внутреннего напряжения, связанные с переживанием негативных эмоций, что позволит в дальнейшем в индивидуальной работе повысить эффективность оказываемой им психологической помощи.

Библиографический список

1. Литвак, А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений [Текст] / А.Г. Литвак. – СПб.: Каро, 2006. – 336 с.
2. Семаго, Н.Я. Теория и практика оценки психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст [Текст] / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго. – СПб.: Речь, 2006. – 384 с.
3. Солнцева, Л.И. Психология детей с нарушениями зрения (детская тифлопсихология) [Текст] / Л.И. Солнцева. – М.: Классикс Стиль, 2006. – 256 с.
4. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Развивающая психологическая игра «Остров детства» [Текст] / Т. Зинкевич-Евстигнеева, Н. Данилова. – СПб.: Речь, 2007.

УДК 159.9.072.43.
ББК 88.5

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

А.И. Комарова, О.А. Долгополова

Аннотация. В статье анализируются количественные и качественные характеристики эмоционального интеллекта у представителей различных этнических групп (русские, калмыки и китайцы), в рекомендательной форме показаны компоненты эмоционального интеллекта, которые им необходимо развивать. Выявлена иерархия ценностей, свойственная русским, калмыкам и китайцам, показана значимость ценностей, выражающих интересы индивида (русские); группы (китайцы); и индивида, и группы (калмыки). В статье, помимо анализа теоретических подходов к изучению культурно-психологических особенностей эмоционального интеллекта и ценностей, представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи ценностей и эмоционального интеллекта в различных этнических группах. Показано, что для различных этнических групп характерны как общие, так и специфические особенности этой взаимосвязи.

Ключевые слова: культура, русские, калмыки, китайцы, ценности, ценности индивидуального уровня, индивидуализм, коллективизм, вертикальность, горизонтальность, эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект, межличностный эмоциональный интеллект.

INTERCONNECTION OF VALUES AND EMOTIONAL INTELLIGENCE: CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES

A.I. Komarova, O.A. Dolgoplova

Abstract. This paper analyzes the quantitative and qualitative characteristics of emotional intelligence among representatives of different ethnic groups (the Russians, the Kalmyks and the Chinese), recommends the components of emotional intelligence necessary to be developed. The hierarchy of values inherent in the Russians, Chinese and Kalmyks as well as the importance of values, expressing the interests of the individual (Russians), group (the Chinese), and both individual and group (Kalmyks) are revealed in the paper. In addition the author presents theoretical approaches to the study of cultural and psychological characteristics of emotional intelligence and values, the results of empirical research of the relationship of values and emotional intelligence in different ethnic groups. It has been proved that different ethnic groups are characterized by both general and specific features of this relationship.

Keywords: culture, the Russians, the Kalmyks, the Chinese, values, individual level values, individualism, collectivism, verticality, horizontality, emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence, interpersonal emotional intelligence.

Специфику культуры того или иного народа легче узнать через изучение национальных и культурных различий в процессе общения и взаимодействия с представителями как своей, так и другой культуры. «...Мы бездумно полагаем, что то, что является верным для нашей культуры, так же верно и для любой другой. На самом деле существуют огромные различия между разными культурами» [1, с. 17].

Одной из первых отечественных теорий культуры, в которой большая роль отводится субъективным состояниям, установкам и ценностям человека или группы людей, а отношение к этническим и культурным ценностям обусловлено вызванными ими эмоциональными переживаниями, является теория Г.Г. Шпета [33, с. 275]. Ученый подчеркивал, что культура остается неизменной даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение,

политические и структурные аспекты социальной ситуации человека.

В отечественной психологии культуру как явление общественной жизни рассматривали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и др.

Л.С. Выготский, основоположник культурно-исторического направления, считал, что личность развивается через освоение ею ценностей культуры, которое опосредовано процессом общения [7, с. 5]. Изучая поведение, ученый впервые обратился к системе культурных знаков, вставив в диаду «сознание-поведение» ключевое звено – культуру. Эта триада сегодня выглядит так: «сознание-культура-поведение».

Основания культурно-исторического подхода, в которых культура осознается и изучается как ведущая линия духовного развития человека, как образующая личности,

сформулированы в трудах А.Р. Лурия. Одним из главных тезисов его концепции является утверждение о влиянии языка на мышление, доказательством чего являются результаты, свидетельствующие о том, что различные системы письма (иероглифическое и фонетическое) вовлекают в процесс их употребления различные зоны коры головного мозга, (например, письменность русского и китайского языков основана на различных нейроансамблях мозговых зон) [18, с. 100].

Результаты исследований А.Р. Лурия, которые проводились в рамках кросс-культурной психологии, впервые дали убедительные экспериментальные доказательства преимущественно социально-культурной детерминации психических процессов у человека.

С точки зрения М.М. Бахтина, культура понимается как форма общения человека с собой, с миром в целом, с представителями других культур, в результате чего познаются ценности общества и личности. О культуре можно говорить только тогда, когда есть как минимум две культуры, «...культура есть там, где есть граница культур; культура живет на этой границе, живет этой границей, живет диалогом культур ... Культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже» [3, с. 354]. Впоследствии на принцип диалога, как один из основных во внутренней динамике культуры, указал Д.А. Леонтьев [16, с. 415].

«Культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются» – говорит, указывая на первостепенность коммуникативной природы культуры, Ю.М. Лотман [17, с. 6].

О важности проблемы взаимопонимания в процессе взаимодействия культур свидетельствует В.М. Пивоев, подчеркивая, вслед за М. Бубером, что в «диалоге помимо обмена ценностной информацией... каждая сторона пытается понять себя через другого, причем желание быть услышанным важнее, чем необходимость правильно понять другого» [24, с. 108].

С точки зрения Н.М. Лебедевой, стиль взаимодействия – это культурный образец, отражающий этническую картину мира. Н.М. Лебедева, развивая идеи У. Гудикунста об опосредованности того или иного вербального стиля типом культуры, пришла к умозаключению, что если в индивидуалистических культурах главной целью является поддержание собственного «лица», то в коллективистских в равной степени требуется поддержание как «лица» говорящего, так и слушающего [14, с. 210].

Как систему «правил игры» или «социальных конвенций» коллективного существования и взаимодействия людей, как мотивацию и формы поведения и взаимодействия людей между собой определяет культуру А.Я. Флиер [30, с. 154]. Одной из основных функций культуры является передача следующим поколениям социального опыта совместного существования людей, и, соответственно, результата культурных процессов – выработку и внедрение социальных ценностей и идеалов. С точки зрения ученого, именно культура задает то, что связано с задачами удовлетворения людьми своих интеллектуальных, эмоциональных, властно-распорядительных и иных социальных притязаний (ценности, типы нормативного поведения, этические принципы и др.).

Таким образом, культура – это основной регулятор деятельности людей, инструмент воздействия на других и на себя, она видоизменяет природу в соответствии с целями человека. Культура является неотъемлемой частью индивида, при этом существует вне его.

Проанализировав исследовательские подходы к изучению культуры, мы отводим особое место ценностному подходу, основываясь на котором можно сопоставить этносы с позиций доминирующих, приоритетных и устойчивых ценностей в их культуре. Как наиболее эффективный подход к анализу ценностей, мы определяем подход Ш. Шварца, который разработал методики для изучения и анализа ценностей на уровне личности (изучение индивидуальных различий) и на уровне культур (изучение различий в социальных культурах). Если в первом случае единицей анализа выступает личность, то во втором – социальные группы. Ш. Шварц считает, что если вопрос касается того, как индивидуальные различия в ценностных приоритетах связаны с вариациями других индивидуальных качеств, то должны использоваться измерения ценностей на уровне личности (даже если в исследовании принимают участие индивиды из разных культурных групп).

В концепции Ш. Шварца выделяются 10 мотивационных типов, которые образуются с помощью ценностей личности: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Благожелательность, Традиция, Конформность, Безопасность. Эти блоки имеют ведущую мотивационную цель, определяют направленность конкретных действий индивида и его жизненную активность, определяют стратегию поведения. Автором предложена типология противоречий между ценностями: ценности Сохранения (Безопасность, Конформность, Традиция)

противоречат ценностям Открытости изменениям (Стимуляция, Самостоятельность). Здесь имеет место оппозиция между ценностью автономии взглядов и действий индивидов и ценностью сохранения традиций. В свою очередь, ценности Самопреодоления (Универсализм, Благожелательность) противоречат ценностям Самоутверждения (Власть, Достижение, Гедонизм), то есть имеет место оппозиция между заботой о благе других и стремлением к доминированию над другими [37, с. 260].

Ш. Шварц и В. Билски предложили еще одно основание для деления ценностей индивидуального уровня:

- ценности, выражающие интересы индивида (мотивационные блоки Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность);
- ценности, выражающие интересы группы (мотивационные блоки Благожелательность, Традиция, Конформность);
- ценности, выражающие как индивидуальные интересы, так и групповые интересы (мотивационные блоки Универсализм, Безопасность).

Несмотря на универсальность ценностей индивидуального уровня, Ш. Шварц отмечает, что культура обуславливает степень их относительной выраженности у большинства индивидов того или иного общества.

Нам представляется, что культуры стран со сходными «культурными измерениями» должны иметь свои специфические отличия, проявляющиеся в использовании разных моделей взаимодействия, преобладании различных систем ценностей.

На связь ценностей с эмоциональной сферой человека указывает Ф.Е. Василюк, который считает, что «ценность – это не эмоция, но она обладает способностью вызывать ту или иную эмоцию, при этом сама по себе она не обладает побудительной энергией... источник ценности – внутренний, она переживается как рождающаяся изнутри» [6, с. 98]. Ценности стабильны, устойчивы и надситуативны, они являются механизмом личностного роста, саморазвития и самосовершенствования в процессе своего развития.

По словам Ф.Е. Василюка, ценность не сводится ни к норме, ни к установке, «это единственная мера сопоставления мотивов», «ценности приобретают качества реально действующих мотивов и источников осмысленности бытия, ведущие к росту и совершенствованию личности в процессе собственного последовательного развития» [6, с. 125].

В своем исследовании мы исходили из того, что эмоции подвергаются «культурному давлению», а ценности способны вызывать те или иные эмоции и побуждать к определенным действиям, а отношение к этническим и культурным ценностям обусловлено вызванными ими эмоциональными переживаниями. Существует культурная специфика в эмоциональной экспрессии, в восприятии эмоций, в точности распознавания эмоций, в оценке их интенсивности и т. д. В большей степени подвержены влиянию культуры и межкультурным различиям эмоции, направленные на других, чем эгоцентрические эмоции.

Исследования ценностей, осуществленные Н.М. Лебедевой с сотрудниками в рамках исследовательского подхода Ш. Шварца, представили для нас особый интерес, поскольку были проведены на российской и китайской выборках.

Б.С. Братусь, исследуя процессы коммуникации в различных культурах, развивает взгляды ученого С. Тинг-Томи и анализирует понятие «лицо», предполагая, что одно из основных требований индивидуалистической культуры – поддержание соответствия между «я» публичным («лицом») и «я» частным, которое не зависит от социального контекста, в то время как в коллективистских культурах «я» формируется в процессе активного социального взаимодействия и определяется социальным контекстом отношений [4, с. 57].

Успешность понимания эмоций участников общения зависит от многих факторов, среди которых – возрастные, гендерные, личностные характеристики, культурная принадлежность участников процесса взаимодействия (11, с. 38; 26, с. 374 и т.д.). Трудности, которые при этом возникают, часто связаны с непониманием эмоций, которые демонстрируют окружающие, с потерей контроля над своими эмоциями и эмоциями других людей, с непониманием информации, которая поступает к человеку, то есть с низким уровнем развития «эмоционального интеллекта».

Эмоциональный интеллект, в рамках подхода Р. Гарднера, Р.Дж. Стернберга и др., является одним из компонентов более широкого понятия «социальный интеллект». Впервые два разнонаправленных проявления социального интеллекта, которые впоследствии стали использоваться в конструкте «эмоциональный интеллект» для обозначения его структурных компонентов, были сформулированы Г. Гарднером. Ученый, реализовывая теорию множественных интеллектов, выделил музыкальный, духовный, лингвистический, пространственный, логико-математический, телесно-кинестетический, личностный («интраперсональный»), или внутрличностный, и «интер-

персональный», или межличностный) виды интеллекта [цит. по: 31, с. 22].

Р. Дж. Стернберг указывает на то, что понятия «эмоциональный» и «социальный интеллект» связывают интеллект и личность. Он считает понятие «социальный интеллект» более широким и включающим в себя аспекты, связанные с эмоциональным регулированием деятельности. Ученый уделяет внимание успешной адаптации к окружающему миру, самостоятельному контролю над условиями окружающей среды, в первую очередь, над теми, которые способствуют достижению цели.

Внутриличностный и межличностный виды интеллекта являются социальными и личностными по содержанию и проявлению:

- внутриличностный интеллект связан со способностью индивидуума понимать себя, свои желания и возможности, на анализе которых выстраивается дальнейшее поведение. Этот вид интеллекта требует знания своих сильных и слабых сторон, осознания желаний и мыслей;
- межличностный интеллект отражает способность различать и адекватно реагировать на настроение, темперамент, мотивацию и желания других людей.

Изучение эмоционального интеллекта основывается на положениях культурно-исторического подхода о единстве «аффекта» и «интеллекта» и принципах системного анализа. Методологические основы, направленные на преодоление разрыва мышления от эмоциональной сферы, заложены еще в исследованиях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева.

Одна из предпосылок повышенного внимания к эмоциональному интеллекту уходит корнями в гуманистическую психологию, к примеру, в теорию самоактуализации А. Маслоу, в рамках которой были инициированы фундаментальные исследования личности, объединяющие когнитивные и аффективные стороны человеческой природы.

На значимость эмоций в сфере межличностных оценок и взаимной регуляции поведения указывал Р. Клиннерт, согласно взглядам которого человек для осмысления происходящего использует эмоциональную информацию от значимых других [36, с. 60].

На основании анализа моделей эмоционального интеллекта можно сделать вывод, что эмоциональный интеллект рассматривается как устойчивая ментальная способность, как подструктура социального интеллекта, включающая способности восприятия собственных эмоций и эмо-

ций других людей, их дифференциацию и использование полученной информации для управления мышлением и поведением [10]. Эмоциональный интеллект характеризует внутренний мир личности и его связь с поведением.

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, согласно которой эмоциональный интеллект определяется как «способность к пониманию своих чувств и чужих эмоций и управлению ими» [19, с. 5]. В рамках данного подхода рассматриваются шкалы эмоционального интеллекта – внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций в целом и управление эмоциями в целом, кроме которых выделяются понимание своих и чужих эмоций, управление своими и чужими эмоциями, контроль экспрессии.

При этом понимание эмоций других людей и управление ими определяется как «межличностный эмоциональный интеллект», а понимание собственных эмоций и управление ими как «внутриличностный эмоциональный интеллект».

Высокий интерес к обозначенной проблеме обусловлен выделением в структуре эмоционального интеллекта ряда способностей социально-коммуникативной направленности: социальные навыки, осознание социальных взаимодействий (Д. Гоулман), способность к перцептивно-интерпретативному распознаванию эмоций в межличностном контексте (Дж. Майер, П. Салоуэй, Д. Карузо).

Высокий эмоциональный интеллект, информация об иерархии ценностей индивидуально-уровня представителей этнических групп – участников процесса взаимодействия – помогают минимизировать взаимное непонимание, позволяют усилить позитивное влияние на совместную деятельность и результаты переговорного процесса.

Как нами указывалось ранее, возможность использования конструкта «эмоциональный интеллект» сегодня доказана в различных областях психологического знания как одно из основных условий принятия управленческих решений (Д. Канеман), как показатель управленческой деятельности (А.С. Петровская, А.В. Карпов, И.А. Егоров), как индикатор аффективных расстройств (И.В. Плужников), как базовая составляющая программы подготовки педагогов (М.А. Манойлова) и развития одаренности детей (В.С. Юркевич, А.И. Савенков, Е.А. Валуева), как необходимое условие реализации копинг-стратегии (О.А. Гулевич, А.И. Прихидько), как средство диагностики родительской компетентности (Н.Д. Михеева), как фактор формирования ценности семейно-брачных

отношений в молодежной среде (С.В. Мерзлякова) и др. Не вызывает сомнений возможность использования тренинга как средства развития эмоционального интеллекта (И.Н. Андреева, Т.В. Березовская, С.П. Деревянко, О.В. Лунева, И.Г. Степанов и др.) [10, с. 9].

Пристальное внимание к изучению эмоционального интеллекта обусловлено его опосредованностью ценностями индивидуального уровня и культурно-психологическими особенностями, а также той ролью, которая ему отводится в успешной адаптации человека в ситуациях межкультурного взаимодействия и решения кросскультурных проблем в политике, бизнесе и т. д. В связи с расширением международных контактов остро стоит вопрос о необходимости разработки программ социально-психологических тренингов, направленных на развитие эмоционального интеллекта с учетом его особенностей у представителей различных этнических групп.

Учеными давно установлено, что уровень эмоциональности и ее интенсивность определяются многими факторами, одним из основных является принадлежность к той или иной культуре. Эмоции – это комплекс «принятых в обществе сценариев поведения», которые определяются спецификой физиологических, поведенческих, субъективных компонентов, которые возникают в процессе адаптации к культурным нормам.

Сторонник социально-культурного подхода к исследованию эмоций Ч. Кемпер отмечает, что именно культура определяет подходящие для той или иной ситуации чувства и налагает санкции за выражение иных чувств, эмоции подвержены «культурному давлению» и регулированию со стороны культуры [35, с. 80].

Многими авторами в различных подходах к исследованию эмоций отмечается, что в оценке эмоций существует больше культурного сходства, чем различий, особенно выражена эта тенденция в отношении примитивных параметров, в отношении же сложных параметров культурные различия выражены более существенно [94, с. 289].

Д. Мацумото отмечает, что в зависимости от ряда факторов (культурные различия, различия в социальных нормах, личностные предубеждения, обусловленные социальным познанием, когнитивные особенности, связанные с эмоциональной оценкой событий и т.д.) восприятие эмоций может быть как универсальным, так и обладать культурной спецификой [26, с. 296].

Многочисленные кросскультурные исследования эмоций свидетельствуют о существовании ряда культурных различий в эмоциональной экс-

прессии (например, американцы более экспрессивны, чем канадцы; в рамках японских норм не приветствуется проявление отрицательных эмоций в присутствии людей, японцы не замечают их проявления у окружающих; американцы и японцы по-разному воспринимают значение улыбки в опознании эмоций в целом (европейцы точнее, чем представители азиатских стран, распознают отрицательные эмоции), в точности распознавания эмоций (американцы успешнее дифференцируют оттенки отрицательных эмоций, чем японцы), в оценке интенсивности эмоций (американцы, по сравнению с японцами, оценивают проявления эмоций как более интенсивные), в интерпретации жестов и т.д.

Для нашего исследования представляют интерес результаты, свидетельствующие о несовпадении интенсивности проявления эмоции и внутренних переживаний: например, американцы более высоко оценивают интенсивность внешнего проявления эмоций, а японцы более высоко, чем американцы, оценивают интенсивность внутренних переживаний, т. е. с их точки зрения, обусловленной влиянием культурных норм, более значительными являются настоящие переживания, а не демонстрируемые.

На то, что эмоции подвергаются регулирующему влиянию культуры, указывал также Я. Рейковский, утверждавший, что эмоции, направленные на других, в большей степени, чем эгоцентрические эмоции, подвержены влиянию культуры, они характеризуются более значительными межкультурными различиями [27, с. 177].

Одним из направлений современного изучения эмоций является выявление степени влияния на существование культурных различий в проявлениях эмоций такого важнейшего культурного конструкта, как «индивидуализм-коллективизм».

В современных кросскультурных исследованиях особое распространение получила модель голландского ученого Г. Хофстеде, в рамках которой одну культуру от другой отличают пять «культурных измерений»: индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, мужественность – женственность, краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее. Однако нам представляется, что культуры стран со сходными параметрами «культурных измерений» также имеют свои специфические отличия, проявляющиеся в использовании разных моделей взаимодействия [34], влиянии культурных ценностей, доминировании различных видов эмоций.

В данной статье представлены результаты исследования по одному из измерений Г. Хофстеде –

«индивидуализм – коллективизм». «Коллективистские» общества характеризуются преобладанием групповых интересов над индивидуальными, наличием крепких связей между индивидуумами, стремлением группы защищать своих членов в различных ситуациях угрозы. На значимость данного конструкта указывают исследования Г. Триандиса, он обуславливает нормы восприятия эмоций и основу коммуникации в различных культурах [28, с. 43].

Для различных культур характерны свои специфические особенности в соотношении шкал «коллективизм / индивидуализм» и «горизонтальность / вертикальность».

Фактор вертикальности – это ориентация на иерархию, которой придается максимальная значимость независимо от того, по-индивидуалистически или по-коллективистски человек будет решать свои проблемы в своем обществе. В свою очередь, фактор горизонтальности – это ориентация на равенство людей, на самостоятельное решение своих проблем, без перекладывания ответственности на окружение.

В горизонтальном коллективизме акцент делается на единство и взаимозависимость, все члены группы равны между собой, интересы группы находятся выше личных интересов. В вертикальном коллективизме индивиды рассматриваются как члены внутренних групп, в которых имеются свои иерархические отношения. Самоопределение индивида зависит от занимаемого места в иерархии.

В горизонтальном индивидуализме, с одной стороны, каждая личность уникальна, а с другой – все члены группы равны между собой. Индивиды входят в различные группы и состоят в них по собственному желанию. В вертикальном индивидуализме личности автономны, конкурируют между собой. В таких обществах существует социальное неравенство, разделение на «своих» и «чужих», при этом среди «своих», в малой группе, люди относятся друг к другу по-индивидуалистически.

Г. Триандис разработал модель связи культуры и общения, основное положение которой заключается в том, что культура влияет на процесс общения не прямо, а косвенно – через факторы ситуации общения (ценности, нормы, роли, социальные когнитивные и аффективные процессы и т.д.), которые и обуславливают процессы коммуникации.

То, что эмоции являются важной движущей силой индивидуального и коллективного поведения, подчеркивал также Дж. Барбалет [цит. по: 23, с. 3]. Исследователь считает эмоции, с одной сто-

роны, «результатом социальных процессов», с другой – причиной социальных процессов, объясняющей причины социального поведения. Представителям коллективистических стран, в сравнении с индивидуалистическими, свойственно более яркое проявление эмоций и более успешное дифференцирование эмоциональных состояний, более пристальное внимание к контексту, проявляющееся в стремлении передавать все оттенки возникающих между людьми чувств.

Среди ученых, исследовавших взаимовлияние культуры и эмоций, был автор системы культурных дилемм Ф. Тромпенаарс, одна из предложенных дилемм которого называется «аффективность / нейтральность», предписывающая проявление эмоций, регулирующая их проявления в зависимости от контекста [29, с. 498].

Мы считаем, что в «коллективистических» культурах, по сравнению с «индивидуалистическими», для успешной коммуникации необходимо более глубокое понимание эмоционального состояния окружающих.

Опираясь на проведенный аналитический обзор литературы и предлагаемый нами теоретический подход, мы предполагаем, что существуют различия во взаимосвязи ценностей индивидуального уровня и проявлений компонентов эмоционального интеллекта у представителей различных этнических групп.

В связи с тем, что базовые ценности формируются к двадцатилетнему возрасту и могут меняться только под влиянием различных кризисов и перемен в жизни, для исследования были выбраны студенты – представители культур с предположительно разными ценностными приоритетами (русские, калмыки, китайцы).

Объект нашего исследования – студенты в возрасте 20–22 года (203 русских, 62 калмыка, 62 китайца). Для китайских студентов опросники были переведены на китайский язык с последующей проверкой, которая осуществлялась путем обратного перевода.

Нами были использованы следующие диагностические методики:

1. Опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина – направлен на оценку степени выраженности компонентов следующих шкал: «внутриличностный эмоциональный интеллект», «межличностный эмоциональный интеллект», «понимание эмоций в целом» и «управление эмоциями в целом».

2. Тест Дж. Гилфорда «Социальный интеллект» – направлен на оценку уровня развития социального интеллекта (интегрального фактора познания поведения) и его компонентов.

3. *Опросник Ш. Шварца для изучения ценностей личности на индивидуальном уровне* – направлен на оценку ценностей личности на индивидуальном уровне. Ш. Шварц разработал методики для изучения и анализа ценностей на уровне личности (изучение индивидуальных различий) и на уровне культур (изучение различий в социальных культурах).

4. *Шкала культурного контекста В.И. Чиркова* – направлена на оценку культурного контекста «горизонтальность / вертикальность» и «индивидуализм / коллективизм».

При обработке полученных результатов использовался пакет SPSS 13.0 и программа Excel.

1. Статистическая обработка выявила различия в эмоциональном интеллекте по следующим показателям:

- существуют сходство и различия качественных и количественных характеристик эмоционального интеллекта представителей этнических групп, обусловленные культурной спецификой: показатели и внутриличностного, и межличностного эмоционального интеллекта выше в группе русских;

- при равных количественных показателях внутриличностного эмоционального интеллекта, выявлены качественные отличия за счет различного вклада его составляющих (у калмыков преобладает «понимание эмоций», у китайцев – «управление эмоциями»). Нам представляется, что выявленная особенность обусловлена требованием китайской культуры подавлять свои эмоциональные проявления, концепцией сохранения лица.

2. Западная (индивидуалистическая) культура оказывает влияние на представителей коллективистических культур (русские, калмыки, китайцы), у представителей которых выявляются как коллективистические, так и индивидуалистические черты. При наличии сходных ценностных трендов (преобладание индивидуальных ценностей над групповыми), выявлена их культурная специфика:

- высокая значимость ценностей, выражающих интересы индивида: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность (русские);

- высокая значимость ценностей, выражающих как интересы индивида (Гедонизм), так и интересы группы: Благожелательность, Традиция, Конформность, ценность-оппозиция – Сохранение (калмыки);

- высокая значимость ценностей, выражающих интересы группы: Благожелательность,

Универсализм, Традиция, Конформность (китайцы).

3. Определены общие и специфические особенности иерархии ценностей, свойственные представителям исследуемых этнических групп: при наличии сходных ценностных трендов (преобладание индивидуальных ценностей над групповыми) выявлена их культурная специфика, заключающаяся в преобладании ценностей Достижение, Гедонизм, Благожелательность, Самостоятельность, Власть (русские), Универсализм, Традиция (китайцы), Гедонизм, Конформность, Традиция, ценность-оппозиция – Сохранение (калмыки).

4. Преобладающим культурным контекстом во всех исследуемых группах является «горизонтальность», при этом в одном случае преобладают проявления «горизонтального индивидуализма» (русские, калмыки), в другом – «горизонтального коллективизма» (китайцы).

5. Для всей выборки в целом в наибольшей степени с эмоциональным интеллектом и его компонентами связана ценность Благожелательность.

6. Характер взаимосвязи ценностей индивидуального уровня, культурного контекста и компонентов эмоционального интеллекта имеет специфику в зависимости от принадлежности к этнической группе:

- существует взаимосвязь эмоционального интеллекта с ценностями, выражающими как интересы группы, так и интересы индивида и с культурным контекстом «вертикальный индивидуализм» (русские);

- существует взаимосвязь эмоционального интеллекта с ценностями, выражающими только интересы индивида и с культурным контекстом «вертикальный индивидуализм» и «горизонтальный коллективизм» (калмыки);

- существует взаимосвязь эмоционального интеллекта с ценностями, выражающими только интересы группы и с культурным контекстом «горизонтальный индивидуализм» (китайцы). Выявленные различия объясняются особенностями культурного влияния, характерными для исследуемых этнических групп.

6. Общим для русских и китайцев является наличие положительных связей ценностей Благожелательность и Конформность с управлением эмоциями; ценность Конформность в обеих группах связана с компонентами межличностного эмоционального интеллекта. Культурная специфика этих связей состоит в том, что у русских данная ценность связана с «управлением чужими эмоциями», а у китайцев – с «пониманием чужих эмоций». Ценность Благожелательность в обеих

группах положительно связана с управлением эмоциями, при этом у русских речь идет об «управлении эмоциями в целом», а у китайцев – об «управлении чужими эмоциями». Положительная связь ценности Конформность с компонентами «понимание эмоций в целом» и «понимание чужих эмоций» подтверждает особый характер межличностных отношений китайцев: с одной стороны, налицо важность внутригрупповой гармонии, избегания конфликтов и сохранения группы, с другой – трудности понимания эмоций членов этой группы.

7. У русских и калмыков общим является наличие связей между ценностью Гедонизм и компонентами внутриличностного эмоционального интеллекта: выявлена положительная связь с «пониманием своих эмоций» (русские), отрицательная связь с «управлением своими эмоциями» (калмыки). Полученные результаты в этнической группе «русские» можно объяснить тем, что они четко осознают свои потребности и вызываемые ими эмоции, в то время как у калмыков приоритет удовольствия и наслаждения приводит к снижению способности «управлять своими эмоциями», что соответствует характеристике калмыцкой этнической группы, для которой характерны максимализм, стремление к славе, желание быть первым любой ценой, концентрация своего внимания исключительно на положительных сторонах жизни. Положительная связь между Гедонизмом и «управлением чужими эмоциями» в русской группе и отрицательная связь между Гедонизмом и «управлением своими эмоциями» в группе калмыков свидетельствует о наличии межкультурных различий в проявлениях эмоционального интеллекта и его составляющих.

8. Как было отмечено выше, показатели ценности Власть у русских и у китайцев на значимом уровне преобладают над показателями этой ценности у калмыков. Предпочтение ценности Власть может, согласно взглядам Ш. Шварца, привести к нарушению социальной гармонии – выявлена положительная связь ценности Власть с «пониманием эмоций в целом», и отрицательная связь ценности Стимуляция с «пониманием эмоций других людей» (калмыки). Очевидно, что достижение высокого социального статуса, престижа и влияния на других людей невозможно без понимания как своих эмоций, так и эмоций других людей. Впрочем, для состязательности в жизни, необходимой для поддержания оптимального уровня активности, в меньшей степени необходимо «понимание чужих эмоций».

Таким образом, калмыки больше, чем русские и китайцы, ориентированы на социальную гармонию, при этом для реализации лидерской роли и состязательности им необходима способность к пониманию как своих, так и чужих эмоций.

Сравнительный анализ результатов калмыцких и китайских студентов свидетельствует об отсутствии идентичных связей ценностей с эмоциональным интеллектом и его компонентами в этих этнических группах. Если у китайцев выявлено сходство с русскими студентами, то калмыков характеризует наличие культурно-специфических связей ценностей с компонентами эмоционального интеллекта.

Если для русских «вертикальный индивидуализм» положительно связан с внутриличностным эмоциональным интеллектом и его компонентами, то для калмыков – с межличностным эмоциональным интеллектом и его компонентами. Таким образом, русским необходимо, в первую очередь, контролировать свою экспрессию и развивать внутриличностный эмоциональный интеллект, а калмыкам – понимать эмоции других людей и развивать межличностный эмоциональный интеллект.

В группе китайских студентов шкала культурного контекста «горизонтальный индивидуализм» положительно связана с компонентом эмоционального интеллекта «понимание чужих эмоций». Как было отмечено выше, китайцы, с одной стороны, скрывают проявления своих эмоций, с другой – современным китайцам свойственны черты индивидуализма, для них характерны эмоциональность, впечатлительность, при этом иногда могут возникать трудности в определении эмоций собеседника. Данные черты китайцев ставят у них значимость способности к «пониманию чужих эмоций» на первое место [10, с. 176].

Результаты, полученные в исследовании, расширяют наши представления о «психологических портретах» русских, калмыков и китайцев, знание которых дает возможность более грамотно выстраивать взаимоотношения с представителями этнических групп в ситуации переговоров [10, с. 165]. Использование выявленных феноменов может быть востребовано в сфере бизнеса, в процедурах оценки кадров. Незнание или игнорирование специфических особенностей культуры других народов делает невозможным ведение международного бизнеса и установление интенсивных международных контактов, приводит к столкновению различных культур и межэтническим конфликтам, непонимание эмоционального состояния

партнера может провоцировать слухи и приводить к вспышкам экстремизма.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в ходе исследования взаимосвязи ценностей с компонентами эмоционального интеллекта было выявлено, что для различных этнических групп характерны как общие, так и специфические особенности этой взаимосвязи.

Обозначая дальнейшие перспективы исследования в данном направлении, можно обозначить следующие аспекты: во-первых, модель эмоционального интеллекта должна быть проверена на этнических группах, в которых, предположительно, преобладают другие ценности. Нам представляется актуальным изучить проблему взаимосвязи ценностей индивидуального уровня и компонентов эмоционального интеллекта в различных контекстах – в сфере государственного управления, высшего образования, бизнеса, в группах риска и т.д., что позволит сделать окончательное заключение о возможности использования модели эмоционального интеллекта для анализа взаимосвязи ценностей индивидуального уровня и компонентов эмоционального интеллекта, а также для оценки степени универсальности этой модели. Во-вторых, представляется перспективным изучение взаимосвязи других переменных с эмоциональным интеллектом, среди которых – конфессиональная принадлежность, сфера профессиональной деятельности и т.д.

Таким образом, данное исследовательское направление представляется перспективным как с теоретической, так и с практической точек зрения, и требует дальнейшего развития.

Библиографический список

1. *Айзенк, М.* Психология для начинающих [Текст] / М. Айзенк. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
2. *Андреева, И.Н.* Эмоциональный интеллект: исследования феномена [Текст] / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
3. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 412 с.
4. *Братусь, Б.С.* Психология. Нравственность. Культура [Текст] / Б.С. Братусь. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 96 с.
5. *Бубер, М.* Я и Ты. Два образа веры [Текст] / М. Бубер. – М.: АСТ, 1999. – 175 с.
6. *Василюк, Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) [Текст] / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
7. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений [Текст] / Л. С. Выготский. – Соч. в 6-и т. – Т. 6 – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
8. *Гоулман, Д.* Эмоциональный интеллект [Текст] / Д. Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ, 2008. – 478 с.
9. *Комарова, А.И.* Социальный и эмоциональный интеллект: кросскультурное исследование [Текст] / А.И. Комарова // Вестник БГУ. Серия Психология. – 2011. – № 5.
10. *Комарова, А.И.* Культурно-психологические особенности взаимосвязи ценностей и эмоционального и интеллекта [Текст]: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / А.И. Комарова. – Волгоград: Б.и., 2011. – 214 с.
11. *Лабунская, В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание [Текст]: учебное пособие для вузов / В.А. Лабунская. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 592 с.
12. *Лебедева, Н.М.* Ценности и отношения к инновациям российских, канадских и китайских студентов [Текст] / Н.М. Лебедева // Психология в экономике и управлении. – 2010. – № 2 (4). – С. 59–67.
13. *Лебедева, Н.М.* Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России. [Текст] / Н.М. Лебедева // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – М.: 2008. – Т. 5. – № 2. – С. 72.
14. *Лебедева, Н.М.* Культура как фактор общественного прогресса [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408 с.
15. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – С. 157.
16. *Леонтьев, Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
17. *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 399 с.
18. *Лурия, А.Р.* Эволюционное введение в психологию [Текст]: материалы к курсу лекций по общей психологии / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 127 с.
19. *Люсин, Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта [Текст]: опрос-

ник ЭМИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

20. Люсин, Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта [Текст]: опросник ЭМИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

21. Марьясова, Н.В. Психологические особенности китайского этноса в иерархии духовных ценностей национальной культуры [Текст] / Н.В. Марьясова // Социальные и гуманитарные науки на дальнем Востоке. – 2008. – № 4 (20). – С. 53–57.

22. Минаев, С. Национальный характер калмыков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Калмыцкого общественного фонда «Национальное достояние» <http://www.nutug.ru/kulitura/minaev7.htm>

23. Николаев, В.Г. Джек Барбалет. Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход [Текст] / В.Г. Николаев // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 2. – С. 3.

24. Пивоев, В.М. Философия культуры [Текст]: учебное пособие / В.М. Пивоев. – СПб.: Изд-во юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2001. – 352 с.

25. Платонов, Ю.П. Психология национального характера [Текст]: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ю.П. Платонов. – М.: Академия, 2007. – 240 с.

26. Психология и культура [Текст] / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.

27. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций [Текст] / Я. Рейковский. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.

28. Триандис, Г.К. Культура и социальное поведение [Текст]: учебное пособие / Г.К. Триандис; пер. В.А. Соснина. – М.: Форум, 2007. – 384 с.

29. Тромпенаарс, Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса

[Текст] / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. – М.: Попурри, 2004. – 528 с.

30. Флиер, А.Я. Этнические ценности [Текст] / А.Я. Флиер // Культурология. XX век: энциклопедия в 2-х т. – Том 2. – М., 1998. – С. 404.

31. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования [Текст] / М.А. Холодная. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

32. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий [Текст] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 2. – С. 37–67.

33. Шнем, Г.Г. Психология социального бытия [Текст] / Г.Г. Шпет. – Воронеж: МОДЭК, 1996. – 492 с.

34. Hofstede, G. Cultural Dimensions. – [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_dimensions.php

35. Kemper, Th.D. An introduction to the sociology of emotions [Text] / Th. D. Kemper // Strongman K.T. International review of studies on emotion. V.1. – Chichester : Wiley, 1991. – P. 180–203. Klinnert, V.D. Emotions as behavior regulators: Social referencing in infancy [Text] / V.D. Klinnert // Emotions. Theory, research and experience: V. 2. – N.Y.: Acad. Press, 1983. – P. 57–86.

36. Klinnert, V.D. Emotions as behavior regulators: Social referencing in infancy [Text] / V.D. Klinnert // Emotions. Theory, research and experience: V. 2. – N.Y.: Acad. Press, 1983. – P. 57–86.

37. Schwartz, S.H. Basic human values: Theory, measurement, and applications [Текст] / S.H. Schwartz // Revue française de sociologie. – 2006. – № 47/4. – P. 249–288.

УДК 159.9.075
ББК 88.4

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА

Ю.В. Завьялова

Аннотация. В современной психологии управления характеристика является одним из основных способов оценки компетенций сотрудника, используется при приеме на работу, переводе с одной должностной позиции на другую, аттестации. Спецификой характеристики, которая дается на борту судна, является ее многоплановость и многофакторность. С этой точки зрения такая характеристика является одновременно как простым, так и квалификационным свидетельством, а также производственным отзывом. Все это порождает ряд трудностей, влияющих на социально-психологическую специфику написания характеристики на борту судна. Для определения основных социально-психологических трудностей, возникающих при написании характеристики, было проведено исследование, в котором приняли участие 60 русскоязычных капитанов и старших механиков морского флота, работающих в соответствующих должностях (не менее трех лет каждый) на судах под российским и иностранными флагами.

Ключевые слова: характеристика, отзыв о работе, рекомендательное письмо, социально-психологические барьеры, персональная оценка членов экипажа, морская психология.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERSONAL ASSESSMENT OF THE SHIP CREW MEMBERS

Yu. V. Zav'yalova

Abstract. In modern psychology of management, the reference or the letter of recommendation is one of the main ways to assess employee's competence used in hiring, job transfer and certification. The particularity of the reference given to the ship crew members is in its diversity and multi-factor character. From this point of view, such a reference is both standard and qualification certificate, as well as a job review. All this raises a number of problems affecting the social and psychological specific reference of the ship crew members. To determine the basic social and psychological difficulties that arise when making the reference or the letter of recommendation, a study has been conducted in which 60 Russian-speaking captains and chief engineers of the Merchant fleet took part. Each respondent has worked in their respective positions (at least for three years) on ships under Russian and foreign flags.

Keywords: Reference or the letter of recommendation, Appraisal form, Scores List, Human description, Letter of Recommendation, Testimonial, Personal Reference, personal assessment of crew members, social and psychological barriers, maritime psychology.

Написание характеристики считается довольно обыденным делом в работе любого руководителя. В данной статье мы рассмотрим проблему заполнения характеристики капитанами и старшими механиками морского флота, учитывая специфику и особенности организации службы. За основу возьмем одну из составляющих системы управления безопасности, существующую в настоящий момент на судах под российским и иностранными флагами, немногим отличающуюся в различных компаниях в части оформления документов для списываемого члена экипажа.

По окончании контракта каждого моряка на борту, а также при собственной смене, капитан и/или старший механик обязаны дать характеристику списываемому (в первом случае)

или всем находящимся на борту членам экипажа. Заполненный бланк подписывается обеими сторонами. Существуют два основных вида судовых характеристик: различные формы-бланки, содержащие перечень компетенций и принятую в компании систему оценок, и изложение в свободной форме своего мнения о работе и человеческих качествах специалиста. Для более полного представления приведем несколько распространенных названий стандартных документов, подразумевающих под своим названием именно характеристику, в ее российском варианте звучания (учитывая, что английский язык является морским рабочим): Appraisal form, Scores List, Letter of Promotion, Human description, Letter of Recommendation, Testimonial, Personal Reference и т.д.

В современной психологии управления характеристика является одним из основных способов оценки компетенций сотрудника, используется при приеме на работу, переводе с одной должностной позиции на другую, аттестации. Следует отметить, что характеристики различаются по виду и содержанию, так как, несмотря на единую цель подобного рода документов – охарактеризовать с профессиональной точки зрения сотрудника, в одном случае это может быть заключение о личностных качествах работника, базирующееся на субъективном мнении руководителя (отзыв), а в другом – оценка служебной, общественной и другой деятельности с тенденцией к объективности (производственный отзыв) [2]. Еще одним классом характеристик является производственное свидетельство, в котором более обоснованы сведения о его опыте, трудовых качествах и профессиональных способностях. В литературе встречается разделение производственных свидетельств на два самостоятельных вида: простое и квалификационное [1]. Простое свидетельство должно содержать информацию о личности работника, виде и продолжительности его занятости. По желанию работника в свидетельство включаются основания прекращения трудовых отношений. Квалификационное свидетельство превосходит простое глубиной служебного описания и содержит дополнительную оценку руководством достижений работника и удовлетворенности его трудом. Однако положенные в основу простого свидетельства фактические данные, краткость комментариев и в целом лаконичность содержания делают его по отношению к развернутому квалификационному свидетельству более объективным.

Спецификой характеристики, которая дается на борту судна, является ее многоплановость и многофакторность. С этой точки зрения, такая характеристика является одновременно как простым, так и квалификационным свидетельством, а также производственным отзывом. Все это порождает ряд трудностей, влияющих на социально-психологическую специфику написания характеристики на борту судна.

Для определения основных социально-психологических трудностей, возникающих при написании характеристики, было проведено исследование, в котором приняли участие шестьдесят русскоязычных капитанов и старших механиков морского флота, работающих в соответствующих должностях (не менее трех лет каждый) на судах, под российским и иностранными флагами. Возраст опрашиваемых от 34 до 59 полных лет.

По признанию 92 % старших офицеров, принявших участие в исследовании, ставшем основанием для данной статьи, большие затруднения вызывает именно написание с чистого листа. Характеристики, выполненные в табличной форме, на унифицированном бланке, намного, с точки зрения старшего командного состава, упрощают задание. Тем более что в большинстве предлагаемых шкал используются числовые значения (например, от 1 до 10 или от «неудовлетворительно» до «превосходно»). Некоторые из них очень наглядны, что привлекает внимание, вызывает определенную симпатию и создает иллюзию легкости определения и оценки профессиональных качеств и личностных особенностей члена экипажа.

Кажущаяся простота подтолкнула некоторых HR-специалистов круизных компаний (морских кадровых агентств) и отделов кадров судоходных компаний высчитывать средний балл общей характеристики человека, что, безусловно, не может быть корректным и объективным результатом. Несколько абсурдно, на наш взгляд, складывать баллы, например, по критериям «Коммуникабельность», «Обслуживание механизмов», «Выполнение эксплуатационных расчетов», «Организация работы подчиненных», «Честность» и «Трезвость».

Важным моментом является и требование учета минимального времени совместной работы. На флоте такой период составляет четыре-шесть недель, в отличие от двух-трех месяцев на берегу, что объясняется, во-первых, продолжительностью самих морских контрактов (три-шесть месяцев), во-вторых, тем, что проявление многих качеств личности и особенностей поведения идет более ускоренно за счет постоянного круглосуточного профессионального и социального контакта, порой вынужденного, смещающегося по времени суток и различного по интенсивности проявления условий деятельности.

Постоянное нахождение в замкнутой системе, влияние колоссального количества внешних факторов (быстрая смена климатических зон, часовых поясов, постоянно изменяющиеся погодные условия, непрерывное влияние шума и вибрации и многие другие) позволяют делать заключение о таких компетенциях (способностях, особенностях) человека, которые в береговых условиях могут не проявляться годами.

Как оказалось, неотъемлемая составляющая работы старших офицеров флота – написание характеристики подчиненным – вызывает определенный дискомфорт или в самом процессе

написания, или в момент вручения таковой. Часть из них (16 %) относятся к этому процессу, как к рутинной работе, не вызывающей, по их словам, никаких особых эмоций. Более половины (76 %) участвовавших в опросе отметили, что наличие возможности просто отправлять характеристику в компанию, без обязательной подписи характеризуемого, позволило бы капитану быть более раскованным в своих комментариях, одновременно с этим признавая, что такие действия не совсем корректны по отношению к членам экипажа.

Постараемся разобраться, что же становится причиной затруднений капитанов и старших механиков при оценке, которую они дают членам экипажа.

Основной дилеммой становится соотношение «хороший специалист – хороший человек», которую, действительно, трудно разрешить, т. к. человека, являющимся единым целым, невозможно «поделить пополам». Большинство опрошенных капитанов и старших механиков (82 %) согласны с тем, что легче смириться с «человеческими недостатками» хорошего специалиста, чем с некомпетентностью «хорошего» человека, приятного в общении. Особые условия деятельности формируют соответствующий подход старшего командного состава к профессиональной компетенции подчиненных.

Учитывается и возможность дальнейшей совместной работы. Присутствует нежелание портить отношения. Многие (64 %) задаются вопросом, стоит ли упоминать о том, что очень ярко характеризует человека, но может вызвать его обиду и непонимание. В этом случае обходятся стандартными фразами в характеристике и определенным самооправданием: «Он же отработал контракт, в целом – без происшествий».

Часть старших офицеров (38 %) считает характеристику ничего не решающим документом, бланком, заполняющемся для проформы. Отсюда нежелание делать «ненужную» работу и поиск всяческих причин для объяснения мнимого непонимания составляющих компетенций, размытых границ числовых оценок того или иного критерия, принципиальная невозможность «оценки человека в баллах». У них же прослеживается и простое проставление «баллов по всем пунктам» без пояснений и комментариев, что ожидаемо при таком внутреннем убеждении. Такое же отношение является и следствием пренебрежения компанией мнением капитана или старшего механика. Становится вполне закономерным возникновение вопроса у старшего офицера о бессмысленности данной процедуры и

выполнение ее в будущем в силу должностования.

Не будем забывать, что оценка члена экипажа капитанами и механиками весьма субъективна. Облечение властью дает возможность переноса личных отношений на служебную почву и не исключает таких проявлений, как месть, кумовство, покровительство, снисхождение, одолжение, самоутверждение и т.д., что может находить отражение и в характеристике, выдаваемой тому или иному специалисту. Старший офицер, попадая в зависимость отношений, дает ожидаемую оценку, а не реальную. Мы очень признательны всем участвовавшим в опросе за честные ответы, т. к. практически все признали (85 %), что при сомнении в проставляемом числовом балле – выше или ниже – решающую роль сыграет личное отношение к этому члену экипажа.

Треть опрошенных (34 %) задается вопросами: «Что обо мне подумают?», «Что будут говорить в компании?» и так далее. Наверное, мнение окружающих не безразлично большинству, но, возможно, не в такой степени, и остальные участвующие в исследовании не посчитали нужным отмечать это.

Характеристика – одна из мер воздействия на нерадивых членов экипажа, т. к. появляется вероятность потери рабочего места и возникновения определенных проблем с будущим трудоустройством. И в то же время рекомендация является хорошей мотивацией для нормальных специалистов, т. к. с положительной характеристикой, котирующейся на рынке Компании, шансы получить желаемую или высокооплачиваемую работу значительно повышаются.

Старшие офицеры, считающие заполнение характеристики важным делом и придерживающиеся такого мнения, напоминают об этом экипажу в течение контракта при каких-либо обстоятельствах с целью воздействия на подчиненных. 62 % придерживаются этой практики иногда, 22 % постоянно и 16 % не делают этого.

При вручении негативной характеристики 60 % испытывают некоторое внутреннее неудобство, 40 % – чувство справедливости. Ни один из опрошенных не отметил такие из предложенных пунктов, как самоутверждение, стыд, злорадство, жалость. Преобладающие положительные составляющие оценочного листа вызывают нейтральное отношение – 30 %, чувство справедливости – 48 %, покровительство – 18 %, надежду – 52 %, чувство заботы – 26 %, возвышенность и одухотворенность – 14 %.

Рекомендация продвижения по служебной лестнице – это своеобразное поручительство за него, за его дальнейшие действия. Задумываются ли капитаны и старшие механики над тем, какую моральную ответственность возлагают на себя, подписывая такие бумаги? Ведь имеют место и случаи рекомендации специалиста на вышестоящую должность с целью избегания дальнейшей совместной работы (такие примеры приводятся даже в морской художественной литературе, Л. Конечкий). Несколько капитанов и старших механиков (28 %) отметили, что не могут отказать, когда подчиненные просят их о рекомендательном письме, т. к. не смогут объяснить свой отказ без подтверждения какими-либо фактами, а собственная интуиция – недостаточный аргумент. 90 % капитанов и стармехов, участвовавших в опросе, дают поручительство за действия рекомендуемого члена экипажа в данный момент, но не несут никакой ответственности за его профессиональные действия в будущем, и лишь 10 % – подтверждают своей рекомендацией, что специалист может выполнять обязанности, соответствующие определенной должности, и берут своеобразную моральную ответственность за будущие действия этого человека.

Капитаны, даже не сомневающиеся в своей оценке, после заполнения характеристики, в 84% случаев испытывают некоторые колебания и определенный дискомфорт в момент заполнения таковой. Замечания и комментарии старпома/стармеха как начальников служб весьма ценны. 52% опрошенных учитывают мнение начальников служб. Иногда капитаны просто записывают их мнения, не добавляя описания своего отношения. Происходит своеобразное подсознательное перекладывание ответственности и самооправдание: они лучше знают, чаще общаются в процессе работы, а мной отмечаются лишь некоторые моменты. Доверяя старшим офицерам и ставя свою подпись, капитан должен осознавать, что берет на себя полную ответственность, чье бы мнение не было изложено на бумаге. Подписывая характеристики и рекомендации, старшие офицеры берут во внимание: количество контрактов в должности – 52 %; свою интуицию – 62 %; личное впечатление, произведенное специалистом и умение организовать работу подчиненных – 74 %; умение взаимодействовать с людьми – 76 %; результаты работы – 84 %; служебное рвение, желание работать – 88 %; попытки выполнять обязанности, соответствующие следующей должности – 92% и стремление учиться,

повышать свой профессиональный уровень – 100 %.

Время передачи характеристики члену экипажа, особенно негативной, большинство из опрошенных старших офицеров (98 %) считают не мало важным. Даже если есть определенное отношение к конкретному члену экипажа, обязанность капитана проявлять максимум дипломатичности для поддержания стабильной социальной атмосферы на борту. В таком случае момент передачи характеристики с изложенным мнением на руки, может вызвать у капитана осознанное ожидание возможной не вполне адекватной реакции со стороны специалиста. Наличие предшествующего подобного опыта и останавливает капитанов от выдачи характеристики заранее. Оптимальным вариантом 82 % старших офицеров считают – один день до прихода в порт, особенно, при массовой смене экипажа.

На вопрос об учете компанией мнения, уже изложенного капитаном или старшим механиком в отношении своих подчиненных в прошлом, 46 % участвовавших в опросе затруднились ответить; в настоящем – 64 % дали ответ «не знаю», что косвенно может подтверждать либо слабую обратную связь «компания – старший офицер», либо полное ее отсутствие. В случае пренебрежения их мнением 57 % готовы начать заполнять характеристики для проформы, остальные в этом случае будут сохранять прежний алгоритм заполнения.

Хотелось бы отметить, что в своих комментариях старшими офицерами было отмечено, что при ответах на предлагаемые вопросы они сами задумались над собственным алгоритмом заполнения характеристик, попытались разложить на составляющие размытые стандартные оценки: «нормальный специалист» и «он работает хорошо». Обратили внимание на учет нюансов, которые ранее сознательно или подсознательно не учитывались или вовсе не замечались. Одной из преследуемых целей при проведении данного исследования было привлечение внимания и формирование более серьезного отношения к одной из компетенций старших офицеров, а именно – к оценке личных и профессиональных качеств членов экипажа с целью наиболее эффективной организации производственной деятельности и установления благоприятного социального климата. Отметим и развивающие моменты для самих старших офицеров в необходимости (обязанности) заполнения характеристики – наблюдательность, внимание, память, анализ (сопоставление),

умение прогнозировать и систематизировать полученные результаты.

Анализ результатов исследования, а также комментарии участвующих в нем специалистов позволяют предложить судходным компаниям и старшим офицерам следующие рекомендации.

Введение личной ответственности старшего командного состава за недостойное поведение и некомпетентность рекомендуемых к продвижению лиц, приведшее к серьезным (в том числе и финансовым) последствиям, позволит снизить процент рекомендаций, выдаваемых без оснований, уверенности или по чьей-либо просьбе. Безусловно, капитан не может отвечать за действия рекомендованного специалиста на протяжении всей профессиональной деятельности, можно ограничить этот пункт продолжительностью 1–2 контрактов в новой должности.

Возвращение продвигаемого специалиста к капитану, дающему рекомендацию. Эту возможность желательно учитывать самим старшим офицерам при заполнении соответствующих пунктов характеристики.

Избегать, по возможности, планирование отправки психологически несовместимых членов экипажа, имеющих предыдущий опыт работы на одном судне, на основании ранее полученных характеристик, объясняющих причины невозможности/нежелания совместной работы.

Должно присутствовать стремление к объективности суждения, т. е. описание и слабых, и сильных черт характера, а также максимального количества граней профессиональной деятельности. При допущении ошибок специалистом можно предполагать возникновение схожих ошибок и в других сферах деятельности, но в то же время нельзя категорически заявлять о невозможности выполнения им тех или иных видов работы. Во всяком случае для таких утверждений необходимо иметь достаточно веские основания.

При планируемом продвижении специалиста, занимающего определенную должность, зачастую представленную в экипаже единично, оценивая его профессиональный уровень и качество работы, необходимо выполнение функции прогнозирования и, соответственно, системного анализа многих составляющих. Таких как, например, способности, отношение к работе, желание учиться и повышать свой профессиональный уровень, проявление интереса, стремление выполнять должностные обязанности специалиста следующего уровня. То есть, при продвижении того или иного

специалиста руководствоваться не количеством отработанного им времени в занимаемой должности, а оценивать его готовность к выполнению функциональных обязанностей.

Не лишним будет узнать и желание самого специалиста: не все стремятся к повышению в должности, т. е. к принятию возрастающей ответственности, предпочитают более низкий, но проверенный и привычный статус.

Очень важно твердо обосновать свое мнение и не испытывать сомнения в собственных действиях по прошествии определенного времени, особенно при повторном запросе заинтересованных сторон (очень частая практика со стороны компаний).

Не следует скрывать низкую оценку профессиональных качеств и халатное отношение к выполняемым обязанностям члена экипажа, имея представление, к каким последствиям, возможно необратимым, это может привести. О многом говорит фраза «Keep under constant Captain's control» («Держать под постоянным контролем капитана»). Коллеги будут благодарны за своевременное предупреждение, а собственное чувство с честью выполненного служебного долга повысит самооценку и позволит чувствовать себя раскованно и свободно по завершению этой процедуры, а также более уверенно в будущем при повторении подобной.

Может облегчить работу предлагаемая и используемая некоторыми старшими офицерами практика – ведение дневника (записей) событий, поступков и высказываний специалистов, касательно того или иного процесса, вызванных этим ощущений и внутренних порывов. К моменту заполнения характеристики такая информация может стать хорошим подспорьем для формирования окончательной оценки и документального ее оформления (т. е. его изложения).

Составление списка вопросов может развернуть и более четко объяснить предлагаемые в стандартной характеристике критерии. Пример: «Решительно ли действовал специалист при возникновении внештатной ситуации?», «Медлителен ли он в исполнении?», «Ему всегда нужны дополнительные инструкции?». Формированию личного мнения и финальной оценки поможет ответ на вопрос: «Я хотел бы или нет работать с этим человеком в будущем?» И разъяснение, почему «да» или «нет». Нужно стараться определять/выявлять объективные причины, а не оценивать свое состояние и отношение через эмоциональные переживания элементов общения.

Человеческая память избирательна. Забываются люди, общение с которыми было непродолжительным в силу служебной необходимости, после чего контакты были прерваны, на флоте это обусловлено спецификой работы. Может помочь файл/список с некоторым набором пунктов: ФИО, судно, на котором вместе работали, свои мысли о конкретном человеке, отметка о своем решении по поводу потенциальной возможности дальнейшей совместной работы – к примеру, «да», «нет», «категорическое нет» и т. д. Все формулировки могут быть как стандартно-официальными, так и понятными лишь автору. Главная преследуемая цель – дать более полную и объективную характеристику члену экипажа с возможностью, при необходимости, извлечения информации по прошествии времени.

Осознавая степень возложенной ответственности, особенно в сфере обеспечения безопасности мореплавания, которая обеспечивается совместной работой всего экипажа и персонально выполняемой каждым из специалистов, капитану при составлении характеристики важно давать оценку члену экипажа как специалисту, от которого в решающий момент будет зависеть жизнь экипажа, а не как человеку, с которым очень комфортно в плане общения.

Необходимо помнить и о том, что, указывая на достоинства и недостатки, капитан тем самым дает шанс задуматься над своими действиями. Отказ в продвижении – это не акт постановки препятствий, а превентивные меры по обереганию человека от собственных ошибочных действий. То, что очень заметно со стороны, может не замечаться самим человеком, и реакция может быть достаточно острой при отражении какого-либо из его качеств в официальном документе, коим и является характеристика. Но максимально объективная оценка не должна вызвать резкую реакцию подчиненного, если оценены его сильные и слабые стороны. При необходимости или желании сторон капитан может обосновать свою точку зрения, подкрепив утверждения реальными фактами. Такая беседа позволит сохранить ровные отношения, а если и вызовет сиюминутную вспышку гнева или взрыв эмоций, то в будущем позволит специалисту пересмотреть свою точку зрения, предпринять попытки что-либо исправить или во всяком случае задуматься о том, как собственные действия выглядят со стороны.

Желательно давать такие комментарии, по прочтении которых складывалась бы полная

картина возможностей и способностей специалиста, а не смущала «однобокость», вызывающая сомнения в правдивости и объективности.

В настоящей статье неоднократно подчеркивалась субъективность мнения старших офицеров, но ведь и специалист работает с разными капитанами и старшими механиками на борту разных судов до определенного момента набора ценза (количество времени, проведенного в море, необходимое для подтверждения/продления диплома, который позволяет претендовать на получение права занятия очередной должности, а затем и получение оной). Множество субъективных мнений дают достаточно хорошую объективную оценку.

Поддержка компании неоценима для капитанов и старших механиков. Тесное сотрудничество, обмен мнениями и совместное принятие решений может стать основой качественного подбора кадров плавсостава и, соответственно, улучшить производственные показатели. Ведь ориентация на наиболее квалифицированные кадры, согласно одному из принципов подбора персонала, подтверждает закономерность, что хороший специалист, сколько бы ему ни платили, всегда обходится дешевле, чем плохой, но не более высокой квалификации, чем этого требует рабочее место [3].

Отработанная система оценки кадров позволит составить наиболее объективное мнение о работе специалиста и принять наиболее соответствующее задачам компании решение, поддерживать на необходимом и достойном уровне требования, предъявляемые к работникам, что, как следствие, будет вызывать уважение, поддерживать и поднимать рейтинг компании на мировом рынке в области морских перевозок.

Библиографический список.

1. Дураков, И.Б. Управление персоналом: отбор и наем. Исследование зарубежного опыта [Текст] / И.Б. Дураков. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. – 36 с.
2. Психология менеджмента [Текст]: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 639 с.
3. Хентце, И. Теория управления кадрами в рыночной экономике [Текст] / И. Хентце. – М., 2000. – 34 с.

УДК 159.9.07
ББК 88.52

КЛЮЧЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ПОКОЛЕНИЕМ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Д.М. Зиновьева

Аннотация. В статье представлено авторское понимание ключевых принципов психологической помощи в эпоху постмодернизма. Клиентский запрос эпохи модерна определен как самоактуализационный, запрос эпохи постмодерна определен как дефицитарный. Отмечается, что экзистенциальный ужас как проблема эпохи в концентрированной форме выражен в виде болезни времени – панических атак. Анализ «текучести» времени и пространства позволил определить сверхзадачу современной психологической помощи как развитие способности укореняться в любой точке пространства. Интерперсональные восстанавливающие отношения представлены как ресурс для современной теоретической и практической психологии. Представлена перспективная схема психологического интересубъективного эпигенеза личности. Также описана авторская интерпретация интерперсональных аспектов универсальных психоаналитических принципов. Материалы данной статьи могут быть интегрированы в самые различные формы и виды психологической помощи заинтересованными практиками.

Ключевые слова: психологическая помощь, интерперсональные отношения, восстанавливающие отношения, ресурсы и деструктивность постмодернизма, интегрально-эkleктический подход.

KEY PRINCIPLES OF PSYCHOLOGICAL WORK WITH THE GENERATION OF «LIQUID MODERNITY»

D.M. Zinovyeva

Abstract. The article presents the author's understanding of the key principles of psychological care in the era of postmodernism. The client's request is defined as a question of self-actualization, on the other hand the request of postmodern era is considered as deficient. The author notes existential anxiety which is expressed in a concentrated form in the disease of our time – panic attacks as a problem of XXI century. The analysis of the "liquidity" of time determines the most important task of modern psychological work as development of the ability to take root in any point of space. Interpersonal recovering relations are represented as a source of contemporary theoretical and practical psychology. A perspective scheme for psychological epigenesis of a person in interpersonal relations is presented. The author's interpretation of the interpersonal aspects of the universal psychoanalytic principles is described. The contents of this article can be integrated in a variety of forms and types of psychological care for interested practitioners.

Keywords: psychological help, interpersonal relations, recovered relations, resources and destruction of postmodernism, integrally eclectic approach.

Все больше людей сегодня задумывается о своей жизни и ее смысле, любви и одиночестве, предназначении и задачах, самореализации и самопознании, возможностях и ограничениях, свободе и зависимости. Жить, расти, любить, думать, действовать, быть сильным, найти свое предназначение – это можно назвать влечением, если не рассматривать человека только в контексте биологических инстинктов. По сути, звучит вопрос «Как жить? Как жить счастливо?». Предложения помощи со стороны психологов становятся обширнее и разнообразнее, есть надежда на то, что растет и качество предлагаемых услуг. Психологические консультирование, коррекция и терапия опираются на совершенно различные методологические направления, порой противоречащие друг другу. Но при этом их интеграция, пусть не в теории, но в реальной практике при-

носит гораздо больший эффект, чем «сакральная чистота» метода. Белорусский психолог В.А. Янчук предлагает «интегрально-эkleктический подход» [26] в психологическом знании, который вызывает у кого-то раздражение, а у кого-то одобрение. В нашем понимании, в реальной практике психологической помощи, особенно краткосрочной или экстренной, такой подход наиболее приемлем и эффективен. Владение практикующим психологом двумя-тремя направлениями психологической помощи можно назвать необходимым. В 1995 г. Мартин Селигман провел масштабное исследование эффективности психотерапии. В ходе этого исследования с помощью точного статистического инструментария он установил, что в целом психотерапия результативна, но, как ни странно, положительные результаты нельзя связать с каким-

либо одним определенным методом или с терапией конкретных расстройств [21, с. 80].

Признавая множественность на рынке психокультуры до пары сотен конкурирующих различных школ и концепций, надо понимать, что все они преследуют идеальную цель – помочь людям. Так ведь и многие другие (маги, экстрасенсы, хироманты, астрология и т.п.) стремятся помочь людям. Что же такое «пси-помощь»? Интерперсональное убеждение, психосоциальное просвещение, профессионально тренируемое самоизменение, поведенческая технология, форма перевоспитания, приобретение дружеских отношений или современная разновидность шаманизма [17]?

В последние сто лет на основе трех базовых научных парадигм (психоаналитической, поведенческой, гуманистической) рождаются концепции различной помощи: гештальт, психодинамическая, рождерианская/личностно-центрированная, интерперсональная, эклектическая/интегративная, системная, рационально-эмотивная и т.п. Методологически справедлив вопрос: сегодня нужны интеграция или дифференциация концепций? Аргументом в пользу интеграции является то, что «истина одна, но много ее обозначений», что возможна интегративная система координат, в то же время не стирающая концептуальных различий между ними, что это путь к трансэпистемологической психологической помощи [23], но можно и возразить, что возникают громоздкие построения и нечувствительные к противоречиям построения [23]. Выбор же дифференциации можно аргументировать тем, что «заблуждений много, а истина одна» [23], и возражать, что усиливается власть дискурса, что будет преобладать защита своих позиций и глухота к контраргументам [23], и в конечном счете, «если у вас есть лишь молоток, то все вокруг вас – гвозди» (А. Маслоу).

Ряд исследований эффективности методов психологической помощи [17, 21] приходят к выводам: психологическая помощь и терапия эффективны; положительные результаты не связаны одним определенным методом или терапией конкретных расстройств. Это назвали парадоксом эквивалентности (Шапиро и Эллиот). Но, исходя из опыта, могу сказать, что почти никакая психологическая работа не будет иметь эффекта, если за ней не стоит некое концептуальное видение помогающего, принятая им «научно обоснованная вера», прошу прощения за невольный оксюморон.

В нашем случае, независимо от этапа профессионального становления, за любой применяемой техникой из различных направлений всегда имеется некая «теоретическая линия» понимания и интерпретации происходящего. Это прежде

всего психоаналитически ориентированный ракурс видения субъективной реальности, поэтому в данной статье достаточно много психоаналитических посылов. При этом следует еще раз повторить, что современные положения психоанализа существенно отличаются от классического, фрейдистского. По сути, в современном психоанализе нетронутой остается только структурная модель психического аппарата (макроструктуры – Ид, Эго и Супер-эго). Современные психоаналитики все больше опираются на теорию объектных отношений, на межличностные отношения, их характер и качества. Просто эти межличностные отношения начинаются очень-очень рано, во взаимодействии младенца с окружением, они создают базу формирования психической структуры и в дальнейшем оказывают продолжительное и активное влияние на внутренний мир и интеракции. Отношения помогающего и получающего помощь – это некая отдаленная проекция базовых ранних отношений человека и мира. Как помогающему включаться в эти отношения, их регулировать и интерпретировать, быть в них иногда отстраненным, иногда принимающим, а иногда конфронтирующим? Причем независимо от парадигмы своей психологической профессиональной деятельности.

Также прошу обратить внимание, что в названии использовано слово «работа», а не конкретное «консультирование», «коррекция», «терапия». В теории эти формы психологической помощи можно жестко разграничить, в реальности – скорее нет. В тексте будут использоваться слова «консультант», «психолог», «терапевт», «оказывающий помощь» как взаимодополняющие ипостаси «помогающего». Пришедший за помощью – «человек», «клиент», «пациент», «получающий помощь». Еще одним характерным словом текста будет «иногда», так как всё, что связано с психикой человека, индивидуально, уникально, феноменологично и гипотетично. Сам человек есть гипотеза, которую он проверяет и изменяет, пока живет.

Перечитав начало своей статьи, понимаю, что оно написано на языке экзистенциально-гуманистической психологии, а не, например, на психоаналитическом языке. При подсчете оказалось, что Ирвин Ялом в своей монографии «Экзистенциальная психотерапия» использует имя Фрейда 111 раз. При этом И. Ялом пытается сказать, что все, что он делает и думает, не имеет отношения к психоанализу. Также хочется обратить внимание, что смысловым предшественником психологов-гуманистов прежде всего является Альфред Адлер, почти все идеи Адлера реализованы в принципах гуманистической психологии. К.Г. Юнг, по сути, проповедует жизнь как творче-

ство, не напоминает ли вам это идеи постмодернизма?

Обратимся к конструкту «постмодернизм» с целью раскрыть еще один смысловой момент данной статьи. В процессе практической работы стало заметно, что содержание психологического запроса стало меняться сначала на каком-то неумовимом уровне, а потом и на вербальном. Если говорить упрощенно, старый запрос был про «субъектность, автономность», а новый – про то, «как вообще ощутить себя». Это заставило задуматься и признать, обобщая отечественные подходы к личности, что личность – это новообразование, детерминированное культурно-исторической ситуацией (по мотивам концепций Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева). На языке зарубежной психологии это звучит примерно так: «картина личной психопатологии меняется с условиями социально-культурной среды» (Л. Рэнджел, Е. Гаддини и др.) [Цит. по: З. С. 48].

Кроме того, попытки игнорировать существование постмодернистских концепций и относиться к ним как к «игре мускулами мозга» пришлось оставить и обратиться, хотя бы поверхностно, к их пониманию. Наиболее метафоричным для нас стало понимание З. Бауманом современности как жидкого состояния среды, речь идет о «текучей современности»: «оставь надежду на

цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текущей современности» [1, с. 29]. Аргументируя, что «неустойчивость повсеместна» (П. Бурдье), З. Бауман пишет: «Этот феномен, который пытаются передать и ясно сформулировать все эти понятия, представляет собой комбинированное переживание *ненадежности* (работы, имеющихся прав и средств к существованию), *неуверенности* (в их сохранении и будущей стабильности) и *отсутствия безопасности* (собственного тела, своего «Я» и их продолжений: имущества, соседей, всего сообщества)» [1, с. 173]. Итак, хронотоп «потек». Поиски вербальных метафор «духа времени» приводят к следующему: хаос; фрагментация; противоречивость; ускользание; множественность дискурса (М. Фуко, Ж. Деррида, Дж. Поттер, К. Джерджен и др.) [23]. Поиски метафор личности дают такие результаты: калейдоскоп; коллаж; мозаика; оболочка. Литературная метафора обнаружилась у В. Пелевина: «Что это такое – постмодернизм? – подозрительно спросил Стёпа. – Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла. – Да? А что актуально? – Актуально, когда кукла делает деньги» [14].

Соотнося концепции модернизма и постмодернизма по критерию «отношение к хаосу», можно сделать следующее обобщение [5, 16]:

Таблица 1

**Модерн и постмодерн
в отношении к хаосу**

<p>Модерн как попытка остановить хаос</p>	<p>Постмодерн как способ поддержать хаос</p>
<p>1. Психологическая помощь (терапия) как наука 2. Структурность 3. Реальность 4. Мертвящие объятия традиций</p>	<p>1. Психологическая помощь (терапия) как философия и искусство 2. Перформанс 3. Образ реальности 4. Мертвящая неопределенность</p>

Ранее личность была структурной и иерархичной в своей субъективной реальности и имела дело с довольно статичной и осозаемой внешней реальностью, которая ее (личность) весьма ограничивала. А сегодня мы имеем дело с личностью, которая существует только в точке контакта с ускользающим образом реальности, с

интерпретациями реальности, и если эту реальность и удастся зафиксировать, то только в конкретный короткий отрезок времени.

Анализируя деструктивность и ресурсы постмодернизма, можно сделать следующие выводы [5, 16, 23, 27], обозначенные в таблице 2.

Таблица 2

Деструктивность и ресурсы постмодернизма

Деструктивность постмодернизма	Ресурсы постмодернизма
<ul style="list-style-type: none"> ● Смерть субъекта ● Релятивизм ● Прагматизм ● Смерть истины и ценностей ● Исполнение роли ● Процесс вместо смыслов и цели ● Отрицание какой-либо объективной реальности 	<ul style="list-style-type: none"> ● Поливариантность ● Культурный полифонизм ● Возможность налаживания межпарадигмального и междисциплинарного диалогов (В.А. Янчук)

Разберем еще один рабочий момент, что «лучший психотерапевт – это жизнь». Думается, что на сегодняшний момент «психотерапия жизнью», к сожалению, почти не возможна, так как исчезли: совместные деятельность, игра, трапеза, беседа, диалог, время, проведенное в кругу семьи, и т.п. Проблемы современности: исчезло или сократилось детство, нет игровой деятельности, нет совместной деятельности ребенка и взрослого, ранняя интеллектуализация, избыточность и многообразие информации, разрушен традиционный уклад семьи, отсутствие образцов, раннее расставание с матерью. Поливариантность, теоретически трактуемая как ресурс, в реальной практике этапа раннего развития психики довольно травматична своей неопределенностью.

Так же трудно проигнорировать вопрос о медикаментозной помощи, при этом совершенно не отрицая его значимости. М. Селигман долгие годы занимался оценкой медикаментозной терапии (40 лет) и заключает, что все препараты в нашей медицине вспомогательные. Медикаментозное лечение в основном имеет сугубо косметический эффект: симптомы ненадолго отступают, но затем болезнь возвращается [21]. Медик, психиатр, психолог В.Н. Мясищев писал: «То, что не патогенно для одного, патогенно для другого...», «...в основе переживаний лежат взаимоотношения человека с различными сторонами окружающего...» [9] Понимание В.Н. Мясищева роли отношений человека в его психологических проблемах позволяет нам далее обратиться к значимому для современной отечественной и зарубежной психологии вопросу о межличностных отношениях. Отечественные психологи, в том или ином аспекте, практически единодушно рассматривают личность как социально детерминированную и полноценно функционирующую в системе ее социальных отношений (Л.С. Выготский, А.Ф. Лазур-

ский, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.В. Петровский, Н.И. Сарджвеладзе и др.). Если синтезировать тезисы Б.Г. Ананьева о существовании интериндивидуальной и интраиндивидуальной структур личности с тезисами Л.С. Выготского о развитии высших психических функций в процессе онтогенетического развития в общении ребенка со взрослым, можно предложить для дальнейшего анализа межличностного мира человека следующую схему интерсубъективного эпигенеза личности:

Я с Ты → Я (не-Я) → Я и Ты → Я и Мир.

Иначе говоря, это некоторая расширяющаяся последовательность интенций психики:

Быть вместе → Быть → Быть с Другим →

Быть в Мире], ядром и исходной точкой которой является «Быть вместе» (Я с Ты). Это ядерное образование имеет не только когнитивную составляющую (как по Л.С. Выготскому), но и аффективную как неперемное содержание отношений (В.Н. Мясищев), и обе эти составляющие результируют в деятельностно-поведенческие проявления).

Вероятно, можно говорить, что психика и личность развиваются по следующей схеме:

Интерпсихика → Интрапсихика → Интер-

субъективность → Интерсубъектность]. Предлагаю рассмотреть некоторые обоснования этой схематизации, требующие в дальнейшем развития и проработки.

Я с Ты. В современной психологической теории, в самых разных подходах признается, что доминирующая потребность субъекта в отношениях с объектом, наиболее активно этот вопрос разрабатывается в современном психоанализе. Очевидно, что для беспомощного младенца это мать, дающая заботу. Во внутренней реальности ребенка отражаются объекты реального мира, прежде всего, его мать (сначала – ее грудь), ее первичная забота. Сложившиеся в раннем детстве

сценарии ощущений, эмоций, отношений, взаимодействий определяют сценарии отношений взрослого человека.

Основа личности – диада «мать-младенец». «Нет такого существа как младенец, есть диада» (Д. Винникотт). Внутри детско-материнской диады зарождаются все будущие человеческие отношения, имеющие объектные характеристики. Мать – одновременно и самость, и общество, и мир. Ограничения, которые она устанавливает, ее отказы или проверки ведут ребенка к пониманию принципа организации мира (Э. Нойманн) [приводится по: 8].

С точки зрения теории объектных отношений, которая сегодня является ведущей в психоанализе, не влечения (по Фрейду) играют ведущую роль в развитии психики и личности. Главный фактор развития личности – характер ранних отношений ребенка с матерью и другими значимыми фигурами. Современная теория объектных отношений основана на наблюдениях за самыми ранними взаимодействиями в диаде «ребенок-родитель». Эти наблюдения были начаты английскими психоаналитиками. Ведущую роль здесь сыграли работы Мелани Кляйн и ее последователей – Уилфреда Байона, Дональда Мельцера, а также работы представителей Независимой группы Британского психоаналитического общества – Микаэла Балинта, Дональда Винникотта, Рональда Фейрберна и др. Крупный вклад в разработку объектных концепций принадлежал Джону Боулби, Эдит Якобсон, Рене Шпицу, Маргарет Малер, Отто Кернбергу, Дэниэлу Штерну. Благодаря трудам О. Кернберга теория объектных отношений достигла вершины своего развития в США. Хайнцу Когуту исследования роли ранних объектов позволили описать психологию самости, фактически дав новую жизнь теории травм. Изучение нарушенных связей между ребенком и матерью легло в основу современной психосоматической медицины, восходящей к Францу Александеру.

Тело младенца – это его Эго. Через тело он получает первый опыт соотнесенности с объектом; через телесное восприятие и интеграцию внешних раздражений осваивает реальность и находит свое место в ней. Соотнесенность, таким образом, способствует самоопределению. Первичные отношения воспроизводятся вновь и вновь. Нарушения ранних отношений лежат в основе наиболее тяжелых психопатологий, так как психика состоит из конфигураций различных отношений, диссоциирована, неинтегрированные аффекты – источник внутреннего конфликта – опасны для здоровой части психики.

В норме у ребенка в первый год жизни развиваются: первичное доверие; ощущение удовольствия, в том числе от окружающего мира; ощущение близости с окружающим миром; душевная теплота и близость, способность любить. Перечислим значимые травмы раннего развития (до 1,5 лет) как нарушения ядра «Быть вместе»: тяжелая болезнь матери, смерть матери; раннее расставание с матерью; враждебное отношение со стороны матери; пребывание в раннем возрасте в больнице, детском доме, яслях, детском саду; выполнение матерью своих обязанностей из чувства долга; неожиданное прекращение кормления грудью; длительное голодание; неприятие ребенка со стороны матери; излишняя избалованность; тревожно-утрированная озабоченность матери. Кроме того, сопутствующие разрушительные факторы: негармоничные отношения между матерью и отцом; депрессивная, мазохистичная мать и вспыльчивый, непоследовательный садистический отец; частые переезды, потери, семейные разрывы, алкоголизм, наркомания членов семьи [6].

Типичные последствия травм раннего развития, деформации ядра «Я с Ты»: потеря смысла жизни, депрессивность; недостаток уверенности в себе и вызывающая манера держаться; обидчивость, повышенная ранимость; суицидальные тенденции; неспособность к решению практических проблем; неспособность любить кого-либо, недостаток эмпатии; явления деперсонализации, отчуждение от собственного Я; ощущения пустоты и бессмысленности, безнадежность и отчаяние; нарушения контактов; постоянное колебание между фантазиями о собственном величии и комплексом неполноценности; нежелание знать и видеть, как следствие – пробелы в способности познавать мир и свою личность (интроспективное ограничение), слабая обучаемость; беспризорность, бродяжничество; импульсивные действия, аффекты не контролируются; склонность к совершению преступлений, агрессивность; соматические проявления: кожные заболевания (в первую очередь хроническая экзема), бронхиальная астма; гедонизм, ненасыщаемые оральные потребности, неконтролируемая энергия влечений; алкоголизм, наркотическая зависимость, невротическая зависимость от других людей.

Эти признаки в целом можно охарактеризовать как структурные нарушения личности (или характера). В зависимости от хронологии возникновения причин нарушений и конфигурации нарушений можно говорить о нарциссической, шизоидной или депрессивной структурах личности. Кроме того, такая личность имеет часто пограничный уровень развития (Borderline, т. е. между

невротическим и психотическим уровнем). Архаические страхи перед самоуничтожением, отсутствие способности любить, допускающее лишь беглые, поверхностные контакты, большая замкнутость и частые тяжело переживаемые психические состояния, связанные с чувствами бессмысленности, бессильного гнева и отчаяния.

Что дает стабильность и надежность «Я с ты» в реальном детстве? Нужны: адекватный отклик на потребности; поддержка; руководство; присутствие объекта; ритмичность. Клиентов можно разделить на две группы: тех, у кого была «достаточно хорошая мать», и тех, у кого ее не было. Первых можно назвать эдипальными клиентами, вторых доэдипальными (продукт эпохи постмодерна, когда отношения эфемерны и нестабильны, кругом растерянность, неопределенность и неясность).

Я и не-Я. Предыдущая симбиозоподобная, возможно, аутичная (М. Малер) фаза представляется недифференцированной (Д. Винникотт, Х. Хартманн), но постепенно на ее основе начинает отделяться эго. Стадия сепарации-индивидуации (М. Малер) становится возможной на основе «глубоких ощущений единства и межличностного комфорта [22, с. 265], ее успешным результатом становится дифференцировка самости. Можно говорить об автономизации на основе интернализации. Успешное «Мы» порождает «Я». Становится возможным и безопасным исследование «не-Я», формируется способность находиться в одиночестве, способность «тестировать» реальность, способность к символической игре. Это выход за пределы непосредственного переживания, умение «удваивать» реальность, создавая ее внутренние репрезентации.

Дополним понимание становления «Я и не-Я» взглядами философов. Г. Гегелем рассматривается проблема взаимосвязи «Я» и «иного» («не-Я», внешнего, действительного, лежащего за пределами сознания) так: «я» обладаю достоверностью через нечто иное, а именно через вещь; а эта именно последняя достоверна точно так же через нечто иное, а именно через «я» [4, с. 52].

Аналогичный взгляд, как известно, у И.Г. Фихте: «...Я никогда не осознает самого себя и не может осознать иначе, как в своих эмпирических определениях, и что эти эмпирические определения непременно предполагают нечто вне Я. Уже тело человека, которое он называет своим телом, есть нечто вне Я» [24, с. 12].

Я и Ты. Предыдущие стадии становятся основой для диалогичности с «Другим». По Г. Геге-

лю человек через «иное» познает себя, под «иным» понимаются не только «вещи», но и социальные субъекты и объекты. Для человека «иное», в котором он познает себя, – ближайшее окружение (жена, муж, родители, братья, сестры, дети), которое в разной степени отражает индивида. По мнению теолога и экзистенциалиста Мартина Бубера, ничего нельзя сказать о себе, не соотнеся себя с «другим». В диалоге «Я и Ты» происходит становление «Я», «Я» стремится все сделать своим «Ты», вступив таким образом в отношение со всем миром. Есть три таких сферы, в которых возникают психологические отношения. Первая: жизнь с природой. Вторая: жизнь с людьми. Третья: жизнь с духовными сущностями [3, с. 303]. Вместе с тем «отдельное Оно» может, через вхождение в событие-отношение, превратиться в «Ты» [3, с. 315.]

«Я» имеет глубокую потребность быть верно отраженным в другом, получить подтверждение своего «я» в другом, великая надежда в любви и дружбе, считает Н.А. Бердяев, русский философ [2]. В работах А.В. Петровского и В.А. Петровского «Я и Ты» можно увидеть, как потребность репрезентированности субъекта в «Другом» и «Других» [15]. Подытожим словами С.Л. Рубинштейна, что «лишь через свое отношение к другому человеку существует человек» [20, с. 387].

Я и Мир. Следующим шагом личности становится ее выход в «большой мир». Субъектно-деятельностный подход, развиваемый в отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова) глубоко раскрывает содержание этого большого круга отношений человека и мира. Утверждая субъекта и субъективное, С.Л. Рубинштейн пишет: «Речь идет лишь о том, чтобы вывести его из уединения, которое его обедняет, преодолеть обособление, от которого он неизбежно оскудевает, раскрыть и сделать доступными, близкими для субъективности человека дали и горизонты мира, укрепить связь “внутреннего мира” индивида с большим миром человечества, вселенной» [20, с. 93]. «При этом необходимо определение понятия “мир”. Мир – это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей, точней совокупность вещей и явлений, соотносенных с людьми. Иными словами, мир есть организованная иерархия различных способов существования, точнее, сущих с различным способом существования» [там же. с. 289]. Это, в конечном счете, «вопрос о полноте человеческой жизни в отношении к полноте бытия» [там же. с. 381].

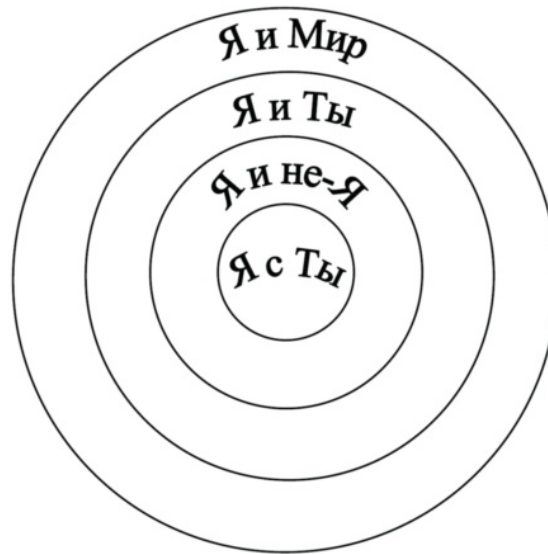


Рис. 1. Интерсубъективная модель эпигенеза психики

Вопрос хронологии и надстройки фаз очень сложный, но настаиваем на том, что «Я с Ты» – ядерное образование, вокруг которого «нарастают» по своему «расписанию» слои «Я и не-Я», «Я и Ты», «Я и Мир». Системные исследования, проведенные под нашим руководством Я.И. Павлоцкой, позволяют подтвердить эти положения эмпирически [12].

Старый клиентский запрос, запрос эпохи модерна можно было назвать самоактуализационным, это был вопрос, как быть самим собой (Быть с Другим и Быть в Мире) в условиях, когда ты связан традициями, правилами, должностными. Ядерные образования «Я с Ты» и «Я и не-Я» были довольно структурированными, а «периферийные» «Я и Ты» и «Я и Мир» вызывали вопросы, конфликты, вызывали чувство вины и стыда при их реализации.

Новый же, постмодернистский запрос – дефицитарный – «Быть С» и «Быть». Если не было «Я с Ты», нет и «Я». Новый человек сразу брошен в «Я и Мир», результатом становится экзистенциальный ужас, тревога, связанная с экзистенциальной безопасностью, развивается алекситимия как способ выжить. Потенциальный диалог не может состояться – для диалога нужен не только «Другой», но и «Я».

Маркирующий диалог на консультации: Что ты чувствуешь? – Не знаю. – Чего ты хочешь? – Не знаю. – О чем мечтаешь? – Не знаю. – Что тебя может заинтересовать? – Не знаю. – Что тебе подарить? – Не знаю.

Это пустота или ужас? Или и то, и другое вместе? К сказанному можно также добавить, что А.В. Юревич замечает, что образ мира как враждебного, агрессивного, дискомфортного формиру-

ет также оборонительно-агрессивную установку по отношению к нему [25, с. 73]. В итоге быть враждебным легко, а любящим и нежным – неловко и стыдно. Типичные диалоги: Ты есть? Ты можешь сказать, что Ты есть? – Нет, я чувствую ужас. Я не могу дышать даже. Я исчезаю. – Ты можешь сказать, что имеешь право быть собой? – Нет, как я могу быть собой, когда меня нет.

Если ранее в практике психологии можно было рассматривать личность в некотором смысле как сумму интроектов, и одной из задач было освободить от интроекта (карающего), теперь другая задача – нагрузить интроектом (поддерживающим), создав точки укоренения и стабильности. Болезнью времени можно назвать панические атаки, их можно оценить как провал в бездну, так как нет точки опоры (Франчесетти Дж., Лобб М.) [13]. Описанные выше моменты позволили нам определить *сверхзадачу* современной психологической помощи следующим образом – *научить укореняться в любой точке пространства*.

Первым ключевым ориентиром мы назовем интерсубъективные поддерживающие отношения (восстанавливающие интерперсональные отношения). Важна поддержка врожденной, но заблокированной интерсубъективной интенции как устремленности к контакту и взаимодействию (независимо от парадигмы). Поддержка «здесь-и-сейчас-для-будущего» (формулировка по мотивам статьи М.С. Лобб «Чем может помочь психотерапия при панических атаках» [13]).

Интерперсональный подход в консультировании предлагает следующие принципы интерсубъективизма (Д. Лихтенберг) [10, с. 126]: создавать осознанные доверительные отношения; быть эмпатичным; понимать с точки зрения клиента, с

учетом его эмоционального опыта; «послание содержит послание», больше времени уделять манифестному содержанию, а не включать постоянное аналитическое сомнение; переосмысливать нарративное содержание, кто, как, что, сколько и где; прочувствовать жизненный опыт клиента; позволять клиенту вести нас туда, куда ему нужно, важнее бессознательное участие психолога, ему самому неведомое; позволять проявляться своим чувствам, воспоминаниям, образам, фильмам, рассказам и т.п., слышать их, обсуждать, это нечто объективное; важны мотивации неприятия пациентом чего-либо; учитывать и интерпретировать всю гамму коммуникаций (вербальные и невербальные), чтобы способствовать осознанности; исследовать отклики клиента на наши интервенции. Не следуйте путем воздействия, не следуйте путем обнаружения, следуйте путем совместного творчества в паре или группе.

Второй ориентир: забудь все, что знал. Это позволит быть свободным от дискурса и метафоры парадигмы в момент Встречи, уйти от тоталитарной власти языка концепции, создать отношения подлинно терапевтические – отношения игры, свободы, доверия, экспериментирования.

Третий ориентир: внимание к психосоматической коммуникации. Важны телесная эмпатия [19], поддерживающая невербалика, поддержка тенденций движения, спокойное дыхание психолога.

Четвертый ориентир: слышать невыраженное или «невыразимое» по М.С. Лобб. [13]. Важны: проективная идентификация как средство коммуникации и учет переноса-контрпереноса как средства выразить невыразимое. Не забывайте, что важно не только то, что вам рассказывают, но и то, как рассказывают, что чувствуют в данный момент, когда рассказывают. Прошлое всегда с нами – «здесь и сейчас». И то, как вы слушаете «здесь и сейчас», открыты, готовы к эмоциональному и вербальному отклику, определяет ваши дальнейшие отношения с клиентом. Естественность и понятность поведения терапевта также важное условие успеха. Д.С. Рождественский в работе «Начало психоаналитического процесса» пишет: «Следует помнить, что терапевтический диалог подразумевает не только слова. Многие из происходящего в отношениях на бессознательном уровне нельзя словесно обозначить, различить и обобщить. В терапевтической диаде происходит то же, что в диаде первичной: невербальное взаимодействие предшествует языковому обучению» [18].

Самое важное, интересное и реальное, что есть у человека, – это его чувства, переживания,

сознательные и бессознательные процессы. В самом обобщенном виде контрпереносом можно считать эмоции, чувства, мысли человека, связанные с другим человеком. В данном случае подразумевается обратная (контрпереносная) реакция психолога на перенос клиента. Как бы мы не говорили о нейтральности экранирования, психологическая помощь содержит отношения двух людей со своей историей, внутренними объектами и фантазиями. Искусство распознавать содержание своего отклика, в том числе телесного, позволяет лучше понимать сознательные и бессознательные процессы обратившегося за помощью. Своему отклику лучше доверять, чем не доверять. Это не означает, что его содержание надо немедленно выносить на обсуждение и интерпретацию, но принимать его к сведению и затем включать в процесс анализа необходимо.

Пятый ориентир: заменять аффективные, когнитивные, поведенческие паттерны. Использовать «перенос-контрперенос» не столько как повод для интерпретации, а как повод для замены паттерна «здесь-и-сейчас-для-будущего». Простая вербальная поддержка позитивных, ресурсных сторон поведения клиента приводит к их закреплению и усилению, склонности проявлять их в обыденной жизни. Кроме того, можно, а иногда и необходимо, использовать приемы когнитивно-бихевиорального направления.

Шестой ориентир: «Регресс ради прогресса» (К. Лейнер) [7]. Важна реконструкция внутреннего объекта – опыт близости – «Быть С и Рядом». Новый опыт безопасно «быть вместе» корректирует внутренние объекты.

Чтобы развить глубокое доверие и внутренне ощущение себя, человек должен пережить позитивный физический и/или эмоциональный контакт в состоянии регрессии, вернувшись к тому периоду, когда он был лишен этого контакта. Югианский детский аналитик Дениз Лиар так описывает необходимость символической возрастной регрессии: «В ходе анализа ребенку предлагается встать на регрессивный терапевтический уровень, чтобы, наконец, укрепить свою личность на более прочной основе: на основе опыта позитивного материнского отношения, прожитого в переносе, и благодаря тому, что было прожито в анализе, стали возможны счастливые перемены в отношениях с матерью» [8, с. 169]. Порой проживать состояния пациента вместе с ним важнее, чем реагировать на них. Это одно из умений можно назвать не только «быть рядом», а больше – «быть вместе», «я понимаю, как тебе больно», «это действительно очень больно». Чем дефицитарнее

психика пациента, чем больше ранних травм, тем важнее аналитику на ранних этапах терапии быть принимающим «контейнером», быть аффективной живой фигурой-метафорой «достаточно хорошей матери».

Итогом реализации описанных ориентиров может стать новообразование: «Я могу быть собой, и ты можешь быть собой, и мы можем быть вместе».

Если опять вернуться к вопросу об интеграции различных модальностей психологической теории и практики, то анализ главы «Определение и сравнение отдельных разновидностей психотерапии: интегративная система координат» из книги Дж. Прохазка, Дж. Норкросса [17] позволяет выделить следующие координаты, расширяющие и дополняющие вышесказанное: сущность помощи – это интерперсональные отношения; рабочий альянс; сотрудничество; позитивное внимание; конгруэнтность; обратная связь; качество интерпретаций; самораскрытие терапевта; управление контрпереносом; работа над соматическими паттернами; концептуальная схема как рациональная основа [17]. И, в конечном счете, суть вопроса не в том, «помогает ли это?», а скорее в том: «помогает ли это данному клиенту лучше всего?» (Дж. Прохазка) [17]. Это общение двух живых людей, которые преследуют одну цель – разрешение проблем обратившегося за помощью.

Дополним изложенные рассуждения еще рядом важных, на наш взгляд, для современной концепции психологической помощи моментов.

Личность психолога. В контексте этики важно посмотреть на переживания самого помогающего. Этический кодекс описывает границы поведения, но он не может повлиять на личность помогающего, на его нравственное освоение действительности. Мораль, нравственные ценности помогающего определяют приемлемое и неприемлемое в помогающих отношениях. Да, человек получил психологическое образование, но какова его личная попытка объяснить природу морали, сложный и противоречивый мир нравственных отношений? Каковы высшие устремления человека, который отправляется в мир психологии? В процессе отношений с клиентом помогающий, в конечном счете, пытается содействовать тому, чтобы клиент жил счастливее. Понимание нравственного миропорядка, добра, человечности, жизненной правды помогающего может и не обсуждается в прямом смысле с клиентом, но оно транслируется в пространство их отношений. Терапевтично само слово или то, что не высказано, но

считывается клиентом на уровне чувств, ощущений, бессознательных процессов? И то, и другое. И что имеет большее влияние?

Представляется, что непосредственно в помогающих отношениях зарождается моральная перспектива не только конкретного человека, но и общества. Иногда говорят, что психолог, напротив, размывает нравственные границы клиента. Возражаю, говоря, что речь может идти о том, что мы помогаем получающему помощь рассматривать нравственность и мораль не как жестокого цензора, надзирателя («Сверх-Я»), и сопровождаем человека в его научении совершать свой осознанный свободный выбор, но ведь при этом нет смысла отказываться от ценностей и норм мирного человеческого сосуществования, события. В условиях терапевтических отношений важно, кроме прочего, создать условия, в которых клиент сам распознает и принимает собственные ценности и нравственные ориентиры и позволяет себе следовать им, а не чужеродным интродуктам.

Независимо от жанра помощи, личности консультанта и клиента, латентно или явно стоит также вопрос свободы, свободы выбора в действиях, поступках, нравственных принципах человека. Помочь быть свободным в выборе на основе внутренних, а не внешних детерминант – одна из ключевых целей помощи. Частые вопросы: «Разводиться?», «Жениться?», «Простить?», «Какую выбрать профессию?», «Помириться с отцом, матерью, сыном, дочерью?» За ними стоит скорее необходимость делать ответственный свободный выбор, чем якобы реальные обстоятельства. Это внутренний моральный конфликт клиента, и от того, как он его разрешает, зависит дальнейшая траектория развития личности, если хотите, души. Внутрличностный конфликт – центральный тезис психодинамической теории. В психологической помощи за содержанием и способом разрешения конфликта скрываются глобальные вопросы личной и общественной нравственности, в психологическом общении акт рождения нравственности происходит постоянно, и важно, кто его «повивальная бабка».

Иногда клиенты ставят вопрос о религиозной принадлежности консультанта. Одно можем заметить, что явная атеистическая позиция обеих сторон скорее вредит терапии, но если она все же совпадает с обеих сторон, то тогда будут наиболее активно задействованы ресурсы «помоги себе сам», «ты в ответе за все», автономная саморегуляция. В случае наличия веры (в Бога, Разум, Мировой порядок и т.п.) гораздо легче работают интерпретации категорий базового доверия к миру,

безопасности, осмысленности и осмысления происходящего, принятия и прощения себя и других. Тогда легче искать ответы на вопросы: «Почему?» и «Для чего?». С глубоко религиозным человеком иногда лучше говорить на языке категорий «ближнего», «души», «греха», «милосердия», «терпения», «сострадания», «умеренности», «добра», «зла». Но здесь важен не внешне предписываемый моральный аспект, а внутреннее принятие, интериоризация морали. Встречаются случаи, когда гордыня воцерковленного человека такова, что разрушает его самого и окружающих, религиозность становится ярко выраженной формой проявления невроза. Иногда религиозность становится уходом в деспотичное морализаторство как способ манипулирования окружающими. Не веру, а именно ритуально-формальную религиозность имею в виду.

Важно распознавать мотивы психолога по отношению к своей деятельности. Не всегда они конструктивны, но важно, чтобы они осознавались в достаточной степени. Если говорить очень психоаналитически, это может быть и мотив «проникновения» в жизнь другого человека, такое подглядывание. Это может быть стремление позаботиться о другом, так как самому не хватало тепла и заботы: «сделать другому то, что ты хотел бы получить для себя» – один из ведущих мотивов психологической деятельности. Это может быть стремление избавиться от чувства вины по отношению к кому-то, обычно более беспомощному, которому не была оказана когда-то помощь. Это может быть материнский перенос – кормить и возвращать другого. Порой встречается мотив властвования, очень редко – садистический мотив. Что важно, независимо от мотива? Важно получать удовольствие от деятельности, сохранять интерес, эмпатию, участие к клиенту. Удовольствие от слушания, исследования, понимания, наблюдения, размышлений является необходимым для успешной и результативной помощи. Порой вы себя чувствуете исследователем, порой матерью, порой отцом. Вы становитесь отцом, в котором мирно существует и материнская нежность, через некоторое время вы становитесь матерью с отцовской склонностью к порядку и нормам. При этом вас никогда не покидает исследовательская субличность – кто-то же должен быть наблюдающим и анализирующим в процессе, быть тенью для проекций клиента. А еще, и это не секрет, ваш клиент еще вас же и исцеляет: работая с ним, вы прорабатываете что-то в себе. Но это не означает, что к терапии вы можете приступать сразу, не пройдя личной терапии. Пройти терапию необходимо в той парадигме, в которой вы собираетесь рабо-

тать. Провести можно не дальше, чем проходил сам.

О требованиях нейтральности и абстиненции в психологической помощи. Нейтральность не стоит понимать как механическое подавление своих эмоциональных переживаний, речь идет скорее об объективно-нейтральном анализе происходящего, и, разумеется, об отказе от каких-либо действий, к которым эти чувства могут побуждать консультанта. Это относительная анонимность аналитика, его ненавязчивость, «правило абстиненции». Иначе ключевая проблема так и не будет решена, а вы превратитесь либо в няню, либо в моралиста.

Ни в коем случае не следует понимать нейтральность как холодность, равнодушие, полную отстраненность. Речь идет об объективности и необходимом объеме эмпатийности, важно давать эмпатический ответ, это проявление сопереживания, но безоценочного. Простая отзывчивость и человечность не отменяются! Но степень нейтральности и эмпатийности варьируется в зависимости от уровня организации личности клиента. «Часто понятие аналитической нейтральности понимается неверно: аналитик пребывает в молчании, не отвечая и не объясняя что-либо пациенту в ответ на волнующие его вопросы. Холодность и дистанция не являются характеристиками нейтральности, особенно в отношении тех пациентов, которые страдают от ранних нарушений. Для них холодность и дистанция будут повторением их ранних травм» [10].

Прямолинейно понятая нейтральность может приводить к таким результатам: в одной из своих работ Ирвин Ялом упоминает о том, что единственным полезным для него моментом в его личном психоанализе были секунды, когда психоаналитик прикоснулась к его руке и выразила сожаление по поводу какой-то ситуации. Смысл нейтральности скорее в том, чтобы не вызывать реакций на себя, связанных с вашими идеалами, религиозностью, нравственными ценностями, с непрошенными советами. В аналитических отношениях действие запрещено, прикосновение тоже. Но эмпатию можно выразить вербально.

В зависимости от типа клиента и этапа терапии могут превалировать иногда интеллектуализация, а иногда именно процессы проживания и со-проживания аффективных состояний клиента (особенно на начальных этапах). Порой проживать состояния пациента вместе с ним важнее, чем реагировать на них. Это одно из умений можно назвать не только «быть рядом», а больше – «быть вместе», «я понимаю, как тебе больно», «это дей-

ствительно очень больно». Чем дефицитнее психика пациента, чем больше ранних травм, тем важнее аналитику на ранних этапах терапии быть принимающим «контейнером», быть аффективной живой фигурой-метафорой «достаточно хорошей матери».

Травмы ранние и поздние. Неосознаваемые решения. Травма хронологически могла возникнуть в любой возрастной период, если сила травмирующего воздействия была такова, что зафиксировала значительную часть психической энергии на той травме и в том возрасте, когда это произошло. Наш опыт помощи говорит, что бессознательные решения, «замораживающие» психику на точке и возрасте травмы, приводят к внутриличностному конфликту такой же силы, как и травмы раннего детства. Совместный поиск этих бессознательных решений порой может быть очень долгим, что собственно и предполагает психоаналитический процесс. Такая работа уже не является ответом только на предъявляемый запрос клиента, это скорее сотворчество, такое «сталкерство», в котором нет явной цели, но в какой-то момент то самое бессознательное решение открывается. И дальше уже процесс имеет более очевидную цель, по крайней мере, на какой-то период пути. Потом могут манифестироваться следующий симптом и конфликтная зона, может быть найдено следующее бессознательное решение, разрушающее жизнь клиента. То есть такое развертывание «кочана капусты», «коккона», «матрешки» – кому как нравится.

По поводу неосознаваемых решений приведу простой пример. В работе просматривается иррациональное суждение молодой женщины: «Я не имею права радоваться и быть счастливой» – оно не очевидно самому клиенту, но уже прослеживается психологом. Постепенно клиент приходит к открытию, что такое решение было им полуосознанно принято, когда умер его отец, а этому трагическому событию как раз предшествовало острое чувство радости. Происходит смерть, психика регрессирует, в том числе регрессирует интеллект к периоду алогичного мышления, возникает ложная связка – «после этого, значит вследствие этого». «Я была счастлива, и сразу умер отец, значит счастливой быть нельзя, так как из-за этого меня постигают несчастья».

Для того, чтобы психика могла освободиться от разрушительного решения, в некоторых случаях его достаточно распознать, в некоторых случаях максимально полно проработать ту ситуацию, в которой это решение возникло. Если мы говорим о смерти – здесь должна быть завершена работа горя, связанная с потерей значимой фигуры, потери отношений.

Внутренняя концепция психолога о личностной зрелости. На основе параметров интегрированной личности, предложенных во второй версии «Операционализированной психодинамической диагностики» (ОПД-2) [11], можно назвать ряд из них.

Таблица 3

Оптимальные параметры интегрированной личности

Оптимальные механизмы защиты	Общее функционирование
принятие, альтруизм, ожидание, юмор, самоутверждение, самонаблюдение, сублимация, подавление	широкий диапазон активности, жизненные проблемы не выглядят как вышедшие из-под контроля, другие люди вступают с ним в отношения, социально эффективен, в целом удовлетворен своей жизнью

Оптимальные параметры межличностных отношений и поведения человека. Важные темы и аспекты отношений для корректирующей работы [11, с. 386]: предоставлять место другим и позволять им делать то, что они хотят; свободно и независимо развиваться в присутствии других; признавать других и их ценности; уместно представляться (самопредъявление) другим в выгодном свете; проявлять привязанность к другим; вовлекаться, когда другие проявляют привязанность; адекватно заботиться о других, беспоко-

иться; проявлять потребность доверять, полагаться на других; направлять других в соответствии с ролью, лидировать; соответствовать роли, соглашаться; адекватно приписывать ответственность другим за их вину; адекватно принимать собственную вину; адекватно проявлять отказ и агрессию; адекватно защищать себя от атак/опасностей; адекватно устанавливать контакт с другими; быть адекватно открытым в контакте с другими при наличии хороших границ

Ниже приведенная таблица темы отношений и дисфункциональных вариантов по ОПД-2 [11] в нашей обработке позволит психологу оценить сферы проблем в отношениях и их поведенческие

и аффективные проявления (патологическую ориентацию). Нумерация вариантов идет по строке от 1 до 5 по усилению признака (3 соответствует оптимальному проявлению).

Таблица 4

Темы отношений и дисфункциональные варианты

Тема отношений	Дисфункциональные варианты «слишком мало»	Оптимальный вариант («функциональная норма»)	Дисфункциональные варианты «слишком много»
Автономия	1. Не предоставлять место другим, опекавать (патронировать) их 2. Ограничивать пространство других, вмешиваться	3. Предоставлять пространство другим, позволять им делать то, что хотят	4. Предоставлять больше места другим 5. Позволять другим со всем справляться самим
Независимость, требование своего места	1. Постоянно искать руководства от других 2. Избегать независимости, автономности	3. Свободно и независимо развиваться в присутствии других	4. Требовать большого пространства и независимости для себя 5. Делать все независимо и совершенно по-своему
Признание других	1. Абсолютно унижать, зло критиковать других 2. Обесценивать и смущать других	3. Признавать других и их ценности	4. Восхищаться и особенно признавать других 5. Идеализировать других, совсем их переоценивать
Самоутверждение	1. Полностью обесценивать и отрицать себя 2. Обесценивать и унижать себя	3. Уместно представляться другим в выгодном свете	4. Требовать к себе большего уважения 5. Постоянно важничать, хвататься, делать себя центром внимания
Проявление привязанности	1. Лишать других привязанности 2. Сильно лишать других привязанности	3. Проявлять привязанность к другим	4. Агрессивно проявлять привязанность 5. Преследовать других своей привязанностью
Принятие привязанности	1. Убегать, когда другие проявляют привязанность 2. Сдерживаться, когда другие проявляют привязанность	3. Вовлекаться, когда другие проявляют привязанность	4. Быстро вовлекаться, когда другие проявляют привязанность 5. Теряться, когда другие проявляют привязанность
Забота	1. Полностью пренебрегать, оставлять (бросать) других 2. Мало заботиться, пренебрегать другими, игнорировать	3. Адекватно заботиться о других, беспокоиться	4. Слишком заботиться и беспокоиться о других 5. Постоянно заботиться и беспокоиться о других
Надежда на других, доверие	1. Рассчитывать только на себя, не нуждаться в поддержке 2. Демонстрировать мало потребностей, слабо полагаться на других	3. Проявлять потребность доверять, полагаться, надеяться на других	4. Проявлять очень сильную потребность полагаться на других 5. Цепляться, сильно уповать на других
Направление других	1. Стесняться как-либо влиять на других 2. Скорее избегать влияния на окружающих, мало направлять других	3. Направлять других в соответствии с ролью, лидировать	4. Контролировать и требовать, трудно ему угодить 5. Сильно контролировать и требовать, очень трудно ему угодить
Приспособление	1. Сильно сопротивляться, защищать любое правило 2. Быстро сопротивляться, с удовольствием бросать вызов другим	3. Соответствовать роли, соглашаться, умеренно приспособливаться	4. Быстро приспособливаться, сдерживаться 5. Полностью подчиняться, капитулировать, смиряться

Тема отношений	Дисфункциональные варианты «слишком мало»	Оптимальный вариант («функциональная норма»)	Продолжение табл. 4 Дисфункциональные варианты «слишком много»
Приписывание ответственности	1. Избегать всех упреков, постоянно прощать других 2. Скорее избегать упреков, прощать других	3. Адекватно приписывать ответственность другим за их вину	4. Быстро упрекать, часто обвинять других 5. Постоянно обвинять других и жаловаться
Признание вины	1. Полностью отклонять любую вину 2. Быстро отклонять вину	3. Адекватно принимать собственную вину	4. Быстро принимать вину 5. Постоянно принимать на себя обвинения во всем
Демонстрация агрессии	1. Стесняться проявить любую агрессию 2. Гармонизировать, избегать агрессии	3. Адекватно проявлять отказ и агрессию	4. Быстро проявлять агрессивность, нападать на других 5. Агрессивно угрожать, атаковать, повреждать, наносить вред другим
Самозащита	1. Регулярно подвергать себя опасности и незащищенности 2. Не понимать и пропускать незначительную опасность	3. Адекватно защищать себя от атак/опасностей	4. Быть очень осторожным из-за опасения нападения 5. Постоянно быть настороже из-за страха нападения
Установление контакта	1. Игнорировать границы других, бестактно навязываться 2. Чрезмерно приближаться к другим, быть бестактным	3. Адекватно устанавливать контакт с другими	4. Мало интересоваться и легко не замечать окружающих 5. Быть совершенно не внимательным и игнорировать других
Позволение контакта	1. Полностью открываться другим, принимать все 2. Иметь некоторые границы в контактах с другими	3. Быть адекватно открытым в контакте с другими при наличии хороших границ	4. Отстраняться, воздерживаться от контакта 5. Отстраняться, изолировать от других и от жизни

Как бы не трансформировались парадигмы помощи, надеюсь, интерперсональные отношения в психологической работе останутся независимо от метода работы. Вы можете называть себя коучем, позитивным психологом, тренером, консультантом, но ничто не отменит эмпатию, эмоции, чувства, телесные ощущения, которые у нас возникают в любом взаимодействии. И ничто не мешает нам эти состояния использовать в оказании психологической помощи. Самопринятие, позитивные коммуникации и отношения, автономность, осмысленность, вовлеченность в жизненную активность, генерирование светлых и чистых эмоций (К. Рифф, М. Селигман) – не всегда осознаваемая, но подлинная цель любого вида помощи.

Встреча с «Другим» должна состояться чтобы: позволить себе просто быть и быть самим собой; чувствовать себя в безопасности и доверять жизни; иметь право на свои чувства, потребности, действия; уметь при необходимости обращаться за помощью; уметь принимать и проявлять любовь и заботу; признавать свободу другого быть тем, кем он хочет быть; иметь право выбирать и брать ответственность за себя; признавать ценность самого себя без страха, стыда и вины. Какая радость

слышать в конце Встречи: «Я стал легче... Я стал выше... Я стал больше... Вокруг стало светлее...»

Библиографический список

1. Бауман, З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994/
3. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер. // Квинтэссенция: Филос. альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992.
4. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992.
5. Дубровский, Д.И. Об идеологии и психологии постмодернизма [Электронный ресурс] / Д.И. Дубровский. – Режим доступа: www.isprras.ru/pics/File/postmodern/Dubrovski.pdf. (дата обращения: 09.05.2015).
6. Зиновьева, Д.М. Девиантное поведение детей и подростков как симптом психологического неблагополучия современной России [Текст] / Д.М. Зиновьева // Философия социальных коммуникаций. – 2011. – № 3. – С. 161–173.
7. Лейнер, Х. Основы глубинно-психологической символики [Текст] / Х. Лейнер // Сим-

волдрама: сборник научных трудов Е.К. Агеенковой, Т.Б. Василец, И.Е. Винова и др.; под ред. Я.Л. Обухова и В.А. Поликарпова. – Минск, 2001.

8. *Лиар, Д.* Детский юнгианский психоанализ [Текст] / Д. Лиар. – М.: «Когито-Центр», 2008.

9. *Мясищев, В.Н.* Личность и неврозы [Текст] / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

10. *Немировский, К.* Винникотт и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства [Текст] / К. Немировский. – М.: Когито-Центр, 2010. – 217 с.

11. Операционализируемая психодинамическая диагностика (ОПД)-2. Руководство по диагностике и планированию терапии [Текст]. – М., 2011. – 454 с.

12. *Павлоцкая, Я.И.* Психологическое благополучие в контексте системы отношений личности [Текст] / Я.И. Павлоцкая // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 14. – С. 28–31.

13. Панические атаки. Гештальт-терапия в единстве клинических и социальных контекстов [Текст] / под ред. Франчесетти Дж. – М., 2015. – 264 с.

14. *Пелевин, В.* Числа [Текст] / В. Пелевин. – М., 2006.

15. *Петровский, А.В.* Индивид и его потребность быть личностью [Текст] / А.В. Петровский, В.А. Петровский // Вопросы философии. – 1982. – № 3.

16. *Погодин, И.А.* Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер [Текст] / И.А. Погодин // Московский психотерапевтический журнал. – 2008. – № 4. – С. 179–192.

17. *Прохазка, Дж.* Системы психотерапии. Для консультантов, психотерапевтов и психологов [Текст] / Дж. Прохазка, Дж. Норкросс. – СПб., 2007. – 383 с.

18. *Рождественский, Д.С.* Начало психоаналитического процесса [Текст] / Д.С. Рождественский. – СПб., Б&К, 2006. – 112 с.

19. *Рождественский, Д.С.* Психоанализ в XXI столетии: футурологический прогноз [Текст] / Д.С. Рождественский // Вестник психоанализа. – 2010. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.russia.ecpp.org/node/1515 (дата обращения: 09.05.2015).

20. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2003. – 512 с.

21. *Селигман, М.* Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия [Текст] / М. Селигман. – М., 2013. – 440 с.

22. *Стерн, Д.* Межличностный мир ребенка: взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития [Текст] / Д. Стерн. – СПб., 2006. – 376 с.

23. *Труевцев, Д.В.* Проблемы психологии личности в эпоху постмодерна [Текст] / Д.В. Труевцев, П.Р. Юсупов // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – № 2 (20). – С. 27–31.

24. *Фихте, И.Г.* Несколько лекций о назначении ученого [Текст] / И.Г. Фихте // Соч. в 2-х томах. – СПб.: Мифрил, 1993.

25. *Юревич, А.В.* Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема [Текст] / А.В. Юревич // Психологический журнал. – № 3. – Том 35. – 2014. – С. 68–77.

26. *Янчук, В.А.* Введение в современную социальную психологию [Текст] / В.А. Янчук. – Мн., 2005. – 768 с.

27. *Янчук, В.А.* Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии [Текст] / В.А. Янчук // Методология и история психологии. – 2006. – т. 1. – вып. 1. – С. 193–206.

УДК 159.9.07
ББК 88.52

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

М.С. Игонина

Аннотация. В статье рассматриваются особенности совладающего поведения подростков в сложной ситуации. Проводится анализ эмпирического исследования выбора копинг-стратегий подростками при взаимодействии с людьми другой этнической культуры. В межкультурном взаимодействии подростки способны конструктивно находить выход из проблемной ситуации. Большинство подростков акцентируют выбор на стратегиях, что направлены на поиск социальной поддержки, стремление к принятию ответственности за свои поступки и мысли. Не являются значимыми в поведении подростков и имеют небольшой выбор копинг-стратегии, ориентированные на конфронтацию поведения и стратегии, требующие эмоционального реагирования. Выделяются причины выбора адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий. Важными факторами, которые свидетельствуют об адаптивности или неадаптивности выбираемых стратегий поведения, являются значимость данной ситуации для человека, а также уровень развития внутренней ресурсной системы личности.

Ключевые слова: копинг-стратегии, подростковый возраст, этнос, сложная ситуация, адаптивные копинг-стратегии.

FEATURES OF COPING-STRATEGY AMONG ADOLESCENTS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

M.S. Igonina

Abstract. The paper presents features of the coping behavior of teenagers in a difficult situation. The analysis of empirical studies of coping – strategies used by adolescents when interacting with people of a different ethnic culture has been carried out. In intercultural interaction adolescents are able to constructively find solutions to problem situation. Most teenagers concentrate on strategies that are directed on search for social support, aspiration to accept responsibility for the acts and thoughts. Coping strategies focused on the confrontation of conduct and strategies requiring emotional response are not significant in the behavior of adolescents and have a small part in it. The author justifies the use of adaptive and not adaptive coping strategies. The significant factors relevant to adaptability or not adaptability of the chosen strategy of behavior are the importance of this situation to the person, and also a level of development of internal personal resource system.

Keywords: coping-strategy, teenage age, ethnos, difficult situation, adaptive coping-strategy.

Сталкиваясь в повседневной жизни с необходимостью взаимодействия с представителями другой этнической культуры, подростки иной культуры зачастую не понимают поступков и истинных мотивов своих собеседников. Ввиду особенностей подросткового возраста – изменение ценностной картины мира, поиск самоутверждения и социального одобрения – партнер по взаимодействию рассматривается наиболее критично. Разногласия могут возникнуть в любой ситуации и затрагивать любые темы. К примеру, непонимание традиций другого народа или нежелание их понимать, а также навязанный социальный стереотип являются ключевыми моментами, которые сопровождаются столкновением интересов, что может привести к агрессивным действиям с любой стороны конфликта.

Выйти из сложной ситуации подростки стремятся различными способами: кто-то прибегает к прошлому опыту взаимодействия, кто-то к поддержке близких, помощи социума, а кто-то вообще не готов к данной ситуации и стремится уйти из нее, отвлечься чем-то более привычным. Подобные действия говорят о применении подростками адаптивных или неадаптивных копинг-стратегий в межкультурном взаимодействии, которые направлены на снижение вредных факторов конфликта и преодоление стрессовых ситуаций. То есть успешность/неуспешность выхода из сложной ситуации зависит от внутренних ресурсов человека, осознанных стратегий.

В настоящее время в отечественной психологии проблема копинг-поведения активно разрабатывается (Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Л. И. Анцыферова, В. А. Бодров, С. К. Нартова-

Бочавер, К. Муздыбаев, Р. М. Грановская, И. М. Никольская, Т. Л. Крюкова, А. В. Либин и др.). Но, несмотря на многочисленность исследуемых вопросов преодоления личностью стрессовых и критических ситуаций в подростковом возрасте, к сожалению, мало работ, посвященных особенностям проявления (выбора) копинг-стратегий в межкультурном общении. Поэтому, чтобы прояснить вопрос о том, какие же копинг-стратегии выбирают подростки при взаимодействии с другими этносами, было проведено эмпирическое исследование. В эксперименте принимали участие 205 подростков разной этнической принадлежности – это обучающиеся 8–9 классов (14–15 лет) общеобразовательных школ г. Ртищева Саратовской области.

Для выявления выбора копинг-стратегий поведения подростков в исследовании были использованы методики: «Копинг-тест Лазаруса», «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхан). «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой).

По результатам методики «Копинг-тест Лазаруса», предназначенной для определения копинг-стратегий и способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, было выявлено следующее: 26 % обучающихся готовы проявить ответственность за решения и мнения в сложной ситуации, а также признать свою роль в проблеме с сопутствующими предложениями ее решения. Более 21 % подростков нуждаются в социальной поддержке при принятии решения и около 20 % планируют решение проблем, включая аналитический подход к данной ситуации.

При этом часть подростков не готовы к мгновенному принятию решения и не готовы к конструктивному разрешению проблем: 13% – указывают на пункт «бегство-избегание», 20% – «дистанцирование». Данные поведенческие стратегии носят дезадаптивный характер и влияют на формирование псевдосовладающего поведения. Использование данных стратегий скорее говорит о низком развитии личностно-средовых копинг-ресурсов, недостаточности опыта и навыков активного разрешения проблем. Но стоит отметить, что в некоторых случаях эти стратегии могут носить и адаптивный характер – в зависимости от стрессовых ситуаций, возраста, ресурсной базы личности.

Результаты по методике «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхан) дополнили сведения по первой методике. Данный опросник позволяет определить, какими поведенческими стратегиями руководствуется человек в данной ситуации: стра-

тегиями разрешения проблем, стратегиями поиска социальной поддержки или стратегиями избегания.

Удалось выяснить следующее: 34% опрошенных выделяют шкалу «разрешение проблем», то есть готовы использовать имеющиеся у них личностные ресурсы для поиска различных способов решения проблемы. При этом следует отметить, что при качественной обработке результатов небольшое количество подростков готово применить неконструктивные, а более агрессивные действия в сторону собеседника.

Около 34% опрошенных указывают на шкалу «избегание проблем». Данная поведенческая стратегия говорит о том, что подросткам еще трудно осознать ответственность за происходящие события, и они стремятся как можно быстрее вернуться в свое комфортное состояние, уйти от решения проблем, избежать контакта с окружающей действительностью. При этом сами стратегии могут быть как пассивными (просмотр телевизора, уход в болезнь), так и более активные (например, суицид). Если говорить об адаптивности данной стратегии, то все зависит от конкретной ситуации и ее участников.

Почти такие же результаты были получены по шкале «поиск социальной поддержки» – 32 %. Подростки, что выделяют данную стратегию, часто стремятся за помощью и поддержкой к социуму: семье, друзьям или значимым другим.

Данные результаты показывают, какие стратегии подростки предпочитают использовать в данном случае, но на практике человек может использовать все три вида поведенческих стратегий, выделяя их по значимости в конкретный жизненный период или комбинируя друг с другом.

Результаты по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой) позволяют более подробно рассмотреть выбор копинг-стратегий подростками, которые проявляются в трех сферах: когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

Около 32 % подростков в сложной ситуации с представителями другой этнической культуры предпочитают использовать стратегии, ориентированные на решение (выявлено преобладание повышенного уровня). В подобных ситуациях подростки стремятся сосредоточиться на проблеме, подумать, проанализировать и принять наиболее оптимальное решение.

Примерно такой же процент (около 32 %) используют стратегии, ориентированные на эмоции (выявлен средний уровень). Поведение подростка в данном случае может выражаться по-

разному: погружение в эмоциональные переживания по поводу сложившейся ситуации, внутренняя напряженность, растерянность, беспокойство, сосредоточенность на своих общих недостатках. Качественный анализ методики показал, что именно эти критерии для многих оказались значимыми.

Выбор по шкале «копинг, ориентированный на избегание» составил около 37 % (преобладание повышенного уровня). То есть большинство подростков ориентированы на избегание выхода из стрессовой ситуации, достаточно мотивированное стремление думать о чем-то еще, отвлечься на отдых, общение, любимые занятия.

Для уточнения полученных результатов был использован критерий Хи-квадрат. По уровню значимости все выбранные стратегии были разделены на три группы:

1) стратегии, которые не являются значимыми в поведении подростков и имеют низкие показатели: шкала «конфронтационный копинг» (7,00) – выбирают 34 чел.; шкала «избегание проблем» (19,00) – выбирают 31 чел.; шкала «копинг, ориентированный на эмоции» (39,00) – выбирают 14 человек.

2) стратегии, которые являются значимыми в поведении подростков, но не в достаточной мере и имеют средние показатели: шкала «дистанцирование» (11,00) – выбирают 42 чел.; шкала «поиск социальной поддержки» (10,00) – выбирают 43 чел.; шкала «планирование решения проблем» (9,00) – выбирают 45 чел.; шкала «положительная переоценка» (12,00) – выбирают 34 чел.; шкала «поиск социальной поддержки» (20,00) – выбирают 27 чел.; шкала «копинг, ориентированный на избегание» (44,00) – выбирают 18 человек.

3) стратегии, которые являются наиболее значимыми в поведении подростков и имеют высокие показатели: шкала «самоконтроль» (12,00) – выбирают 37 чел.; шкала «принятие ответственности» (8,00) – выбирают 55 чел.; шкала «бегство-избегание» (14,00) – выбирают 37 чел.; шкала «разрешение проблем» (22,00) – выбирают 31 чел.; шкала «копинг, ориентированный на решение» (56,00) – выбирают 14 человек.

Таким образом, психологическая значимость копинга заключается в том, чтобы эффективнее адаптировать личность к условиям и требованиям ситуации, позволяя справиться с ней, смягчить или ослабить эти требования, постараться уйти или привыкнуть к ним и, как следствие, снизить, погасить стрессовое действие ситуации. Исходя из анализа полученных данных, можно сказать, что подростковый возраст весьма противоречивый период становления личности, но, несмотря на эти особенности, в межкультурном взаимодействии подростки способны конструктивно находить выход из проблемной ситуации. Большинство подростков акцентируют выбор на стратегиях «принятие ответственности», «поиск социальной поддержки», «самоконтроль». Часть испытуемых выбирают неадаптивные копинг-стратегии: «бегство-избегание», «копинг, ориентированный на избегание», «дистанцирование». Важными факторами, которые свидетельствуют об адаптивности или неадаптивности выбираемых стратегий поведения, являются значимость данной ситуации для человека, а также уровень развития внутренней ресурсной системы личности. Все это говорит о том, что особенности проявления копинг-стратегий в межкультурном взаимодействии требует более тщательного изучения этой проблемы в психологической науке.

Библиографический список

1. Богомаз, С.А. Различия в выборе копинг-стратегий лицами с разной склонностью к манипулятивному поведению [Текст] / С.А. Богомаз, А.Л. Филоненко // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 10. – С. 122–126.
2. Быкасова, Н.И. Сравнительный анализ копинг-стратегий у старших подростков с разным уровнем успеваемости [Текст] / Н.И. Быкасова, Е.А. Калягина // Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. «Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии». – № 12 (35). – Часть II. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 81–88.

УДК 159.9.07
ББК 88.52

ОКАЗАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СПЕЦИАЛИСТОМ-ПСИХОЛОГОМ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

В.В. Крутова

Аннотация. При проведении допроса с участием несовершеннолетнего лица (потерпевшего, свидетеля), не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Специалист, участвующий в следственном действии, должен иметь специальные познания в области возрастной психологии, психологии общения, а также иметь представление о следственных действиях, об особенностях дачи показаний свидетелями, потерпевшими на различных возрастных этапах. Поскольку задачами специалиста в ходе следственного действия являются установление и поддержание психологического контакта, учет индивидуально-психологических особенностей ребенка, в ходе допроса с целью оптимизации процесса дачи им показаний, минимизации степени психотравмирующего воздействия в связи с актуализацией в памяти ребенка событий криминальной ситуации, на наш взгляд, наиболее целесообразным является привлечение специалиста-психолога. В данной статье рассматриваются задачи, которые ставятся перед специалистом-психологом в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетних лиц, анализируются возрастные особенности несовершеннолетних (малолетних) лиц, которые необходимо учитывать при даче ими показаний, а также рассматриваются типичные ошибки, которые встречаются в практической деятельности специалистов.

Ключевые слова: следственное действие, специалист-психолог, возрастные особенности, психологический контакт.

FORENSIC PSYCHOLOGIST IN INVESTIGATIVE PROCESS INVOLVING MINOR CHILDREN

V.V. Krutova

Abstract. Either a psychologist or a teacher must participate in investigative actions both with children and juveniles under 16 years old (victims or witnesses) and juveniles of 16 years old who have a mental disorder or intellectual disabilities. This specialist has to have good knowledge in the developmental psychology, Psychology of communication, to understand what investigative process itself implements, how the age of victims or witnesses influences their capacity to give testimony and its particular features. The author is of the opinion that it's reasonable to invite an expert to participate in this kind of investigative actions in order to help establishing and maintaining psychological contact and keep up the attention of minor victims or witnesses, to take into consideration children's or juveniles' age-related and individual psychological features, to optimize the way of an investigative process, to reduce upsetting memories due to a psychological trauma induced by the illegal events. The article deals with the problems which are solved by a forensic psychologist in the investigative process involving minor children. Some age-related particularities of minors that have to be considered in a moment when they give their testimonies are pointed out. Special attention is paid to typical mistakes of practicing forensic psychologists involved in investigative actions.

Keywords: judicial investigation, forensic psychologist, age-related particularities, psychological contact.

Предварительное следствие по уголовным делам производится с целью установления объективной и субъективной стороны преступления, а также лица, совершившего данное преступление, которые устанавливаются путем сбора доказательств. Одним из доказательств по уголовному делу являются допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, специалистов, экспертов. Допрос несовершеннолетних (малолетних) лиц проводится в соответствии с требованиями ст. 191 УПК РФ. При проведении допроса с участием несовершеннолетнего лица (потерпев-

шего, свидетеля), не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Таким образом, в законе не регламентируется, кто именно должен принимать участие в допросе в качестве специалиста – педагог или психолог. На сегодняшний день во-

прос о целесообразности участия в следственном действии педагога или психолога остается открытым. Некоторые авторы отдают предпочтение при производстве следственных действий специалисту-психологу (Н.А. Курмаева, Э.Б. Мельникова и др.). Существует достаточно большое количество статей, в которых авторы высказываются о нецелесообразности участия в следственном действии педагога. И.В. Гецманова, С.Г. Любичев, А.Н. Попов предлагают исключить участие педагога из допроса несовершеннолетних лиц. Так, С.Г. Любичев аргументирует это тем, что участие педагога в ходе производства следственных действий было необходимым в связи с отсутствием специалистов-психологов, а в настоящее время такой проблемы уже нет.

В УПК РФ также не закреплены критерии, которыми следует руководствоваться при выборе конкретного специалиста-психолога или специалиста-педагога для участия в допросе несовершеннолетнего лица. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

На практике в следственных действиях с участием несовершеннолетних лиц зачастую принимают участие учителя школ, психологи, не имеющие никакого представления о производстве следственного действия, о роли, которая им отводится в ходе производства следственного действия, у них имеются познания в области возрастной психологии, однако отсутствуют познания в области юридической психологии, а иногда и в области социальной психологии. В итоге такие специалисты не способны оказать необходимую помощь следствию в ходе производства следственного действия, зачастую их роль сводится к формальному участию в допросе, при котором они выступают в роли пассивных наблюдателей. В некоторых случаях неподготовленные к участию в следственных действиях специалисты-педагоги или специалисты-психологи, напротив, препятствуют производству допроса. Так, в ходе допроса они могут задавать вопросы, носящие характер внушающего воздействия, допускать оценки произошедшего или личности несовершеннолетнего, обращаться с вопросами к законному представителю по поводу поведения ребенка, делать крити-

ческие замечания относительно вопросов воспитания, пытаться определять ход следственного действия. Подобное поведение не только не способствует установлению контакта с несовершеннолетним, созданию благоприятного климата в ходе допроса, но и, напротив, приводит к нежеланию несовершеннолетнего лица рассказывать о событиях, имеющих значение для следствия, а в некоторых случаях – к сообщению недостоверных сведений.

Из материалов уголовных дел (допросов несовершеннолетних лиц):

(...) Допрашиваемая: Ну, я только вы... вы-бежала из туалета.

Специалист-педагог: Он же был пьяный, да?

Допрашиваемая: Ну, да.

Специалист-педагог: Поэтому он не мог тебя догнать?

Допрашиваемая: (кивает).

(...) Специалист-педагог: Тебе было больно?

(...) Специалист-педагог: Мама, помолчите, пожалуйста.

(...) Специалист-педагог: Нужно сейчас решить вопрос по допросу, и законного представителя надо поменять, чтоб мама тут вот так не выкрикивала.

В связи с этим в ходе производства следственного действия должны принимать участия специалисты, имеющие специальные познания не только в области возрастной психологии, психологии общения, но и имеющие представления о следственных действиях, об особенностях дачи показаний свидетелями, потерпевшими на различных возрастных этапах. Поскольку задачами специалиста являются установление и поддержание психологического контакта, учет индивидуально-психологических особенностей ребенка, в ходе допроса с целью оптимизации процесса дачи им показаний, минимизации степени психотравмирующего воздействия в связи с возвращением ребенка к событиям криминальной ситуации, на наш взгляд, наиболее целесообразным является привлечение специалиста-психолога. В ходе производства следственного действия задача специалиста-психолога – оказать помощь следствию. Специалисту-психологу необходимо перед производством допроса ознакомиться с материалами уголовного дела, расспросить об особенностях поведения ребенка, если следователь ранее уже опрашивал ребенка либо проводил следственные действия с его участием. На этапе подготовки к допросу специалист-психолог может давать консультации относительно особенностей поведения детей данного возраста, какие способы установле-

ния контакта можно использовать, как лучше сформулировать вопросы, которые предполагается задать в ходе допроса.

В ходе производства допроса задача специалиста-психолога состоит в установлении и поддержании психологического контакта, устранении психологических барьеров, а также оказании помощи следователю при постановке вопросов перед допрашиваемым лицом, изменение формулировки вопроса в случае, если ребенок в силу своего возрастного развития, интеллектуального развития не способен его понять.

В ходе участия в допросе несовершеннолетних лиц специалист-психолог должен учитывать возрастные особенности ребенка при даче им показаний.

Дошкольный возраст. В возрасте от 3 до 5 лет у ребенка преобладает непреднамеренное восприятие, восприятию свойственна фрагментарность, малая детализированность, внимание неустойчиво, ребенок легко отвлекается, преобладает произвольное запоминание, мышление конкретно, ребенок способен лишь к элементарным обобщениям, не способен устанавливать причинно-следственные связи. В данном возрасте ребенок отличается высокой внушаемостью, ребенок способен рассказывать о фактической стороне событий в диалоговой форме, поэтому в ходе допроса очень важно, поддерживая диалог с ребенком, исключить вопросы, которые могут носить характер не только прямого внушающего воздействия, но и косвенного.

В возрасте от 5 до 7 лет у ребенка происходит повышение уровня осмысленности восприятия, ребенок способен к целенаправленному наблюдению в процессе деятельности, внимание произвольное, однако происходит повышение устойчивости внимания, прочности запоминания, ребенок способен к простым обобщениям, классификациям, способен устанавливать очевидные причинно-следственные связи, начинается развитие элементов монологической речи. Ребенок способен строить предложения, однако основной формой рассказа все еще является диалог.

Если в отношении ребенка совершены действия сексуального характера, то ребенок не понимает внутреннего содержания произошедших событий, то есть он не понимает характер и значение совершенных в отношении него действий, соответственно, ребенок не испытывает переживания в отношении себя. У ребенка могут возникать переживания, страхи, вызванные не нанесенной травмой, а болевыми ощущениями или оценкой родителями произошедших событий, оценкой поведения ребенка. В данном возрасте ребенок ори-

ентирован на значимых, близких людей (родителей, близких родственников и т.п.), присутствующих рядом с ними, ребенок отображает эмоции значимого человека. Если родители встревожены, испуганы или взволнованы, ребенок закрывается, перестает рассказывать об исследуемых событиях, плачет. Важно перед началом допроса побеседовать с законным представителем ребенка (как правило, это мать или отец), снизить уровень его тревоги, стресса, объяснить необходимость сохранения спокойствия, поддержки ребенка в ходе допроса.

В данном возрасте у ребенка не сформировано представление о времени, он еще не способен понимать временные промежутки, поэтому в ходе допроса необходимо наполнить для него конкретным содержанием все части суток, чтобы обозначить для него возможность узнавания их по тем или иным конкретным признакам.

Младший школьный возраст. В возрасте от 7 до 11 лет восприятие у ребенка целостное, ребенок способен к целенаправленному наблюдению, детализированному восприятию, способен к произвольному вниманию, интенсивно развивается произвольное запоминание, происходит развитие прочности запоминания, ребенок способен к обобщениям, классификации, сравнению понятий, выделению главного и второстепенного, появляются навыки рассуждения, способен устанавливать простые причинно-следственные связи, могут возникать некоторые трудности при установлении неочевидных причинно-следственных связей, интенсивно развивается монологическая речь. В этом возрасте ребенок уже способен рассказать о произошедших событиях, однако необходимо поддерживать диалоговую форму, направлять рассказ ребенка. В данном возрасте ребенок также отличается высокой внушаемостью, поэтому в ходе допроса необходимо исключить вопросы, которые могут носить характер не только прямого внушающего воздействия, но и косвенного.

Ребенок имеет поверхностное представление о взаимоотношении полов, однако социального значения действий сексуального характера он не способен понимать. На данном этапе ребенок осознает, что с ним случилось что-то плохое. Ребенок в этом возрасте может стесняться рассказывать о случившихся с ним событиях, бояться реакции взрослого на произошедшее, может опасаться, что его будут ругать. При этом следует отметить, что ребенок молчит, отказывается рассказывать о произошедших событиях, если он получил негативную информацию о том, что с ним случилось. Необходимо установить доверительные отношения с ребенком, сообщить ему, что в

случившемся нет его вины. Процесс установления психологического контакта может занять длительное время. В данном возрасте дети легко выполняют рисуночные задания, поэтому они могут являться не только средством диагностики, но и средством установления доверительных отношений. Если ребенок отказывается рассказывать о произошедшем, ему можно предложить письменное отвечать на вопросы.

Подростковый возраст. Восприятие подростка отличается целостностью, структурностью, развито произвольное внимание, подросток способен запоминать информацию, сохранять ее в памяти, способен выделять главное и второстепенное, размышлять, устанавливать причинно-следственные связи, в том числе неочевидные. В возрасте от 12 до 14–15 лет у ребенка происходит развитие всех познавательных процессов, усиление самосознания, проявление чувства долга и ответственности. Подросток старается проявить самостоятельность, подражать взрослым, но в силу возрастных особенностей психики не всегда правильно воспринимают поступки людей. Поэтому иногда встречаются случаи, когда подросток одобряет отрицательные действия морально неустойчивых людей. В этом возрасте у подростка сильно развиты такие чувства, как самоуверенность, чувствительность к замечаниям окружающих, неспособность критически оценивать свои поступки. В целом подросток уже способен рассказать о произошедшем, однако для формирования целостной картины, восстановления последовательности ему необходима помощь взрослого, направленная на активацию его воспоминаний.

Мышление старшеклассника приобретает ряд новых существенных особенностей, заключающихся в развитии теоретического мышления, связанного с высоким уровнем абстракции и обобщения обоснованности выводов. Усиливается тенденция к доказательности и логической аргументации тех или иных положений. Подросток в возрасте от 14–15 лет до 18 лет находится в процессе интенсивного развития личности, он стремится к самоутверждению, часто преувеличивает свои возможности, он активен, легко возбудим, мировоззрение еще не сформировалось полностью, ему трудно провести грань между смелостью и лихачеством, мужественностью и агрессивностью, порядочностью и ложным геройством. Подростку свойственно ощущение непонимания

со стороны общества, он ищет поддержку среди сверстников.

У подростка затруднены последовательность рассуждений и обоснование отдельных положений, возникающих в ходе рассуждений, выражающиеся в пропуске отдельных звеньев доказательств, введении лишних смысловых звеньев.

Ребенок в данном возрасте способен понимать характер и значение совершаемых в отношении него действий сексуального характера. В подростковом возрасте ярко выраженной является реакция сопротивления, которая проявляется в нежелании рассказывать о случившихся событиях, особенном часто это реакция встречается у мальчиков. Сопротивление выражается в стеснении, в уходе от темы. В данном возрасте ребенок зачастую сильно переживает, плачет. Очень важно при работе с подростком установить эмоциональный контакт, убедить ребенка в том, что его никто не осуждает, что никто не будет его воспитывать, критиковать его действия, учить его. Необходимо взаимодействовать с ребенком на равных.

Библиографический список

1. Долгова, А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних [Текст] / А.И. Долгова. – М., 1981.
2. Крутова, В.В. Особенности работы с лицами, подвергшимися сексуальному насилию / В.В. Крутова // Педагогика и психология: тренды, проблемы, актуальные задачи [Текст]: материалы IV Международной научно-практической конференции. 22 августа 2013 г.: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2013. – 240 с.
3. Крутова, В.В. Медиативные функции психолога в уголовном процессе по делам несовершеннолетних / В.В. Крутова, В.Н. Тронева // Судебная реформа 1864 года: ренессанс научного и практического интереса [Текст]: материалы международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015.
4. Коченов, М.М. Психология допроса малолетних свидетелей [Текст]: методическое пособие / М.М. Коченов, Н.Р. Осепова. – М., 1984.
5. Ситковская, О.Д. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе [Текст] / О.Д. Ситковская, Л.П. Кобышева. – М., 2001.

УДК 159.9.072.432
ББК 88.5

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

А.В. Терентьев

Аннотация. В данной статье рассматривается роль эмоционально зависимых отношений в формировании готовности к семейной жизни молодых людей. Даются определения эмоционально зависимых отношений, готовности к семейной жизни, роли детско-родительских отношений в формировании готовности к семейным отношениям молодых людей. Рассматриваются имеющиеся на данный момент определения готовности к семейным отношениям в отечественной психологии, а также модель эмоционально зависимых отношений (треугольник Карпмана). Дается описание влияния эмоционально зависимых отношений на формирование готовности к семейным отношениям. Кратко рассматриваются причины кризиса семьи в современном мире. Приводится авторское определение готовности к семейным отношениям с более подробной расшифровкой каждого компонента готовности. Приводятся данные исследований эмоционально зависимых отношений у студентов вузов, показывающие влияние эмоционально зависимых отношений на представление молодых людей о браке и берущие начало в детско-родительских отношениях. Также рассматриваются способы избавления от эмоциональной зависимости: при помощи распознавания собственных потребностей и желаний, при помощи абстрагирования от мнения окружающих, дифференциального подхода к оценкам других людей, выработки эмоциональной ответственности за собственные чувства.

Ключевые слова: молодые люди, семья, готовность к семейной жизни, компоненты готовности, эмоциональная зависимость.

THE ROLE OF EMOTIONALLY DEPENDENT RELATIONSHIP FORMING PREPAREDNESS FOR FAMILY LIFE IN YOUNG PEOPLE

A.V. Terentyev

Abstract. The essay examines the role of emotionally dependent relations in formation of preparedness for family life in young people. The following definitions are given: emotionally dependent relations, readiness for family life, role of the child-parental relations in formation of readiness for the family relations young people. The determination of readiness for the family relations available at the moment in Russian psychology, models of emotionally dependent relations (Karpman's triangle) are considered. The description of influence of emotionally dependent relations on formation of readiness for the family relations is given. The reasons of family crisis in the modern world are briefly examined. The author's definition of preparedness for family relations is given with more detailed interpretation of each component of the readiness. The research presents data on emotionally dependent relations in students of higher education institutions showing influence of emotionally dependent relations on marriage perspective and child parental relations in young people. We present methods of emotional dependence elimination by the means of recognition of one's own requirements and desires, abstraction from opinion of people around, differential approach to other people's assessments, development of emotional responsibility for own feelings.

Keywords: young people, family, preparedness for family life, readiness components, emotional dependence.

Ритм жизни современного молодого человека редко включает в себя вопрос о формировании готовности к семейным отношениям или вопрос преодоления проблем в уже имеющихся семейных отношениях.

В большинстве определений готовность к семейным отношениям рассматривается как результат родительского воспитания. По мнению Л.Б. Шнейдер, готовность к браку – это категория, включающая следующие аспекты: формирование определенного нравственного комплекса; готов-

ность личности принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру и будущим детям; готовность к межличностному общению и сотрудничеству; сформированную эмпатию; умение разрешать конфликты конструктивным способом, способность к саморегуляции собственной психики и поведения [10, с. 119].

По мнению И.В. Гребенникова, Е.И. Зритневой, А.Н. Сизанова, подготовка молодых людей к семейной жизни должна включать следующие ос-

новные компоненты: социальный, нравственно-эстетический, правовой, психологический, физиолого-гигиенический, педагогический, хозяйственно-экономический. А.Н. Сизанов отдельно подчеркивает значение мотивационного компонента готовности к семейной жизни [9, с. 31].

Мы выделяем следующие компоненты готовности молодого человека к семейной жизни.

Когнитивный компонент:

– представления молодого человека о семье, знания о полоролевых отношениях в семье, функциях членов семьи;

– понятие о нравственности, знание конструктивных моделей общения и поведения;

– знание основных положений Семейного кодекса РФ;

– знание методов воспитания детей.

Операциональный компонент:

– синтез качеств, навыков и умений молодого человека, играющих существенную роль в создании семьи и ее нормальном функционировании;

– владение средствами коммуникации, использование этих средств в деятельности, в построении процесса общения, анализ своей деятельности и выделении новых средств эффективной коммуникации;

– владение приемами саморегуляции;

– грамотное владение наиболее эффективными методами воспитания детей;

– умение вести домашнее хозяйство, налаживать бытовые условия существования семьи.

Мотивационный компонент:

– высокий уровень и своеобразие интересов и увлечений молодого человека, заинтересованность и его активность в создании семьи, осознание той роли, которую сыграет поддержка близких людей в его спортивной карьере;

– желание, стремление к созданию гармоничного союза с любимым человеком, с последующим развитием отношений в браке и воспитанием детей.

– стремление быть гармоничной личностью, всесторонне развитым человеком, образованным, прогрессивным, высоконравственным, обладающим умением трудиться, желанием творить, понимающим красоту жизни и красоту искусства.

Рефлексивный компонент:

– способность молодого человека мыслить, обдумывать различные варианты личностного развития и собственного поведения, осознанно относиться к созданию семьи;

– умение анализировать ситуации межличностного взаимодействия, вычленив причины и следствия их реакций и реакций партнера, спо-

собность извлекать из каждой такой ситуации опыт, необходимый для успешного общения в дальнейшем, способность ставить задачи самоизменения в общении и решать их, используя полученный опыт.

Духовный компонент:

– способность молодого человека различать общечеловеческие ценности и следовать им при создании семьи и выстраивании отношений в браке;

– готовность к вкладу в общее благосостояние, готовность проявлять доверие, заботу, сострадание, готовность к ответственному выбору, к творчеству, близости, сотрудничеству и включенности.

– ненанесение человеком ущерба себе, ближним, обществу, природе, гармония духовных и материальных устремлений и действий, прав и обязанностей перед обществом.

В наше время семья как ячейка общества переживает настоящий кризис. Вследствие нескольких смен государственного строя и изменения идеологии общества утрачены, или изменили свой смысл многие семейные традиции и ценности, передающиеся из поколения в поколение. На смену патриархальной пришла нуклеарная семья, но исторический период оказался слишком коротким, для того чтобы накопить и передать только полезный для следующих поколений опыт, необходимый для формирования готовности к созданию такого типа семьи.

По мере того как прежние социальные и психологические функции семьи исчезают или приобретают второстепенное значение, все большая ценность придается межличностным отношениям членов семьи, что ведет к усилению индивидуальной избирательности брака. Отрицательной стороной этого процесса является увеличение числа конфликтов внутри семьи, а также рост разводов и снижение рождаемости. Особую роль в укреплении семьи играет процесс формирования готовности молодых людей к семейным отношениям [1, с. 42].

Неверные представления об отношениях, и о семейных отношениях в частности, приводят к проблемам, как на этапе формирования собственной семьи, так и в уже созданной семье. Одной из этих проблем являются эмоционально зависимые отношения. Данные отношения характеризуются проблемами в установлении границ своего «Я», проблемами с оценкой себя, отсутствием любви к себе, проблемой контроля в отношениях (либо попытки контроля над партнером, либо требование контроля над собой), тревожностью и неуверенностью в себе, трудностью в выражении чувств. Из-

начально такой тип отношений формируется в родительской семье, между родителем (родителями) и ребенком. Потом данная модель отношений распространяется молодым человеком на все близкие отношения, в том числе и на отношения с будущим супругом.

Впервые модель эмоционально зависимых отношений была выделена и описана в 1968 г. С. Карпманом в его статье «Fairy Tales and Script Drama Analysis». Впоследствии данная модель была названа «Треугольник Карпмана». Модель описывает три привычные психологические роли (или ролевые игры), которые люди часто занимают в ситуациях:

- персонаж, который играет роль жертвы (Жертва);
- персонаж, который оказывает давление, принуждает или преследует жертву (Тиран);
- персонаж, который вмешивается, как кажется, из желания помочь ситуации или слабому (Спасатель).

Все три роли работают в связке, в самом треугольнике, они характерны как для парных отношений, так и для семейных, детско-родительских, дружеских, любовных, деловых. Разыгрываются эти роли зачастую бессознательно и признаются играющими с большим трудом, через сильное психологическое сопротивление.

Эмоционально зависимые отношения не дают человеку установить подлинную близость с другим человеком, мешают заниматься любимым делом, так как оттягивают на себя все ресурсы человека и поглощают все его время, занимают мысли. Эмоциональная зависимость – это сильная потребность в другом человеке, когда нужен кто-то, кто становится смыслом жизни, сверхценностью. Отрицание собственных эмоций и желаний, неумение принимать решения, безволие, склонность приносить себя в жертву, неспособность нести ответственность за себя и свою жизнь – все это свойственно субъекту, находящемуся в эмоциональной зависимости. Для эмоционально зависимого субъекта очень важно состояние, реакции и оценки другого. Если же значимого человека долгое время нет рядом, возникает сильное беспокойство, смятение.

Карл Витакер писал о таких отношениях: «Бессознательное одного сцепляется с бессознательным другого, причем супруги не замечают этого. Симбиоз может возникнуть из-за каких-то символических стимулов: он шагает совсем как ее отец, она покачивает головой, как его мать, – и ни один из них не понимает, отчего это происходит, но такой брак становится тюрьмой для другого» [2, с. 40].

Полноценные чувства обогащают человека, способствуют процветанию и развитию личности, они осознанны и не противоречат состоянию внутренней свободы и равновесия. Равноправные отношения основываются на взаимности, доверии и уважении друг к другу. Эмоционально зависимые отношения выстраиваются по принципу доминирования и подчинения (ведущий и ведомый). При этом ведущий считает, что он лучше знает «как жить» и «что делать», полностью контролирует ведомого, который целиком принимает навязанное ему мнение и стандарты поведения. Страх быть покинутым, тревожность, неуверенность в себе, трудности в интимной близости – неизменные спутники эмоционально зависимых субъектов.

Проведенное нами среди студентов исследование показывает, что у молодых людей существует большой риск создания семьи с преобладанием эмоционально зависимых отношений. На вопрос: «Способны ли вы полностью слиться с любимым человеком, как бы растворившись в нем?» положительно ответили 77 % опрошенных студентов. При подсчете отдельно по женскому и мужскому полу процент остался точно таким же, то есть и юноши, и девушки в равной степени готовы к полному слиянию с любимым человеком, растворению в нем. Одной из причин данного феномена нам видится то, что большинство молодых людей подходят к созданию собственной семьи с уже сформированной эмоциональной зависимостью. Данные по тесту «Вселенная моего Я» показывают, что 75 % студентов по степени близости ставят родительскую семью на первое место, а 44 % студентов ставят свое «Я» в центр родительской семьи. Последнее ориентирует молодого человека на поиск такого партнера, к которому он бы мог обратиться следующим образом: «Давай мы будем теперь вдвоем меня любить!»

Таким образом, получается, что, стремясь к созданию собственной семьи, молодые люди не прошли процесс сепарации от родителей, что чревато многими сложностями в создаваемой молодой семье. Помимо того, что каждый из молодых супругов будет пытаться внедрить модель родительской семьи в новую семью, все ожидания, связанные с близкими отношениями, будут перенесены на его партнера.

Для того, чтобы уменьшить влияние эмоциональной зависимости, необходимо формировать устойчивую самооценку – знание о своих плюсах и минусах, которое не зависит от эмоций других людей. У эмоционально зрелого человека поведением в большей степени управляют внутренние критерии, а не внешние. Отношение к себе

у него глобально не изменится, даже если в какой-то ситуации его не похвалили, не одобрили или просто не заметили, сколько усилий он приложил, какую работу проделал. Его базовая самооценка сохраняется, и самоощущение остается относительно неизменным. Столкнувшись с негативной реакцией окружающих или с их равнодушием, он проанализирует ситуацию – стоило ли так поступать? – и сделает для себя определенные выводы. А эмоционально зависимый человек сразу меняет отношение к себе на негативное, каким бы оно ни было до этого.

Уяснив механизм эмоциональной зависимости, нужно стремиться к тому, чтобы от внешнего стимулирования все больше переходить к внутреннему. И тогда постепенно внешние события уже не будут так легко выводить из равновесия. Именно так развивается эмоциональная устойчивость, и появляется личная ответственность за свое эмоциональное состояние и свою самооценку. Важный момент – распознавание собственных потребностей и желаний. Чем более человек самостоятелен в их удовлетворении, тем менее он зависим от других людей. Необходимо помнить о том, что самооценку человека могут подпитывать не только внешние, но и внутренние источники. Чем больше таких источников будет найдено, тем меньше будет эмоциональная зависимость от окружающих.

Так же важно абстрагироваться от мнения окружающих, но в то же время не отказываться от него полностью. Мнение родителей, соседей, друзей, учителей – все это, формировало внутренне «Я» человека, его взгляд на окружающий мир. И поэтому полностью отрицать эмоциональную зависимость от окружения не получится. Подходить к оценкам других людей необходимо дифференцированно, то есть ориентироваться на мнение другого человека в том случае, если он, действительно, компетентен в этом вопросе. Чем больше молодой человек будет осознавать свою эмоциональную зависимость, тем меньше он будет зависеть от чужих мнений, настроений и реакций. И это поможет ему лучше понимать свои иррациональные поступки. Здесь важно понять, чем это было продиктовано, и в следующий раз поступить по-другому, сделать более свободный, более самостоятельный выбор. Противоположностью зависимости от эмоций является ответственность за них. Нести личную эмоциональную ответственность – значит осознавать, что чувства человека в большей степени зависят от его мыслей, убежде-

ний и поведения, чем от других людей или внешних событий, обстоятельств.

Таким образом, можно констатировать, что одна из причин неготовности молодых людей к семейной жизни – перенесение модели эмоционально зависимых отношений из родительской семьи в отношения с будущим супругом. Проблема формирования готовности к семейной жизни юношей и девушек является актуальной и мало изученной. Необходимо вести исследования в данном направлении и разрабатывать специальные программы, направленные на подготовку молодых людей к семейной жизни.

Библиографический список

1. *Анисюткина, С.А.* Формирование готовности подростков к семейной жизни как целевая функция социального педагога [Текст] / С.А. Анисюткина // Ярославский педагогический вестник. – № 3. – 2009 (60).
2. *Витакер, К.* Полуночные размышления семейного терапевта [Текст] / К. Витакер; пер. с англ. М.И. Завалова. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
3. *Гребенников, И.В.* Основы семейной жизни: учебное пособие для студентов пед. ин-тов [Текст] / И.В. Гребенников. – М.: Просвещение, 1991.
4. *Зритнева, Е.И.* Воспитание будущего семьянина в современной России [Текст]: дис. д-ра пед. наук / Е.И. Зритнева. – Ставрополь, 2006.
5. *Короленко, Ц.П.* Социодинамическая психиатрия [Текст] / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 460 с.
6. *Курьшева, И.В.* Диалогическое общение как путь духовного преобразования личности [Текст]: монография / И.В. Курьшева, С.И. Зинин. – Нижний Новгород: НФ ИБП, 2010. – 253 с.
7. *Млодик, И.Ю.* Метаморфозы родительской любви, или как воспитывать, но не калечить [Текст] / И.Ю. Млодик / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Генезис, 2013. – 160 с.
8. Руководство по аддиктологии [Текст] / под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
9. *Сизанов, А.Н.* Подготовка подростков к семейной жизни [Текст] / А.Н. Сизанов. – Мн.: Народная асвета, 1989. – 112 с.
10. *Шнейдер, Л.Б.* Семейная психология: учебное пособие для вузов [Текст] / Л.Б. Шнейдер // 2-е изд. – М.: Академический проект, 2006.

УДК 159.9.075
ББК 88.5

РОЛЬ ПСИХОЛОГА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.Н. Тронева

Аннотация. Статья посвящена роли психолога в системе ювенальной юстиции – в частности, полномочиям психолога при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: психолог, несовершеннолетний, уголовный процесс в отношении несовершеннолетних, ювенальная юстиция.

THE ROLE OF THE PSYCHOLOGIST IN INVESTIGATIVE PROCESS AND SETTLEMENT OF CRIMINAL CASES INVOLVING CHILDREN

V.N. Troneva

Abstract. The article is devoted to the role of the psychologist in the juvenile justice system, in particular, to the function of the psychologist at the stage of preliminary investigation and judicial proceeding of criminal cases involving minor children.

Keywords: psychologist, juvenile, minor children, criminal trial involving juveniles, the juvenile justice system.

В настоящее время в Российской Федерации активно обсуждается необходимость создания специализированной судебной системы по делам несовершеннолетних – ювенальной юстиции, под которой понимается совокупность правовых, медико-социальных и психолого-педагогических программ, реализуемых государственными и негосударственными органами, учреждениями и организациями, применяющими в своей деятельности специальные правила обращения с несовершеннолетними, вовлеченными в уголовное судопроизводство. Идея развития ювенальной юстиции в России диктуется не только необходимостью выполнения международных обязательств, связанных с ратификацией международных норм, но и существованием проблем защиты несовершеннолетних, качественной спецификой и сложностью изучения личности несовершеннолетнего преступника, причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Многими учеными предлагается ювенальный аналог зарубежных стран с созданием судебных округов и избранием на должность ювенального судьи. Эффективнее и экономически выгоднее реформировать существующую систему правосудия в отношении несовершеннолетних и выработанную годами уголовную и уголовно-процессуальную законодательную базу. Представляется, что закрепление специализации судей предпочтительнее специализации судов.

В соответствии с пунктом 5.1 Пекинских правил [1] система правосудия должна быть направлена на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и того, чтобы любые меры воздействия на него были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. Поэтому следователь и судья, в чьем производстве находятся уголовные дела несовершеннолетних, наряду с профессиональными качествами, должны проявлять гуманность, уважительное отношение к личности подростка, веру в его перевоспитание. Они должны тщательно и углубленно изучить социально-психологическую характеристику личности несовершеннолетнего, его психологические качества, нравственные установки, выявить условия его жизни и воспитания, что невозможно сделать только с помощью одних юридических знаний.

Для оказания воспитательного воздействия на несовершеннолетнего важно иметь представление о его темпераменте. Именно с учетом темперамента следователь и судья избирают определенные формы и методы воздействия. Однако не нужно стремиться к тому, чтобы изменить темперамент, поскольку это невыполнимая задача. «Задача заключается в том, чтобы находить наилучшие пути, формы и методы воспитания положительных черт личности применительно к особенностям типа нервной системы (темперамента), ...имея целью создавать на осно-

ве данного темперамента ценные черты личности» [2].

По французскому законодательству изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя проводится по правилам «социального исследования», которое судья, как правило, поручает чиновникам службы пробации, использующим, в свою очередь, помощь психологов, психиатров, специалистов в области педагогики и образования [3].

Реализуя принцип социальной насыщенности ювенальной юстиции, для обеспечения надлежащего применения судом положений ч. 7 ст. 88 Уголовного кодекса РФ [4], ст. 73, 108–109, 421, 430, ч. 4 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса РФ [5], а также Федерального закона «Об основах системы профилактики...» [6], а также для взаимодействия суда с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних судья может пригласить помощника по социальным вопросам (в том числе и психолога), который будет проводить собеседование с несовершеннолетним, его законными представителями, педагогами, инспекторами по делам несовершеннолетних, представителями комиссии по делам несовершеннолетних; при необходимости осуществлять психологическую диагностику несовершеннолетнего с целью получения объективной информации о его личности, профилактическое и воспитательно-исправительное воздействие на девиантных подростков, а также помогать при назначении экспертизы для установления возраста несовершеннолетнего обвиняемого и консультировать при избрании действительно эффективной по отношению к конкретному подростку меры пресечения и в дальнейшем при назначении справедливого и эффективного наказания.

Результатом этой работы является заключение социального работника и психолога, именуемое картой социального сопровождения несовершеннолетнего, которая приобщается к материалам уголовного дела, из которой видно, что из себя представляет подросток, каково его окружение, семья, образование, увлечения, состояние здоровья, способности, интересы, взаимоотношения с родителями, учителями и сверстниками.

Привлечение к участию в уголовный процесс экспертов, психологов, специалистов медицинских, социально-психологических служб, социальных и консультационных центров в мировой практике носит название «непрофессиональный элемент».

Психолог, участвующий в следствии и в судебных заседаниях, помогает в сборе сведений о

личностных особенностях несовершеннолетнего правонарушителя, создании и реализации его реабилитационной программы и восстановительных процедур, укреплении доверительного контакта с подростком и, как результат, в достижении большего уровня эффективности на пути перевоспитания несовершеннолетнего и привития ему уважения к нормам морали и права.

Статьи 191 и 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ [5] предусматривают обязательное участие педагога или психолога. Так, использование специальных познаний педагога или психолога возможно при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16-летнего возраста либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. В отношении подростков 16–18-летнего возраста педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. При производстве указанных следственных действий по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.

Следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе. Педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей [5, ч. 3 и 4 ст. 425].

Правовой статус психолога в России законодательно не определен. В настоящее время идет обсуждение проекта Федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации». Законопроект разрешает оказывать жителям России психологическую помощь только тем специалистам, которые получили квалификацию «Психолог», стажировались и успешно сдали экзамены и, начиная с 2016 г., состоят в объединениях психологов. Так, психологом признается «физическое лицо, имеющее высшее психологическое образование (подтвержденное дипломом не ниже уровня специалиста), успешно прошедшее профессиональную стажировку, сдавшее квалификационный экзамен и являющееся членом саморегулируемой организации психологов либо проходящее государственную службу в государственных органах и оказывающее психологическую

помощь в соответствии с должностными обязанностями либо оказывающее психологическую помощь в государственном учреждении в соответствии с должностными обязанностями» [7, ч. 1 ст. 2].

Законопроектом психологам предписано соблюдать конфиденциальность информации, которую они узнали от клиента, при этом предусматривается обязанность психолога поделиться этими сведениями с органами дознания, следствия или судом, а также органами Федеральной службы исполнения наказания по запросу от них, если пациенту угрожает опасность.

Представляется, что в качестве психологов на следствие и в суд следует приглашать специалистов не только с психологическими и минимально необходимыми юридическими знаниями, но и с опытом работы с подростками и пониманием профессиональных функций.

В 2009 г. был создан Межрегиональный центр «Судебно-правовая реформа», в котором созданы службы примирения, работающие с совершившими преступления несовершеннолетними. В 2009–2012 гг. при поддержке Центра в Москве, Тюмени, Волгограде, Новосибирске, Перми, Кирове, Красноярске, Казани, Самаре, Липецке, Череповце и Чебоксарах «созданы региональные ассоциации медиаторов, работающих с ситуациями преступлений и уголовно-наказуемых деяний несовершеннолетних» [8, с. 8]. В Волгоградской области в рамках пилотных проектов – экспериментальных программ, реализуемых в целях дальнейшего принятия решения о целесообразности широкого внедрения ювенальной юстиции, – были реализованы программы: «Организация семейных воспитательных групп», «Введение элементов ювенальной юстиции в судах Волгоградской области», «Школьный уполномоченный по защите прав и законных интересов ребенка в общеобразовательном учреждении» и «Детские службы примирения» [9].

«Сегодня суды для несовершеннолетних имеют право выносить решение не только о наказании, но и о мерах воспитательного воздействия в отношении подростка, – пояснила уполномоченный по правам ребенка в Волгоградской области Нина Болдырева, – молодого человека могут обязать, к примеру, регулярно посещать реабилитационный центр, психолога, выполнять общественно-полезные работы и многое другое. Но при этом парень или девушка остаются в семье, что дает им дополнительный шанс исправиться. Однако эта практика пока применяется крайне редко. Зачастую наиболее распространенные вердикты ювенальных судов – направление подростка в спец-

школу, детскую колонию или осуждение условно. Одна из причин этого в том, что нет взаимодействия между судами и реабилитационной системой, которая есть на территории» [10].

С 2005 г. в некоторых судах начала функционировать психологическая служба, в которой работают психологи-специалисты учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Основные задачи данной службы – оказание психологической помощи проблемным семьям, проведение диагностики и консультирования, коррекционной работы, групповых тренингов несовершеннолетних, а также разрешение семейных споров за «круглым столом» в порядке досудебной подготовки к судебному слушанию по гражданским делам. В перспективе видится необходимость «на основании индивидуального плана реабилитации, разработанного помощником судьи по социальным вопросам, проведения пролонгированных психологических групп для родителей: тренинговые группы по развитию взаимодействия на уровне “родитель – ребенок”; психотерапевтические группы для родителей» [11].

Большое значение имеет работа психолога, специалиста Управления социальной защиты населения, который составляет заключение о соответствии заявленных требований интересам ребенка. Психологом выполняются действия по проведению психологической диагностики ребенка и его родителей, проводится оценка социально-психологического благополучия несовершеннолетних для определения условий его максимальной социально-психологической защищенности, разрешаются вопросы о необходимости проведения комплексных социально-психологических мер в интересах несовершеннолетнего.

Кроме того, проведение обследования и тестирования является одной из примирительных процедур, поскольку, общаясь с психологом, родители могут сами прийти к урегулированию конфликта, исходя из интересов ребенка. Оно возможно в рамках досудебной подготовки лишь при добровольном участии родителей с ребенком.

Во взаимодействии с органами и учреждениями системы профилактики социальным работникам при судах уже удалось решить некоторые проблемы подростков, оказавшихся в конфликте с законом: по продолжению обучения, трудоустройству, разрешению конфликтных ситуаций в семьях, устранению причин преступлений. За этот период работы организованы и проведены заседания с участием социальных работников, сотрудников региональных комитетов – Комитета социальной защиты населения и Комитета по труду и занято-

сти населения, инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних.

Социальными работниками создана информационная база для работы с подростками из группы риска. Еженедельно на совещаниях анализируется их работа на местах. Каждый из них рассказывает о проделанной работе, отмечает проблемы и успехи, выносит на обсуждение наиболее сложные ситуации. Происходит совместный поиск решений, обсуждаются вопросы взаимодействия с другими структурами. В результате таких дискуссий рождается понимание социальными работниками своих задач, формируется их личностное отношение к своей деятельности. Обсуждения помогают найти новые варианты действий в конкретных ситуациях, приобрести опыт, в том числе в планировании работы и составлении отчетов. При необходимости на эти совещания приглашаются сотрудники социальных и реабилитационных служб, психологи, судьи.

Психолог может также выступить в качестве медиатора (от лат. *mediare*) – нейтрального посредника, содействующего урегулированию конфликтов в целях достижения взаимоприемлемого решения всеми сторонами. «Медиация представляет собой примирительную процедуру, направленную на мирное (добровольное) урегулирование спора, когда стороны и медиатор осуществляют действия по поиску взаимоприемлемых решений, которые возможны только при добровольном волеизъявлении сторон» [12, с. 17].

Однако при этом следует учитывать, что в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [13] не указана возможность применения медиации в сфере уголовных правоотношений.

Тем не менее восстановительный подход предполагает вовлечение потерпевшего и несовершеннолетнего подсудимого в деятельность по разрешению проблем, возникших в результате совершенного преступления, и должен повлечь обязательства виновного по возмещению и заглаживанию причиненного вреда. Поэтому навыки медиативного подхода необходимы, в первую очередь, для нормализации межличностных отношений.

В Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ есть понятия «примирение» и «заглаживание вреда». Суд на основании заявления потерпевшего или его законного представителя вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и освободить от уголовной ответственности, если оно примири-

лось с потерпевшим и заглавило причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). По делам частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ), при отсутствии заявления потерпевшего возбужденное уголовное дело подлежит прекращению. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. И здесь возраст подсудимого не имеет значения – эти нормы применяются и к несовершеннолетним, и к взрослым.

«Если в результате медиации по уголовному делу стороны пришли к соглашению, подписывается примирительный договор, который приобщается судом к материалам дела, и судья учитывает его при вынесении решения» [14, с. 19]. В случае, если с конфликтными ситуациями работает психолог-медиатор, то, на наш взгляд, примирительный результат достигается быстрее.

«Медиация при работе с конфликтом обращает внимание как на предметную, так и на эмоциональную сторону спора. Таким образом, она целесообразно соединяет преимущества скорее односторонне ориентированных методов, таких, как судебный процесс (предметно ориентированный), или терапия (эмоционально ориентированный). Тем самым этот метод учитывает знания психологии и исследования конфликтов, в соответствии с которыми чувства, позиции, отношения и общение должны пониматься как существенные факторы конфликта и вовлекаться в процесс решения» [15, с. 40].

«Применяя медиативные техники (активное слушание, парафраз, отражение чувств и др.), можно эффективно наладить контакт, как с родителями, так и с детьми в ситуациях накаленного конфликта, либо использовать их как превентивные средства» [16].

Когда мы имеем дело с несовершеннолетними правонарушителями, приходится одновременно решать вопросы воспитательного характера. Поэтому программы восстановительного правосудия должны сопровождаться реабилитационными программами и программами социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя. «Наиболее успешные результаты достигаются тогда, когда медиаторы работают в тесном контакте с социальными работниками, психологами и педагогами (воспитателями), вместе образующими структуры по работе с правонарушителями несовершеннолетних» [14, с. 19].

Представляется, что можно выделить следующие направления использования психологом медиативных технологий в суде:

- во-первых, при организации предварительного слушания и судебного разбирательства в

целях реализации воспитательной и превентивной функции;

- во-вторых, в процессе взаимодействия с родителями, формируя менталитет сотрудничества у несовершеннолетних и их законных представителей и обучая их конструктивному поведению;

- в-третьих, в процессе организации работы участников со стороны обвинения и стороны защиты, создавая условия для снижения уровня агрессии. В этом случае цель примирения несовершеннолетних, совершивших преступления, с потерпевшим – помочь подростку осознать тяжесть содеянного и не совершить новое преступление (но это не означает избежание уголовной ответственности, особенно за тяжкие и особо тяжкие преступления);

- в-четвертых, работа с потерпевшим по восстановлению самооценки в социуме и безопасности личных границ [17].

Анализируя судебную практику Волгоградской области, можно сделать вывод, что представители органов и служб системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в суде высказывают мнение о способности подростка поддаваться влиянию со стороны окружающих, дают характеристики личности несовершеннолетних, сообщают данные о жилищных и иных социальных условиях их жизни, отношении к учебе, работе, успеваемости, составе семьи, влиянии родителей на поведение подсудимых. Поэтому судьям следует более активно привлекать к рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних органы, организации, учреждения, в функцию которых входит работа с несовершеннолетними, что позволит правильно с учетом полной социальной картины в отношении несовершеннолетнего применять тот или иной вид наказания или меры воспитательного воздействия, а при выявлении причин, условий совершения несовершеннолетними преступлений, реагировать на то частными постановлениями в адрес надлежащих органов [9, с. 95]. Однако практика рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних с участием психологов, чьи познания необходимы для определения личности несовершеннолетнего, а в итоге – правильного разрешения вопроса уголовного преследования подростка, в судах наблюдается достаточно редко.

Справедливости ради, следует отметить, что следователи привлекают психологов для работы с несовершеннолетними потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, обвиняемыми, особенно по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности.

Подводя итог сказанному, психолог, приглашенный в уголовный процесс, с использованием специальных знаний, своих профессиональных

навыков и опыта, должен делать акцент на изучение условий жизни несовершеннолетнего, социально-психологических признаков его личности.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся Отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [Текст].

2. Крутецкий, В.А. Психология [Текст] / В.А. Крутецкий. – М.: Просвещение, 1980. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2383806/page:22/>

3. Кудрявцева, Н.И. Ювенальная юстиция в России и Франции: Сравнительная характеристика [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов юридического факультета / Н.И. Кудрявцева. – Курск, 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=123.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федер. № 63-ФЗ: от 13 июня 1996 г. [Текст] // Собрание законодательства. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 (в ред. 30.03.2015 г.).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федер. № 174-ФЗ: от 18 декабря 2001 г [Текст] // Российская газета. – 2001. – 22 декабря (в ред. ФЗ от 30.03.2015 г.).

6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон Рос Федер. № 120-ФЗ: принят 24 июня 1999 г. [Текст] // Российская газета. – 1999. – 30 июня (в ред. 31.12.2014).

7. Проект Федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации» № 553338-6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://psyrus.ru/doc/zakon_psy.pdf.

8. Максудов, Р.Р. Стратегические ориентиры центра «Судебно-правовая реформа» в области восстановительного правосудия в России [Электронный ресурс] / Р.Р. Максудов // Восстановительное правосудие в России / Под общ. ред. Н.В. Путинцевой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – Режим доступа: <http://sprc.ru/>

9. Свиридова, Ю.В. Некоторые проблемы Отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в Волгоградской области [Текст] / Ю.В. Свиридова, В.Н. Тронева // Научный вестник ВАГС. – 2011. – № 1. – С. 91–95.

10. Новые технологии в сфере ювенальной юстиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volgograd.ru/news/common/2007/102532.news>.

11. Быкин, В.И. Возращение ювенальной юстиции в Россию [Текст] / В.И. Быкин, С.В. Черчага // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 1.

12. Сатарова, А.А. Формирование института медиации в современной России: проблемы и перспективы [Текст] / А.А. Сатарова // Юридический мир. – 2011. – № 1.

13. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон Рос. Федер. № 193-ФЗ: принят 27 июля 2010 г. // Российская газета. – 2010. – 30 июля (в ред. ФЗ от 23.07.2013 г.).

14. Карнозова, Л. Восстановительное правосудие в российской правовой системе [Текст] / Л. Карнозова // Сб.: Восстановительное правосудие в России / Под общ. ред. Н.В. Путинцевой. –

М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.

15. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах [Текст] / Х. Бесемер; пер. с нем. Н.В. Маловой. – Калуга: Духовное познание, 2004.

16. Соловьева, С.В. Применение медиативных технологий в управлении дошкольным учреждением [Электронный ресурс] / С.В. Соловьева, Е.В. Соловьева. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/23109/>

17. Крутова, В.В. Медиативные функции психолога в уголовном процессе по делам несовершеннолетних [Текст] / В.В. Крутова, В.Н. Тронева // Судебная реформа 1864 года: ренессанс научного и практического интереса: материалы международной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – С. 133–137.

УДК 159.9.07

ББК 88.52

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: КОМПОНЕНТЫ ФЕНОМЕНА

О.О. Фомина

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена психологического благополучия личности. Для нас представляет интерес то, как оценивает себя человек в текущих условиях жизни, способен ли он к реализации собственных возможностей, как он оценивает качество жизни. Для описания данного феномена используют такие понятия, как «удовлетворенность жизнью», «стиль жизни», «счастье», «субъективное или психологическое благополучие». В статье проанализированы компоненты и ключевые составляющие психологического благополучия. Исследование направлено на определения связи благополучия личности и ряда личностных черт с опорой на шестифакторную модель благополучия К. Рифф. Мы обратились к вкладу отдельных компонентов в обеспечение психологического благополучия личности. Рассмотрены уровни психологического благополучия личности и их содержательное наполнение.

Ключевые слова: психологическое благополучие, оценка существования, защитные механизмы, отношения с окружающими, компоненты психологического благополучия, уровни психологического благополучия.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING: COMPONENTS OF THE PHENOMENON

O.O. Fomina

Abstract. The article considers the phenomenon of psychological well-being of the personality. We are interested in the fact how the person evaluates himself/herself in the current life, whether he/she is able to realize own capabilities, and how the person evaluates the quality of life. To point out this phenomenon the author uses such concepts as "satisfaction with life", "lifestyle", "happiness", "subjective or psychological well-being." The paper analyzes the key components of psychological well-being. The research aims at determining the connection between psychology of well-being and personality traits based on six-factor model of well-being suggested by K. Riff. The levels of psychological well-being of the person and their substantive content are described.

Keywords: psychological well-being, protection mechanisms, relationships with others, components of psychological well-being, level of psychological well-being.

Задумываясь о собственном существовании, мы склонны описывать его, обращаясь к таким категориям как «счастье-несчастье», «удовлетворенность-неудовлетворенность». Ощущение благополучия – один из аспектов нашей жизни, которому мы склонны уделять значительное внимание. Вопрос о благополучии дает косвенный ответ на многие вопросы: насколько успешно справляется человек с повседневными трудностями и заботами, строит ли он планы на будущее и как оценивает свое прошлое, готов ли он управлять окружающей его средой. Стоит также обратить внимание и на социальный аспект: с одной стороны, современный мир – это пространство для обширных возможностей, путей выбора собственного развития, с другой – нестабильность в культурной, экономической и политической сферах ставит перед личностью проблему выбора среди множества альтернатив. Как воспринимает и оценивает себя человек в сложившихся условиях, способен ли он к реализации собственных возможностей, как он оценивает качество жизни в целом. Для описания данного феномена используют такие понятия, как «удовлетворенность жизнью», «стиль жизни», «счастье», «субъективное или психологическое благополучие».

На данный момент можно наблюдать несколько относительно самостоятельных подходов к рассмотрению понятия «психологическое благополучие». Традиционно подходы к психологическому благополучию рассматриваются с точки зрения двух основных направлений: гедонистического и эвдемонистического.

К гедонистическим теориям относят все те концепции, которые рассматривают благополучие, опираясь на термины удовлетворенности-неудовлетворенности, позитивного и негативного аффектов. Н. Брэдберн предложил представление о структуре психологического благополучия, которая, с его точки зрения, представляет баланс, достигаемый постоянным взаимодействием двух видов аффекта – позитивного и негативного [9]. Преобладающей валентности аффект и является показателем субъективного благополучия, отражает неудовлетворенность либо удовлетворенность жизнью. Рассматривая составляющие благополучия, Э. Динер выделяет следующие базовые компоненты: удовлетворение, приятные эмоции и неприятные эмоции; эти компоненты образуют единый показатель благополучия личности [10].

В понимании Р.М. Шамионова: «субъективное благополучие – понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных

представлений о “благополучной” внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» [8, с. 3].

Теории в рамках эвдемонистического подхода опираются на представление о личностном росте как самой важной и необходимой составляющей благополучия, становление человека как постоянно развивающейся, самосовершенствующейся личности. В рамках этого направления психологическое благополучие понимается как полнота самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение «творческого синтеза» между соответствием запросам окружения и развитием собственной личности.

К. Рифф рассматривает психологическое благополучие как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку собственного существования с точки зрения реализации потенциальных возможностей человека. В нашей работе мы будем опираться на шестикомпонентную концепцию благополучия, предложенную К. Рифф [11]. Каждый из шести компонентов этой теории – автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие – является показателем позитивного функционирования личности и может достигать различной степени выраженности, тем самым определяя структуру и объединенный показатель психологического благополучия.

Для нас интересен тот факт, что данные ряда исследований говорят об отсутствии доминирующего влияния объективных факторов (доход, работа, здоровье, жилищные условия) на психологическое благополучие [1, 2, 4]. А наиболее значимыми оказываются индивидуальные различия и когнитивные процессы. В данной статье мы хотим обратиться к проведенному нами исследованию, в котором мы обращаем внимание на значимость свойственных человеку определенных особенностей межличностных отношений, защитных механизмов и личностных черт, значимых в оценке собственного существования как благополучного.

Ряд исследований западных и отечественных психологов был направлен на изучение внутренних детерминант благополучия. В частности, Л.В. Куликов отмечает доминирующее влияние внутренних факторов на благополучие [4]. Но ключевое внимание он уделяет эмоциональному компоненту – доминирующему и актуальному настроению, причинам эмоционального дискомфорта. М. Аргайл также говорит о значимости субъективных причин в благополучии [1]. Однако центральная часть его монографии посвящена таким источникам, как досуг, работа, деньги, рели-

гиозные предпочтения, то есть внешним факторам. Он уделяет отдельное внимание личностным особенностям, приводя данные разрозненных исследований.

В нашей работе мы хотим систематизировать внутренние факторы, связанные с благополучием, и попытаться проанализировать и наполнить содержанием ключевые компоненты благополучия личности. Мы использовали следующий психодиагностический инструментарий: Опросник «Индекс жизненного стиля» [5], Опросник межличностных отношений [7], Опросник «Невротических черт личности» [6], Шкала психологического благополучия К. Рифф [3]. В исследовании приняли участие 162 человека. Возраст испытуемых составлял от 16 до 37 лет. Нами были получены следующие промежуточные результаты:

Большинству испытуемых (54,7 %) свойственен средний уровень психологического благополучия – данный уровень характеризуется тем, что человек в целом ощущает себя достаточно комфортно, однако у него могут возникать определенные сложности в построении контактов. Проблемы личностного развития и постановки целей на будущее не являются актуальными.

Высокий показатель психологического благополучия свойственен 29,3 % выборки. Данный уровень характеризуется стремлением к самосовершенствованию, расширению круга общения, проявлению творческих способностей. Можно говорить о способности противостоять социальному давлению, оценивать поведения, исходя из собственных стандартов.

Другая группа испытуемых (16 %) обладает пониженным уровнем психологического благополучия. Такие люди испытывают чувство стагнации в сфере личностного роста, чувство скуки и незаинтересованности в жизни. Психологически неблагополучные респонденты часто испытывают

недостаток в общении с близкими людьми, однако такие испытуемые, как правило, не стремятся идти на компромисс для сохранения важных связей с другими.

На следующем этапе исследования нами был проведен корреляционный анализ. Нами были выявлены **значимые корреляционные связи** компонентов благополучия и ряда личностных черт. Значимую отрицательную корреляционную связь с благополучием и его компонентами имеет личностная черта «Неуверенность в себе». «Неуверенность в себе» имеет отрицательную корреляционную связь с автономностью ($r=-0,427$, при $p<0,01$); позитивными отношениями ($r=-0,443$, при $p<0,01$); самопринятием ($r=-0,524$, при $p<0,01$) и компетентностью ($r=-0,598$, при $p<0,01$), а также с общим уровнем благополучия ($r=-0,604$). Аффективная неустойчивость имеет отрицательную корреляционную связь с компетентностью ($r=-0,360$, при $p<0,01$). Социальная неадаптивность имеет отрицательную корреляционную связь со следующими компонентами благополучия: компетентностью ($r=-0,312$, при $p<0,01$) и позитивными отношениями ($r=-0,353$, при $p<0,01$).

Также нами были выявлены значимые положительные корреляции.

Социальная пассивность имеет положительную корреляционную связь со всеми компонентами психологического благополучия: жизненные цели ($r=0,407$, при $p<0,01$), общий уровень благополучия ($r=0,462$, при $p<0,01$), личностный рост ($r=0,407$, при $p<0,01$); самопринятие ($r=0,347$, при $p<0,01$) автономность ($r=0,340$, при $p<0,01$). Значимую положительную корреляционную связь имеет невротический сверхконтроль поведения с личностным ростом ($r=0,418$, при $p<0,01$) и жизненными целями ($r=0,469$, при $p<0,01$), а также с общим уровнем благополучия ($r=0,356$, при $p<0,01$).

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

Компоненты	Нестандартизированный коэффициент регрессии (В)	Стандартизированный коэффициент регрессии (Бета)	Уровень значимости
«Неуверенность в себе»	-0,926	-0,517	0,000
«Познавательная и социальная пассивность»	0,428	0,335	0,000
«Сверхконтроль поведения»	0,642	0,220	0,001
Потребность во включении	2,693	0,178	0,003

Опираясь на наиболее значимые корреляционные связи, нами был осуществлен **регрессион-**

ный анализ. В нашем случае коэффициент детерминации равен 0,702, что говорит о наличии тес-

ной линейной взаимосвязи между общим уровнем благополучия личности и такими показателями, как «Неуверенность в себе», «Социальная и познавательная пассивность», «Невротический сверхконтроль поведения» и потребность во включении. Коэффициент R-квадрат составляет 0,492, что может свидетельствовать о том, что наша модель описывает 49,2 % случаев. Результаты регрессионного анализа (см. табл. 1) показывают, что наибольший вклад (отрицательный) в общий уровень благополучия связан с такой личностной чертой, как «Неуверенность в себе». Мы можем предположить, что в этом случае личности сложно самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, что негативно сказывается на уровне автономности и компетентности личности. В социальных взаимодействиях обнаруживается робость, скованность, затруднения в установлении и поддержании контакта. Устойчивое ожидание неудачи в совокупности может препятствовать продуктивному построению деятельности и межличностных отношений.

«Социальная и познавательная пассивность» и «Невротический сверхконтроль поведения» также имеют вклад (положительный) в обеспечение общего уровня психологического благополучия. Мы предполагаем, что склонность к длительному обдумыванию и чрезмерной рефлексии, а также ограниченному кругу общения и характеру интересов обеспечивает ситуацию стабильности и относительного комфорта. А сознательный жесткий контроль поведения, склонность к тщательному планированию позволяют избегать ситуации «непредвиденности», что вносит положительный вклад в общий уровень благополучия.

Также стоит отметить, что удовлетворенная потребность во включении, способность комфортно ощущать себя как в одиночестве, так и в окружении других способствуют ощущению психологического благополучия.

По результатам факторного анализа нам удалось выделить структурные компоненты благополучия личности (кумулятивная дисперсия равна 41,58).

1. Аффективные и защитные компоненты. Фактор включает в себя способность интегрировать аффекты, а также возможность дистанцироваться от них при необходимости, выражать и перерабатывать собственные эмоции.

2. Регулятивные компоненты. Фактор описывает такие проявления, как склонность к тщательному анализу и обдумыванию поступков, планирование поведения. Отдельной составляющей выступает контроль над образом жизни и здоровьем, отношение к болезни.

3. Интерперсональные компоненты. Способность создавать привязанность, проявлять эмоциональную привязанность.

4. Компоненты социальной направленности. Выбор социальной дистанции, автономность поведения. Приспособляемость в различных социальных ситуациях.

Опираясь на промежуточные результаты исследования, а также результаты корреляционного, регрессионного и факторного анализов, мы попытаемся описать различные уровни благополучия личности.

Повышенные показатели благополучия имеют испытуемые с выраженной социальной и познавательной пассивностью и сверхконтролем поведения. Благополучным испытуемым несвойственна неуверенность в себе – они имеют высокий уровень самооценки, склонны рассчитывать на успех своих действий и начинаний. Они стремятся к серьезной работе над собой, нахождению и исправлению своих недостатков, преодолению трудностей, достижению высоких результатов в деятельности. В плане принятия решений испытуемые с повышенным уровнем благополучия могут испытывать сложности, им легче занимать пассивную позицию: принимать и исполнять решения, ответственность за которые взял на себе кто-то другой. В целом отношение к власти можно назвать гибким, возможно непритязательным. Они не стремятся к лидирующим позициям, и не пытаются доказывать свое превосходство. Высокие показатели благополучия связаны с выраженным внутренним контролем, склонностью к тщательному планированию и обдумыванию поступков, завершению начатого.

Социальную направленность испытуемых можно обозначить как «к людям», они предпочитают налаживать взаимодействие с окружающими, стремятся к контактам, чувствуют себя комфортно среди людей, однако их контакты могут быть однообразными. В целом, у благополучных испытуемых более позитивный опыт отношений с людьми, они готовы раскрываться в общении, они чувствуют себя достойными любви и выстраивают близкие отношения.

Для **испытуемых с низким уровнем благополучия** характерен повышенный уровень неуверенности в себе и аффективной неустойчивости. Испытуемые с низким уровнем благополучия недовольны собой, ожидают неудач, неуспеха, не-

принятия со стороны окружающих. Они нуждаются в эмоциональной поддержке и недостаточно самостоятельны. Таким испытуемым бывает сложно принимать решения и отстаивать их, из-за пониженной самооценки. Неблагополучным испытуемым сложно распознавать, контролировать собственные эмоции, в целом они склонны к обидам и накапливанию негативных переживаний. Испытуемые с низким уровнем благополучия слабо испытывают чувство эмоциональной привязанности, избегают близких личных отношений с окружающими. Им сложно устанавливать теплые доверительные отношения, так как ими руководит страх быть отвергнутыми. Испытуемые устанавливают дистантные, поверхностные контакты. Они не чувствуют, что достойны любви со стороны окружающих, не доверяют чувствам по отношению к себе.

Испытуемые со **средним (пограничным) уровнем благополучия** ощущают себя достаточно комфортно, однако у них могут быть сложности в построении контактов. Проблемы личностного развития и постановки целей на будущее не являются для них актуальными. Также им сложно брать на себя ответственность, занимать доминирующее положение, они предпочитают подчиненные позиции, предпочитая не покидать установленную для себя «зону комфорта».

Таким образом, нами были исследованы и описаны компоненты и уровни психологического благополучия личности. Выявлен вклад определенных личностных черт в обеспечение психологического благополучия. В дальнейшем мы собираемся продолжить наше исследование феномена психологического благополучия, сделав акцент на стратегиях межличностного поведения в их отношении к полноценному функционированию личности.

УДК 159.9.07
ББК 88.52

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Фомина, Е.Е. Мартынюк

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения ценностных ориентаций, и представлены главные тенденции их развития в современном обществе.

Ценностные ориентации – это важный элемент культуры любого общества, а так как шкала ценностей общества тесно связана со шкалой ценностей отдельной личности, можно утверждать, что ценности для человека – смыслообразующий фактор, его жизненный ориентир. При этом формируются ценностные ориентации личности при реализации ею общественных идеалов и принципов в процессе социализации.

Библиографический список

1. *Аргайл, М.* Психология счастья [Текст] / М. Аргайл. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
2. *Бочарова, Е.Е.* К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности [Текст] / Е.Е. Бочарова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2008. – № 10. – С. 226–231.
3. *Жуковская, Л.В.* Шкала психологического благополучия К. Рифф [Текст] / Л.В. Жуковская, Е.Г. Трошихина // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 2. – С. 82–93.
4. *Куликов, Л.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью [Текст] / Л.В. Куликов // Общество и политика / под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.
5. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: пособие для врачей и психологов [Текст] / Л.И. Вассерман и др. – СПб., 1998. – 48 с.
6. Психологическая диагностика невротических черт личности. Метод. рекомендации [Текст] / Л.И. Вассерман. – СПб., 2003. – 32 с.
7. *Руковишников, А.А.* Опросник межличностных отношений [Текст] / А.А. Руковишников. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1992. – 47 с.
8. *Шамионов, Р.М.* Психология субъективного благополучия личности [Текст] / Р.М. Шамионов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 180 с.
9. *Bradburn, N.* The Structure of Psychological Well-Being [Text] / N. Bradburn – Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 320 p.
10. *Diener, E.* Subjective well-being [Text] / E. Diener // Psychological Bulletin. – 1984. Vol. 95. – P. 542–575.
11. *Ryff, C.D.* The structure of psychological well-being revisited [Text] / C.D. Ryff, C.L.M. Keyes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 69. – P. 719–727.

Проблема ценностных ориентаций молодежи в современном обществе, их структуры и динамики остается неизменно актуальной на протяжении всего существования социологии вообще и социологии молодежи в частности. Эта проблема приобретает особую значимость в условиях социально-экономической и духовно-культурной трансформации общества в России в связи с ситуацией переходного периода, сопровождающегося кардинальной переоценкой политических и экономических ценностей.

Система ценностных ориентаций имеет динамический, подвижный характер. Социальные ценностные ориентации подвергаются медленной трансформации. В период ломки традиционных устоев ценностные ориентации становятся радикальными, и зачастую процессы имеют неконтролируемый и стихийный характер.

Основным источником ценностей современного общества является современная массовая культура, которая, к сожалению, определяет потребительский вектор ценностных ориентаций. В современных условиях снижается важность общественно значимых ценностей духовно-нравственного характера (приносить пользу обществу, исполнять свой долг перед государством, быть нужным людям и т.д.), всегда преобладавших в российском менталитете, некоторые ценности меняются местами (например, поменялись местами ценность интересной работы с ценностью высокой зарплаты). Эти ценности вытесняются ценностями прагматического характера, одной из основных ценностей становится культ потребления, в результате чего человек созидатель превращается в человека потребляющего, жизнь человека приобретает четко ориентированный вещественный статус, что ведет к духовной пустоте человека, живущего преимущественно материальными заботами.

С одной стороны, молодежная культура содержит протест против общества взрослых, его ценностей и авторитетов, но, с другой стороны, именно они призваны способствовать адаптации молодежи к тому же обществу.

Ключевые слова: ценностные ориентации, индивидуальность, общество, культура, социальный институт.

VALUE ORIENTATIONS IN MODERN SOCIETAL CULTURE

N.A. Fomina, E.E. Martynyuk

Abstract. The essay examines the definition of axiological orientations and the main tendencies of their development in modern society.

Value orientation is an important element of culture of any society, and as the scale of societal values is closely linked to the scale of values of the individual, it can be argued that, for humans, values represent sense making factor, they are vital reference points. At the same time, personal axiological orientations are formed when implementing public ideals and principles in the process of socialization.

Nowadays, the problem of youth value orientations, their structure and dynamics remain consistently relevant throughout the existence of general Social Studies and the Sociology of Youth in particular. This issue acquires special importance in terms of social, economic, spiritual and cultural transformation of Russian society due to the transition situation, accompanied by a fundamental reassessment of political and economic values.

The system of axiological orientations is of a dynamic character. Social value orientation are subjected to slow transformation. And during the revolutionary breaks of traditions value orientations become radical, and often the processes of change in these times, are of uncontrolled and spontaneous nature.

The main source of the values of contemporary society is modern mass culture, which, unfortunately, determines consumer vector of value orientations. Currently the importance of socially significant values of moral character (to be useful to the society, to fulfill one's duty to the state, to be necessary to people, etc.) has reduced considerably, those values used to prevail in the Russian mentality, now some of them have swapped their places (for example, the value of interesting work has been replaced by the value of high salary). These values are replaced by the values of a pragmatic nature, one of the core values becomes the cult of consumption, resulting in creative people turning into human-consuming, a person's life becomes focused on the unspiritual status, which leads to spiritual emptiness of a man who has primarily material concerns.

On the one hand, youth subculture cultivates protest against adult society, its values and authority, but, on the other hand, they are designed to facilitate the adaptation of youth to the same society.

Keywords: Axiological/ value orientations, personality, society, culture, social institution.

Развернутая теоретическая разработка проблемы ценностных ориентаций личности началась во второй половине XIII века и активно ведется в XIX–XXI вв. (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Шелер, Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В.П. Тугаринов, С.Ф. Анисимов,

М.С. Каган, А. Маслоу, К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, М.К. Мамардашвили и др.) [1].

Каждое общество на конкретном этапе своего развития характеризуется специфическим набором ценностных ориентаций, регулирующих поведение его членов. Ценностные системы меняются в процессе развития общества и тесно свя-

заны с изменениями в различных сферах человеческой жизни [7].

Ценностные ориентации – это важный элемент культуры любого общества, а так как шкала ценностей общества тесно связана со шкалой ценностей отдельной личности, можно утверждать, что ценности для человека – смыслообразующий фактор, его жизненный ориентир. При этом формируются ценностные ориентации личности при реализации ею общественных идеалов и принципов в процессе социализации [2].

В процессе становления личности молодого человека формируется определенная система ценностных ориентаций с более или менее развитой структурой поведения личности. Система ценностных ориентаций личности, хотя и формируется под влиянием ценностей, господствующих в обществе и непосредственной социальной среде, окружающей личность, не предопределена ими жестко.

Основным источником ценностей современного общества является современная массовая культура, которая, к сожалению, определяет потребительский вектор ценностных ориентаций. В современных условиях снижается важность общественно значимых ценностей духовно-нравственного характера (приносить пользу обществу, исполнять свой долг перед государством, быть нужным людям и т.д.) [6], всегда преобладавших в российском менталитете, некоторые ценности меняются местами (например, поменялись местами ценность интересной работы с ценностью высокой зарплаты [3], [4]). Эти ценности вытесняются ценностями прагматического характера, одной из основных ценностей становится культ потребления, в результате чего человек создающий превращается в человека потребляющего, жизнь человека приобретает четко ориентированный вещественный статус [8], что ведет к духовной пустоте человека, живущего преимущественно материальными заботами.

Молодежная культура требует сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их контрценностями – свободой самовыражения, личной причастностью к новому стилю жизни, установкой на ликвидацию регламентирующих моментов человеческих взаимоотношений, полным доверием к спонтанным проявлениям чувств, фантазии, воображения, невербальным способам общения. Счастье человека понимается как свобода от внешних условностей, добропорядочности. Личность, предлагаемая и проектируемая контркультурой, именно потому враждебно противостоит всякому нравственному запрету и моральному авторитету, что еще не вполне сфор-

мировались механизмы ценностей нравственно-духовной ориентации в человеческом мире.

С одной стороны, молодежная культура содержит протест против общества взрослых, его ценностей и авторитетов, но, с другой стороны, именно они призваны способствовать адаптации молодежи к тому же обществу.

Широта и правильно выстроенная иерархия ценностных ориентаций личности свидетельствуют о ее гражданской и социальной зрелости [5].

В связи с этим проблемы изучения общих негативных тенденций в развитии ценностных ориентаций личности в современном обществе, а также повышения роли таких социальных институтов, как семья и различные учебные заведения, в процессе формирования ценностных ориентаций личности современного молодого поколения (Г.М. Миньковский, К.Е. Игошев, А.Г. Харчев и др.) являются очень актуальными для психологической науки и практики.

Библиографический список

1. *Зинченко, В.П.* Ценности в структуре сознания [Текст] / В.П. Зинченко // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 85–98.
2. *Карпова, Н.П.* Некоторые проблемы формирования ценностных ориентаций подростков в современном обществе [Текст] / Н.П. Карпова // Наука и образование. – 2006. – № 4. – С. 113–118.
3. *Лисовский, В.Т.* Динамика социальных изменений: Опыт сравнит. социол. исслед. рос. молодежи [Текст] / В.Т. Лисовский // Социол. исслед. – 2004. – № 5. – С. 103.
4. *Мамедова, Ж.С.* Ценностные ориентации личности в контексте временной перспективы [Текст] / Ж.С. Мамедова // Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика». – Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2006. – № 6. – С. 122.
5. *Новиков, А.М.* Основания педагогики [Текст] / А.М. Новиков. – М.: Эгвес, 2010.
6. *Соколов, А.В.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества [Текст] / А.В. Соколов, И.О. Щербакова // Социологические исследования. 2000. – № 6. – С. 122.
7. *Сурина, И.А.* Ценностные ориентации [Текст] / И.А. Сурина // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 162–164.
8. *Челомбицкая, М.П.* Ценностные ориентиры современного общества [Текст] / М.П. Челомбицкая, Н.Г. Лавинский // Молодой ученый. – 2011. – № 12. – Т. 1. – С. 198–201.

УДК 159.9.07
ББК 88.52

РЕЧЕВАЯ ДИАГНОСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

М.А. Мирчетич, Н.А. Фомина

Аннотация. Современный этап реформирования образования в нашей стране требует значительного повышения психологической культуры научно-педагогических работников, которые должны обеспечивать студентов не только теоретическими знаниями, но и навыками и умениями в реализации профессиональной деятельности, а также способствовать развитию их личности, формированию общекультурных и профессиональных компетенций. Все это необходимо осуществлять с учетом индивидуальных психологических особенностей.

Одна из основных характеристик личности и индивидуальности – ее мотивационно-смысловая сфера, от которой зависит направление развития человека и которая заключается в целях, мотивах, потребностях, интересах, установках, идеалах, ценностных ориентациях.

Формирование мотивационной сферы современного молодого поколения тесно связано с духовно-нравственным развитием личности и проходит в сложных условиях духовного и нравственного кризиса и утраты верных ориентиров.

Ключевые слова: индивидуализация обучения, личность и индивидуальность, соотношение сигнальных систем, мотивация, речевая деятельность, проявления личности в речи.

SPEECH DIAGNOSTICS OF MOTIVATION FEATURES OF MODERN STUDENTS

N.A. Fomina, M.A. Mirchetich

Abstract. In the article, the authors pay attention to need of psychological culture increase of scientific and pedagogical employees of higher education institutions, importance of research and the accounting of motivational sphere of modern students features, and also open possibilities of diagnostics of major motivational sphere of the personality features to her speech.

The current stage of reforming of Russian education urgently requires a significant increase of psychological culture of scientific and pedagogical staff who are to equip students not only with the necessary theoretical knowledge and professional skills, but also to promote personal development of students as future professionals, to form common cultural and professional competences based on individual psychological characteristics.

One of the main features of personality and individuality is its motivational and semantic sphere defining goals, motives, needs, interests, attitudes, values, axiological orientations, etc., depends on a vector of human life and human development.

Motivational sphere formation of modern students is closely associated with the spiritual and moral development of their personality, held in difficult conditions of the crisis in the spiritual realm, moral polarization and loss of true orientations.

Personality is formed and manifests itself in different activities and one of the core activities of a man is his speech communication, we studied students' texts as products of their individual speech activity.

This essay presents some results of the analysis of the motivational orientation of the individual students, which was defined in the following terms: subjectification, objectification, personal choice, aspirations, goals and objectives, balance between personal and others' needs, interrogative, subjunctive, imperative constructions, direct address to readers, demonstrating the communicative orientation and as a consequence the sociocentrism, focus on others.

Keywords: individualization of education, personality and individuality, ratio of signaling systems, motivation, speech activity, manifestations of personality in speech.

Современный этап реформирования российского образования настоятельно требует существенного повышения психологической культуры научно-педагогических работников, которые призваны не только давать студентам необходимые теоретические знания, на их основе формировать навыки и умения осуществлять избранную профессиональную деятельность, но и способствовать развитию личности студентов как будущих специалистов, формированию у них общекультур-

ных и профессиональных компетенций с учетом индивидуальных психологических особенностей.

Одной из основных характеристик личности и индивидуальности, как известно, является ее мотивационно-смысловая сфера, определяемая целями, мотивами, потребностями, интересами, установками, идеалами, ценностными ориентациями и пр., от которых зависит вектор жизнедеятельности и развития человека.

Формирование мотивационной сферы современного молодого поколения, тесно связанной с духовно-нравственным развитием их личности, проходит в непростых условиях кризиса в духовной сфере, нравственной поляризации и утраты верных ориентиров.

Все вышесказанное определяет актуальность исследования особенностей мотивации студентов.

Исходя из постулатов о том, что личность формируется и проявляется в деятельности, а одним из основных видов деятельности человека выступает речевое общение, нами исследованы проявления личности студентов в текстах как продуктах их индивидуальной речевой деятельности.

В рамках концепции комплексного исследования проявлений в речи личности и ее свойств Н.А. Фоминой (2002) с помощью разработанной ею методики многоуровневого, поликомпонентного анализа текста (1992, 2002) [2] были проанализированы собственно лингвистические (языковые, речевые, содержательно-смысловые) характеристики высказываний студентов и отражение в них психологических особенностей их личности (динамических, когнитивных, эмоциональных, регулятивных и мотивационных).

В данной статье представлены некоторые результаты анализа мотивационной направленности личности студентов, которая определялась в текстах по следующим параметрам: субъективации или объективации действий авторов, выбору себя или другого в качестве основного действующего лица, направленности стремлений, целей и задач на удовлетворение желаний других или собственных потребностей, а также наличием вопросительных, сослагательных, повелительных конструкций и прямого обращения к читателям, свидетельствующих о коммуникативной ориентированности и, как следствие, – социоцентризме, направленности на окружающих [2].

Причем показано, что особенности мотивации немного зависят от психофизиологических характеристик индивидуальности, в частности от соотношения различных сигнальных систем. Лица с доминированием первой сигнальной системы на поведенческом уровне отличаются активностью, эмоциональностью и образным мышлением, а второй – развитой саморегуляцией, стремлением к рефлексии, порядку, логике, силой воли, готовностью к произвольному напряжению, умением подчинять себя задачам, аналитически мыслить [1].

Анализ высказываний студентов показал, что у подавляющего большинства студентов с преобладанием и второй, и первой сигнальных систем (87 % и 66 % соответственно) отсутствовала ярко выраженная мотивация. В центре повест-

вований были рассуждения общего характера о студенческой жизни, специфических особенностях студенческого возраста, процесса обучения в вузе и т. д. Они охотнее писали об обобщенном образе студента, лишь иногда затрагивая личный опыт и мало внимания уделяя окружающим («есть некоторые особенности, отличающие студента от школьника», «помимо учебы у студента бурная жизнь», «у многих родители запрещают ...», «многие всю жизнь с улыбкой на лице вспоминают свои студенческие годы», «многие считают, что студенчество...», «Есть некоторые особенности, отличающие студента от школьника»).

В 13 % текстов «второсигнальников» и 11 % текстов «первосигнальников», описывающих собственные переживания авторов, доминировала эгоцентрическая мотивация, выражающаяся в употреблении личных и притяжательных местоимений, глаголов 1-го лица («в свое время я очень долго думала, куда и на кого пойти учиться», «но все в моих руках, все в моих собственных силах», «конечно, могу это сделать через силу, но, думаю, можно обойтись и без этого», «а еще я поняла, что я – меланхолик (процентов 90%), так как очень чувствительный и творческий человек», «тем более, у меня сегодня день рождения...», «зачем я поступил на этот факультет?», «я считаю», «...я могу получить хорошие знания языка», «для меня студент – это...», «мы чувствуем...»).

Лишь в отдельных высказываниях (причем чаще «первосигнальниками») были использованы вопросительные («почему ты выбрал этот вуз?», «что изменилось с тех пор, как я им стала?», «но кто ее потерял?», «где престижней учиться?», «какой это студент, который университет месяцами не видит?», «почему?»), восклицательные («мы – студенты!», «Дзынь! Пора вставать, студент!») предложения, прямое обращение («Спасибо еще раз и удачи Вам!», «Давайте попробуем разобраться!»), указывающие на коммуникативную ориентированность и значит – некоторую социоцентричность авторов.

Таким образом, анализ результатов речевой деятельности современных студентов показывает, что у большинства отсутствует ярко выраженная мотивационная направленность, хотя у некоторых из них заметны проявления эгоцентризма, что, скорее всего, отражает особенности формирования их личности в современных условиях развития общества.

Библиографический список

1. Кадыров, Б.Р. Способности и склонности [Текст] / Б.Р. Кадыров // Психофизиологическое исследование. – Ташкент, 1990.
2. Фомина, Н.А. Индивидуально-типические особенности свойств личности и их проявления в речи [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Н.А. Фомина. – М., 2002.

УДК 159.99
ББК 88.4

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ЭСТЕТИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И.В. Черемисова

Аннотация. В статье представлена авторская позиция, которая состоит в том, что музыкально-творческое развитие личности средствами музыкальных шедевров способствует развитию интеллигентности будущих специалистов. Понятием «интеллигент» автор обозначает субъекта интеллектуальной элиты. Особенно остро проблема формирования личной интеллигентности стоит в контексте высшего профессионального психологического образования. Музыка понимается с позиций авторского эстетико-семиотического подхода как сложный психосемантический текст, наполненный общечеловеческими и личностными смыслами. Шедевры музыкального искусства, выступающие идеалами, являются носителями высоких духовных ценностей и стимулируют гармоничное личностное развитие. С позиций эстетико-семиотического подхода при отборе содержания особое значение придаётся воздействию «живой» классической музыки. Автор подчеркивает, что формирование структуры личной интеллигентности будущего специалиста в образовательном процессе средствами музыкального искусства способствует развитию интеллектуальной элиты в вузах современной России.

Ключевые слова: классическая музыка, эстетико-семиотический подход, элитарное образование, шедевр, музыкальный текст.

FORMATION OF INTELLIGENT ELITE IN HIGHER SCHOOL: AESTHETIC AND SEMIOTIC APPROACH

I.V. Cheremisova

Abstract. The author's position provided in the essay is that musical and creative personality development by means of musical masterpieces favors students' intellectuality development. The term "intelligent elite" used in the essay refers to the subject of intellectual upper-class. The problem of formation of personal intelligence is particularly important in the context of higher professional psychological education. Music from the standpoint of the author's aesthetic-semiotic approach is understood as a complex psychosemantic text, filled with universal and personal meanings. Masterpieces of musical art, being intellectual ideals transfer high moral values and promote harmonious development of personality. According to the suggested aesthetic and semiotic approach, particular importance is given to the effects of "live" classical works of art when selecting musical material. The author emphasizes that the development of students' personal intellectuality of the future specialist during educational process by means of musical art contributes to the development of the intellectual elite at Russian universities.

Keywords: classical music, aesthetic and semiotics approach, elite education, masterpiece, musical text.

Современная ситуация в России, серьезные изменения в социально-политической, экономической, культурной жизни страны актуализируют проблему реформирования высшего профессионального образования. Приоритетной является профессиональная подготовка, и часто упускается из виду важная составляющая высшего образования – культурное и духовное развитие личности обучающегося. Новая гуманистическая методология образования ставит в центр образовательного процесса человека, его духовное развитие, систему общечеловеческих ценностей и культурных ориентиров; решает актуальную задачу формирования культуры личности через приобщение человека к общей культуре, и психологической, в частности.

В научной литературе все чаще употребляются понятия «элитарного образования», «элитно-

го воспитания» и т. д. [5, с. 6]. В контексте нашего исследования под элитой мы будем понимать не какую-то привилегированную группу, а людей, обладающих личным достоинством.

В этом смысле нам представляется, что, прежде всего, необходимо обратить внимание на изучение научной или интеллектуальной элиты.

Исследование проблемы развития интеллектуальной элиты в пространстве высшего образования современной России провели В.И. Добрынина и Т.Н. Кухтевич. В своей работе они раскрывают актуальные задачи и цели формирования научной элиты в пространстве высшего образования России. Раскрывая культурологические, социально-философские, политологические особенности элит, авторы отмечают, «интеллектуальная элита занята разными областями духовного производст-

ва, она представляет собой творческий потенциал той или иной страны [3, с. 25].

С понятием субъекта интеллектуальной элиты часто ассоциируется понятие «интеллигент». В исследованиях последнего времени такое тождество представляется оправданным. Отмечается, что интеллигента отличает прежде всего не уровень образованности, а внутренняя культура, духовность, нравственность. Становится очевидным, что интеллигент – ценностное понятие [1, с. 205].

Кроме того, исследователи проблемы личной интеллигентности утверждают, что «интеллигент» обладает такими качествами, как воспитанность, основанная на воспитании и самовоспитании, способность и стремление к самообразованию, мотивацию к творческой деятельности. В связи с этим в качестве основных составляющих структуры личной интеллигентности определим: воспитание, самообразование, высокая нравственность, культура, креативность.

Особенно остро проблема формирования личной интеллигентности стоит в контексте высшего профессионального психологического образования. На всех этапах обучения в вузе важно обеспечить психологическое сопровождение формирования духовности будущего специалиста психолога. Помочь понять и укрепить ориентации на высшие общечеловеческие ценности, выстраивать свою деятельность в соответствии с ними.

В образовательном пространстве вуза важно уделить внимание развитию духовных потребностей молодых людей. Этому способствуют в незначительной степени занятия художественно-эстетической деятельностью (начиная с восприятия шедевров искусства, с посещения музеев, выставок, театров, концертных залов и создавая музыкально-творческие, театральные студенческие коллективы), самостоятельная научно-творческая деятельность студентов, экскурсии и путешествия, встречи с интересными, яркими личностями (например, серия встреч «Зажигайте сердца», проведенных для студентов кафедры психологии ВГАФК). Важно формировать у молодых людей духовное отношение к родному языку развивая потребность в литературной, грамотной речи. Духовная потребность творить добро развивается в процессе участия обучающихся в общественно-полезных делах, волонтерской деятельности.

Анализ многочисленных трудов по музыкальной психологии и педагогике показал, что наука обладает значительными теоретико-экспериментальными данными относительно закономерностей воздействия музыки на человека. Значение музыкального искусства для развития отдельной личности и общества в целом трудно

переоценить. Музыкальная культура, являясь частью эстетической культуры социума, способствует эстетическому восприятию общественных и культурных явлений.

Музыкальная культура является мощным средством коммуникации, общения и воспитания. Музыкальное искусство широко декларируется как эффективное средство создания и трансляции культурных ценностей. Общеизвестна высокая значимость музыки для восприятия слушателем, ее огромный потенциал для создания, хранения и трансляции культурных ценностей.

В последнее время стремительно увеличивается количество вузов в России, где организуется психологическая служба, уровень их развития повышается, вместе с тем психологическое сопровождение эстетического, музыкально-творческого развития личности обучающегося отличается фрагментарностью, решением сиюминутных проблем. Все это явно не соответствует требованиям времени к подготовке будущего профессионала.

Теоретический анализ по проблеме нашего исследования позволил определить не только роль музыкального искусства, музыкальной деятельности в музыкально-творческом развитии личности, но и сформулировать концептуальные подходы и спроектировать музыкально-семантическую модель развития творческой личности [4, с. 219].

В качестве основных факторов психологического воздействия музыкального искусства на развитие личности и активизацию творческих возможностей выделим духовно-нравственное содержание и эмоционально-образную насыщенность музыки как вида искусства. Существует большое разнообразие критериев для оценки названных параметров музыки. В нашем исследовании «камертонная музыкальная культура», которая содержит установки четырех смысловых уровней: бытового (1), социального (2), национально-культурного (3), духовного (4), является основой музыкально-семантической образовательной модели. В нашей концепции «камертонной культурой» обозначается классическое музыкальное искусство, музыкальные произведения академических жанров композиторов-классиков.

В авторской музыкально-семантической модели искусство музыки представлено как единение его объективных форм и субъективных значений. Музыкальное искусство, музыкальная культура – сокровищница всего значимого и важного, что передумало и пережило человечество за всю многовековую историю. Все эти переживания заключены в форме музыкальных смыслов. В нашей модели музыкальное произведение рассматривается как музыкальный текст, наполненный смыс-

лами, как поле смыслов. Высокие образцы музыкального искусства позволяют человеку проникнуть в высшие смысловые уровни, подняться до абстрактного уровня всеобщего смысла.

Это относится, прежде всего, к произведениям классической музыки. В процессе сочинения музыкального произведения и в процессе музыкального восприятия исполнителем и слушателем осуществляется бытие культурных ценностей.

Шедевры музыкального искусства, выступающие идеалами, являются носителями высоких духовных ценностей, стимулируют гармоничное личностное развитие. С позиций философско-эстетического подхода шедевр рассматривается как произведение эстетического и художественного максимума. В качестве критериев отличия шедевра от произведений другого качественного уровня выделяют: художественное совершенство, достоверность, бесконечная актуализация смысловой направленности восприятия слушателя.

Шедевр музыкального искусства в нашем исследовании – уникальное, непревзойденное творение композитора, являющееся носителем высокодуховных культурных ценностей, способное выступать идеалом, стимулирующим гармоничное личностное и общественное развитие [4, с. 162].

Музыка понимается с позиций разработанного нами эстетико-семиотического подхода, как сложный психосемантический текст, наполненный общечеловеческими и личностными смыслами [4, с. 153]. Многозначность и смысловая многогранность текста музыкального произведения обуславливают присвоение разноуровневых смыслов и способствуют творческому развитию личности. В наибольшей степени это касается музыкальных шедевров, способных повлиять на эмоционально-взволнованное восприятие явлений окружающей действительности.

С позиций эстетико-семиотического подхода при отборе содержания особое значение придается воздействию «живой» классической музыки. В нашем исследовании «живая» музыка определяется как процесс музыкальной коммуникации, обусловленный звучанием музыки в «живом» исполнении, в концертной обстановке, в ситуации домашнего музицирования с использованием одного или более духовых, струнных, ударных музыкальных инструментов, исключая электромузыкальные инструменты [4, с. 171].

Мы привыкли сегодня слушать музыку в магнитофонной записи, по радио, в записи самого высокого качества на CD и DVD-дисках. Однако живой настоящий концерт, по мнению исследователей, имеет много преимуществ перед механической его записью. В Баркаускас пишет, что, когда

мы слышим живую музыку, находимся рядом с исполнителем, мы видим выражение его внутреннего духовного состояния, это создает своеобразное напряжение в зале, ощущение непосредственного участия в творческом акте исполнения, интерпретации музыки [2, с. 120].

Современная система высшего образования переживает кризис воспитания. Просветительская задача в целом выполняется. Однако, очевидно, что только рациональное не может привести к формированию целостной картины мира. Картичность возникает, если мы способны, ухватывая цельность, оценивать, видеть полутона, чувствовать настроение, переживать, то есть проявлять многие человеческие качества.

Соответствие субъективных свойств, качеств и состояний, сформированных или приобретенных личностью в результате социально-культурного воздействия, свойствам, качествам и состояниям, необходимым для учебной деятельности, является важнейшим условием, логично связывающим основные феномены учебной и социально-культурной деятельности. Формирование такого соответствия во внеучебное время, в ходе культурных мероприятий, является одним из резервов повышения творческой активности личности и эффективности образовательного процесса в вузах.

Содержание психологического сопровождения музыкально-творческого развития личности обосновано в нашей диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук «Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе», в научных трудах. Однако реализация данной программы в вузе имеет свои особенности.

Во-первых, на всех этапах обучения в вузе отсутствуют занятия музыкой (кроме музыкальных образовательных учреждений). В связи с этим необходимо использовать возможности фоновой музыки, которая может сопровождать различные моменты студенческой жизни: трансляции музыкальных фрагментов в начале, в течение дня, во время перерывов, в столовой.

Во-вторых, ввиду многочисленности студенческих групп, большого размера аудиторий наибольшими возможностями из всех видов музыкально-творческой деятельности является слушание музыки.

В-третьих, большое количество праздников в вузе, которые составляют особую атмосферу студенческой жизни, предоставляют большие возможности для проявления других видов музыкально-творческой деятельности (исполнительской, сочинительской). В этих праздниках могут принять участие студенты, сотрудники института и студенты

музыкальных образовательных учреждений, профессиональные музыканты из филармонии.

В-четвертых, музыкально-творческое развитие студентов, обусловленное участием в деятельности творческого студенческого музыкального коллектива. Таким коллективом может быть студенческий хор, вокальный или инструментальный ансамбль.

Примером психологической работы со студентами может быть посещение выставки, музея. Причем экспонатами выставки могут быть творческие работы студентов и преподавателей. После знакомства с экспонатами фотовыставки, выставки картин художников можно предложить студентам поделиться впечатлениями в виде сочинения-размышления; предложить провести параллели с шедеврами музыкального искусства.

Например, после посещения выставки художественной фотографии студенты кафедры психологии, используя возможности социальной сети «ВКонтакте», поместили на свои странички музыкальные произведения, которые, по их мнению, были созвучны наиболее запомнившимся фотографиям. Это были произведения В.А. Моцарта, Л.В. Бетховена, И.С. Баха и др. Эту музыку могли послушать все многочисленные друзья, посещающие их странички. Возможности социальной сети «ВКонтакте» в большинстве случаев позволяют найти любимое музыкальное произведение в лучшем исполнении и поместить его на своей интернет-странице. Эта форма общения посредством музыкального искусства в работе со студентами позволяет преподавателю демонстрировать свои музыкальные предпочтения, соответствующие высокому музыкально-художественному вкусу.

Представляется необходимым вовлечь более широкий круг студентов в восприятие музыкального искусства. Для организации деятельности восприятия музыки можно использовать возможности отошедших в прошлое, но так необходимых сегодня шефских связей.

Юным музыкантам из музыкальных учебных заведений необходимо накапливать исполнительский профессионализм, многократно представляя готовые музыкальные произведения вниманию публики на концертах. А студентам немусыкальных вузов так необходима звучащая «живая» музыка.

Прекрасный образец такого сотрудничества являются концерты студентов и преподавателей Волгоградской консерватории им. П.А. Серебрякова в ВГИ (филиале ВолГУ), ВГАФК, которые стали доброй традицией в вузах.

Подчеркнем, что широкий репертуар языков искусств, которые осваивает в образовательном процессе обучающийся, позволяет ему использо-

вать больше средств для выражения смыслов разного уровня. Результатом таких занятий является развитие способности к более адекватному восприятию произведения искусства, соответствующему заложенному композитором объективному смысловому содержанию произведения.

Шедевры музыкального искусства активизируют творческий потенциал личности обучающегося в вузе, помогают принять ориентации на высшие общечеловеческие ценности, развивают стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, способствуют формированию понятия об эстетическом идеале, желанию преобразования своей и общественной жизни в соответствии с ним.

Психологическая культура личности рассмотрена нами в контексте общего культурного развития человека и определена как адекватное восприятие, переживание и создание психологических явлений действительности, ответственное отношение человека к жизни и к себе, способность к самосовершенствованию, обеспечивающая эффективную жизнедеятельность.

Приобщение к культуре с позиций эстетико-семиотического подхода, на наш взгляд, создает возможности каждому обучающемуся развиваться на основе выбора своих, лично значимых целей и задач самовоспитания из совокупности заданных обществом различных культурных образцов. Формирование структуры личной интеллигентности будущего специалиста в образовательном процессе способствует развитию интеллектуальной элиты в вузах современной России.

Библиографический список

1. Ашин, Г.К. Теоретические основы элитологии образования [Текст] / Г.К. Ашин, Л.Н. Бережнова, П.Л. Карабущенко, Р.Г. Резаков. – М.: Изд. центр «Академия», 1998.
2. Баркаускас, В. Творческий процесс и телевидение [Текст] // Музыка и телевидение / под ред. Г. Троицкой. – М.: Сов. композитор, 1978.
3. Добрынина, В.И. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе [Текст] / В.И. Добрынина, Т.Н. Кухтевич. – М., 1996.
4. Курьшева, И.В. Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07. Нижегород. гос. арх.-строит. ун-т / И.В. Курьшева. – Н. Новгород, 2011. – 453 с.
5. Фигуровская, В.М. Элитарное образование: научное содержание и теоретическое обоснование проблемы [Текст] / отв. ред. В.М. Фигуровская. // Проблемы образования – Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. – С. 4–8.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ»
23–24 АПРЕЛЯ 2015 г. (г. ВОЛГОГРАД)**

**ALL-RUSSIAN RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE
«PSYCHOLOGICAL CULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY»
23-24 APRIL 2015 (VOLGOGRAD)**

Всероссийская научно-практическая конференция «Психологическая культура в современном российском обществе», организованная Волгоградским филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, была посвящена обсуждению вопросов, связанных с современным состоянием психологической теории и практики, находящихся своё отражение в социальной действительности. Конечно, данная тема обсуждалась в рамках работ различных конференций и ранее («Психологическая культура человека: теория и практика» г. Саранск, 2012 г., «Психологическая культура и психологическое здоровье в образовании» г. Барнаул, 2011 г.), однако по-прежнему актуальна потребность в обсуждении основных тенденций, создающих единую картину социально-психологического состояния современного общества. Конференция объединила свыше 100 участников, включая известных учёных из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Рязани, Ростова и других городов, преподавателей различных вузов города Волгограда, психологов-практиков и психотерапевтов из различных социальных и медицинских учреждений. Среди основных направлений работы конференции было обсуждение вопросов, касающихся особенностей психологической культуры в российском образовании и современном обществе, методологических обоснований и подходов к определению психологической культуры личности, актуальных вопросов и направлений психологической теории и практики, образа психолога и места психологии в современном обществе. За два дня работы конференции были проведены пленарное заседание и круглый стол, организована работа трёх тематических секций и трёх мастер-классов.

С пленарными докладами на конференции выступили: Александр Михайлович Медведев, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Волгоградского филиала РАНХиГС; Ирина Валерьяновна Черемисова, доктор психол. наук, зав. кафедрой психологии Волгоградского государственного университета; Фомина Наталья Алексан-

дровна, доктор психол. наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Института психологии, педагогики и социальной работы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; Дина Муратовна Зиновьева, канд. психол. наук, зав. кафедрой психологии Волгоградского филиала РАНХиГС; Сергей Анатольевич Цветков, канд. психол. наук, декан факультета управления Владимирского филиала РАНХиГС; Наталья Евгеньевна Водопьянова, канд. психол. наук, доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета; Елена Анатольевна Столярчук, ст. преподаватель кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета; Ольга Витальевна Карина, канд. психол. наук, зав. кафедрой психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Александр Михайлович Медведев открыл конференцию и выступил с докладом «История психологической культуры в российском обществе и российская культурно-историческая психология». Был проанализирован ход развития отечественной психологии от момента создания первого психологического института до современных тенденций, среди которых прослеживается стремление к конвергенции различных наук о человеке и созданию единой психологической антропологии. В рамках культурно-исторической традиции в этом процессе немалую роль играет феномен событийности и культурного опосредствования.

Ирина Валерьяновна Черемисова в своём докладе «Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе: эстетико-семиотический подход» представила авторскую позицию, которая состоит в том, что музыкально-творческое развитие личности средствами музыкальных шедевров способствует развитию интеллигентности будущих специалистов. Понятием «интеллигент» автор обозначает субъекта интеллектуальной элиты. Осо-

бенно остро проблема формирования личной интеллигентности стоит в контексте высшего профессионального психологического образования. Музыка понимается с позиций авторского эстетико-семиотического подхода, как сложный психо-семантический текст, наполненный общечеловеческими и личностными смыслами. Шедевры музыкального искусства, выступающие идеалами, являются носителями высоких духовных ценностей и стимулируют гармоничное личностное развитие. С позиций эстетико-семиотического подхода при отборе содержания особое значение придается воздействию «живой» классической музыки. Автор подчеркнул, что формирование структуры личной интеллигентности будущего специалиста в образовательном процессе средствами музыкального искусства способствует развитию интеллектуальной элиты в вузах современной России.

Фомина Наталья Александровна в докладе «Системное исследование свойств личности и их речевая диагностика как одно из актуальных направлений в современной психологической науке и практике» обозначила, что современный этап реформирования образования в нашей стране требует значительного повышения психологической культуры научно-педагогических работников, которые должны обеспечивать студентов как теоретическими знаниями, так и навыками и умениями в реализации профессиональной деятельности, а также способствовать развитию их личности, формированию общекультурных и профессиональных компетенций. Все это необходимо осуществлять с учетом индивидуальных психологических особенностей. Формирование мотивационной сферы современного молодого поколения тесно связано с духовно-нравственным развитием их личности и проходит в сложных условиях духовного и нравственного кризиса и утраты верных ориентиров.

Дина Муратовна Зиновьева в докладе «Ключевые ориентиры психологической работы с поколением «текущей современности» представила авторское понимание ключевых принципов психологической помощи в эпоху постмодерна. Клиентский запрос эпохи модерна определен как самоактуализационный, запрос эпохи постмодерна определен как дефицитарный. Отмечается, что экзистенциальный ужас как проблема эпохи в концентрированной форме выражен в виде болезни времени – панических атак. Анализ «текущести» времени и пространства позволил определить сверхзадачу современной психологической помощи как развитие способности укореняться в любой точке пространства. Интерперсональные восстанавливающие отношения представлены как ресурс для

современной теоретической и практической психологии. Представлена перспективная схема психологического интересубъективного эпигенеза личности. Также описана авторская интерпретация интерперсональных аспектов универсальных психоаналитических принципов.

Сергей Анатольевич Цветков в своём выступлении «Экономическая психология: теория, практика, проблемы» обозначил основные этапы и направления становления и развития экономической психологии как науки, обусловленной разработкой теоретических проблем, методического инструментария, проведением прикладных исследований по изучению возрастных, индивидуально-типологических, гендерных и других особенностей субъектов экономической активности. Были обозначены основные психологические проблемы экономической социализации в современных условиях: социализация как социокультурный феномен, индивидуально-психологические характеристики личности как фактор экономической социализации, психология уровня и качества жизни, психология бедности и богатства; формы социализации: целенаправленная, стихийная, самовоспитание; этапы экономической социализации: идентификация, адаптация, индивидуализация, интеграция, сверхнормативная индивидуализация и интеграция; механизмы социализации: рефлексия, убеждение, подражание, внушение, заражение, антиципация; закономерности экономической социализации: социальная фасилитация, ингибция, конформизм, нонконформизм и др. Кроме вышеперечисленных проблем представляют интерес предпринимательство как вид социально-экономической деятельности с точки зрения психологических характеристик предпринимателя и организационная психология: философия, культура, имидж организации, психология рекламы, психология собственности в плане субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, психология денег и денежного обращения и др.

Наталья Евгеньевна Водопьянова в своём выступлении «Оптимисты и пессимисты в ситуации угрозы потери работы в связи с экономическим кризисом» описала исследование, посвященное поиску ресурсов субъектов труда для преодоления социально-экономических кризисов, начавшихся в 1998, 2008, 2014 годах. Предмет исследования: субъективные оценки трудности (стрессогенности) данных кризисных периодов в Российском обществе и экономике, способов их преодоления и адаптированности к ним активно работающих субъектов с разными жизненными позициями в виде оптимизма, пессимизма и реализма. В рамках исследования получено подтверждение

гипотезы о том, что оптимизм как системный конструкт (система позитивных установок, жизнерадостного «умонастроения», мировосприятия и мировоззрения) представляет собой диспозиционный ресурс, оказывает влияние на выбор конструктивных копинг-стратегий и способствует жизнестойкости субъектов труда. В связи с этим психологическая помощь в трудных ситуациях должна быть ориентирована на повышение оптимистичности жизненной позиции личности.

Елена Анатольевна Столярчук в докладе «Стратегии поведения безработных на рынке труда» представила основные модели преодолевающего поведения, стратегии поведения в конфликте, уровень субъективного контроля у безработных разного пола, возраста и уровня образования. Было обозначено, что в целом безработные используют как конструктивные стратегии поведения: вступление в социальные контакты, целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети, ориентация на профессиональное образование или переквалификацию по востребованным на рынке труда специальностям, так и неконструктивные – осторожное, защитное, избегающее поведение. В ходе проведенного исследования было установлено, что у безработных преобладают избегающие, осторожные стратегии поведения, что подтверждает одну из гипотез исследования. Средний и высокий уровни субъективного контроля безработных дают основания отклонить нашу гипотезу о низком уровне субъективного контроля. Это может быть объяснено тем, что в исследовании приняли участие безработные, которые стремятся повысить свой образовательный уровень или сменить профессию, что свидетельствует об ответственности человека за свои успехи в профессиональной деятельности и о желании изменить ситуацию в лучшую сторону посредством собственных усилий.

Ольга Витальевна Карина в своём выступлении «Профессиональное самоопределение как компонент социальных ожиданий в молодежной среде» определила проблему самоопределения молодого поколения как одну из самых актуальных для современного российского общества. Современные средства массовой информации транслируют много информации о профориентационной работе, профессиях, специфике Российских вузов, но, как и много лет назад, молодые люди, стоящие перед выбором профессии, испытывают тревожность, растерянность после окончания школы. Проблема состоит в том, что молодые люди не всегда свои ожидания соотносят с реальностью, поэтому полученный результат порой расходится с их ожиданиями. В результате чего возни-

кает феномен прокрастинации. Молодые люди, завышая свои возможности, стараются важные цели отложить «на потом». Такое откладывание в юношеском возрасте проявляется двояко: с одной стороны, наступает мобилизация внутренних ресурсов личности при экстренной реализации намеченных целей, а с другой – развиваются личностная тревога, страх за свое будущее, вследствие чего снижается уровень самооффективности. Несоответствие с ожиданиями снижает мотивацию молодых людей, и возникает возможность активно манипулировать их сознанием. Манипулятивные действия, совершаемые обществом, снижают критичность восприятия информации и ограничивают свободу мысли молодых людей. Такая пассивная жизненная позиция влияет не только на профессиональное самоопределение, но и на личностное самоопределение в целом.

В ходе работы круглого стола «Современные направления психологической помощи: интеграция и дифференциация» были обозначены ключевые тенденции в развитии психологической практики. Обсуждение актуальных вопросов и проблем специалистами различного профиля – психологами-консультантами, психотерапевтами, психиатрами, психодиагностами, социальными работниками – в том числе позволило наметить пути возможной консолидации при оказании многоплановой и всесторонней помощи личности. Заложены основы для работы постоянной дискуссионной площадки для психологов-практиков, психотерапевтов г. Волгограда, которая начнет свою работу с осени 2015 года.

Работа секции «Психологическое здоровье и психологическая культура личности» была посвящена обсуждению детерминант психологического здоровья и благополучия личности. Были рассмотрены такие феномены социально-психологической действительности как типы психологического благополучия личности (Я.И. Павлоцкая), позитивное здоровье (О.О. Фомина), субъективный опыт личности (Н.Е. Шустова), прокрастинация в контексте жизненного выбора (М.А. Киселева), психологическое выгорание в различных сферах деятельности (А.С. Шубина, А.С. Гордиенко), проявление бессознательных архетипических тенденций в юношеском возрасте (А.С. Мурушкина), проблема развития творческого мышления у детей (М.М. Табакова), специфика детско-родительских отношений в семье с ребёнком-инвалидом (Г.О. Вилков).

В рамках работы секции «Образ психолога и место психологии в современном обществе: мифы, стереотипы, представления» обсуждались

ключевые тенденции в восприятии деятельности психолога в обществе, роль психологии в системе социогуманитарных наук и практик. Особенно дискуссионной стала тема наличия определённых мифов о возможностях и границах психологической помощи, трудности для неспециалистов разграничения психиатрической, психотерапевтической и психологической помощи. В обсуждении приняли участие Е.А. Выгинная, И.В. Терелянская, А.М. Харитоновна, С.Г. Крымина, Н.Н. Бочарова, А.И. Завгороднева.

В рамках работы секции «Психологическое просвещение молодёжи как средство развития психологической культуры» студенты, магистранты, аспиранты различных вузов представили результаты своих исследований, темы которых находятся в широком спектре – от проблем обучения до экзистенциальных проблем смерти. В силу возрастных задач участников секции значительную дискуссию вызвало выступление А.В. Терентьева, психолога Психологического центра «Сфера» г. Волжский, на тему «Влияние эмоционально зависимых отношений на формирование готовности молодых людей к семейной жизни». На высоком теоретическом уровне был выполнен доклад Савело Анны Владимировны, магистранта ВФ РАНХиГС «Личностный хронотоп сознания и его культурно-исторические опосредования». Ведущая секции Зиновьева Д.М. отметила искреннюю преданность молодых исследователей различных вузов страны психологическому знанию и готовность проводить систематические научно-практические исследования. Живое соучастие и интерес к исследованиям молодёжи проявила Фомина Н.А., которая своими вопросами способствовала интерактивности и научности дискуссии.

На мастер-классе И.В. Терелянской, канд. психол. наук, старшего преподавателя кафедры психологии Волгоградской государственной ака-

демии физической культуры «Куклотерапия как средство формирования смысложизненных ориентаций личности» участники с удовольствием создавали своими руками куклы. Процесс создания кукол позволил понять некоторые психологические и воспитательные аспекты русских игровых традиций, соприкоснуться с собственной феминностью и осознать степень психологической зрелости своей анимы.

На мастер-классе психолога-консультанта А.И. Завгородневой «Некоторые аспекты групповой психотерапии травмы» были обсуждены основные направления оказания психологической помощи, участники смогли охарактеризовать процесс сопровождения клиента, отметить его особенности.

На мастер-классе «Оказание практической помощи специалистам-психологам при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних лиц» доцент кафедры психологии Волгоградского филиала РАНХиГС В.В. Крутова поделилась своим многолетним опытом в сфере юридической психологии и проведения экспертиз.

Завершилась конференция подведением итогов и обсуждением ключевых результатов, к которым можно отнести следующие: с учетом конкуренции в поле психологической культуры множества парадигм необходима постоянная поддержка со стороны научного сообщества полипарадигмального диалога; полипарадигмальный диалог позволит создавать интегративную систему координат, в то же время не стирающую концептуальных различий между парадигмами; идеальная цель помощи людям независимо от парадигмы предполагает интерперсональные отношения, сотрудничество, позитивное внимание, учет соматических паттернов и концептуальную схему работы как рациональную основу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУРАХМАНОВ – доцент, кандидат психологических наук, профессор кафедры практической психологии факультета психологии и педагогики Российского нового университета
Ринат Абдулнакипович
контактная информация: diplom575@ya.ru

БЕЛАНОВА – студент Челябинского филиала РАНХиГС
Анастасия Васильевна
контактная информация: belanovaa@list.ru

БЕСЕДИНА – педагог-психолог, МКДОУ д/с № 92 «Черемушка», г. Волжский
Светлана Алексеевна
контактная информация: svetlan-besedin@yandex.ru

ДОЛГОПолоВА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Волгоградского филиала РНХиГС
Ольга Александровна
контактная информация: dolgopolova34@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВА – соискатель кафедры психологии Волгоградского филиала РАНХиГС; капитан многоцелевых судов судоходной компании «Флинтер»
Юлия Вячеславовна
контактная информация: yvz27@mail.ru

ЗАДОРИН – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС,
Вячеслав Владимирович
контактная информация: formessage07@rambler.ru

ЗИНОВЬЕВА – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии Волгоградского филиала РАНХиГС,
Дина Муратовна
контактная информация: zinovyeva.dina@yandex.ru

ИГОНИНА – аспирант кафедры практической психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Марина Сергеевна
контактная информация: marina2011.igonina@yandex.ru

КАМКИЯ – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института РУДН
Беслан Астамурович
контактная информация: bkamkiya@mail.ru

КОМАРОВА – кандидат психологических наук
Алина Игоревна
контактная информация: kalinka34@mail.ru

КРУТОВА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Волгоградского филиала РАНХиГС
Виолетта Владимировна
контактная информация: kruvio@yandex.ru

- МАРТЫНЮК** – магистрант психологии
Елена Евгеньевна – Института психологии, педагогики и социальной работы
Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина
контактная информация: e-mail: hella9@mail.ru
- МИРЧЕТИЧ** – аспирант кафедры психологии личности, специальной
Марина Андреевна психологии и коррекционной педагогики
Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина
контактная информация: mirchetich@inbox.ru
- СМОЛИНА** – аспирант кафедры корпоративного управления
Елена Григорьевна Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: salvator-lux@ya.ru
- ТЕРЕНТЬЕВ** – психолог, Психологический центр «Сфера», г. Волжский
Александр Владимирович контактная информация: psi-sfera@yandex.ru
- ТКАЧ** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
Елена Сергеевна финансов и бухгалтерского учета Челябинского филиала РАН-
ХиГС
контактная информация: elena-tkach@yandex.ru
- ТРОНЕВА** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-
Виктория Николаевна правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС,
магистрант кафедры психологии Волгоградского филиала
РАНХиГС
контактная информация: vtroneva@mail.ru
- ФОМИН** – преподаватель кафедры государственного управления
Александр Николаевич и политологии Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: fomin76@mail.ru
- ФОМИНА** – аспирант кафедры психологии,
Ольга Олеговна Волгоградского филиала РАНХиГС
контактная информация: olgaffomina@gmail.com
- ФОМИНА** – доктор психологических наук, профессор, заведующая
Наталья Александровна кафедрой психологии личности, специальной психологии и
коррекционной педагогики
Институт психологии, педагогики и социальной работы,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
контактная информация: pslfom@mail.ru
- ЧЕРЕМИСОВА (Курышева)** – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
Ирина Валерьяновна Волгоградского государственного университета
контактная информация: iGINARUSA@inbox.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **БЕСПЛАТНО**, номер журнала можно получить в научно-организационном отделе Волгоградского филиала РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303) или он будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов. В первом файле на русском и английском языках приводятся данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, должность, контактная информация (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail).

Во втором файле – материал для публикации. Требования **к рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК; заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (100–500 слов), ключевые слова (5–8) (на русском и английском языках).

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется заголовком «**Библиографический список**», оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например, так: [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (черно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском, английском, немецком и французском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. **Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik_1@vags.ru**

Более подробная информация о требованиях, рекомендации по подготовке научных публикаций в журнал расположены по ссылке:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС
Серия: политология и социология. 2015. № 2.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редактор: *Н.В. Никитина*
Компьютерная верстка: *Г.В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ № ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 06.07.2015. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 11,35. Физ. п. л. 14.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10